

ISSN 2686-7494

Два века

РУССКОЙ
ИЖИССИКИ

ISSN 2686-7494

ISSN 2686-7494

Журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Два века **Two centuries**
русской классики **of the Russian classics**
[Dva veka russkoi klassiki]

Научный журнал Academic Journal
Выходит с 2019 года Is published since 2019

2022 Том 4 № 4 2022 Volume 4 No. 4

Учредитель и издатель: Founder and publisher:
Институт A. M. Gorky
мировой литературы Institute
им. А. М. Горького of World Literature
Российской of the Russian
академии наук Academy of Science

Два века
РУССКОЙ
КЛАССИКИ

Редакционная коллегия журнала «Два века русской классики»

Главный редактор

Щербакова Марина Ивановна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Виноградов Игорь Алексеевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Андреева Валерия Геннадьевна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Гулин Александр Вадимович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия), Гуминский Виктор Мирославович
(Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия), Ивинский Александр Дмитриевич (Институт мировой литературы
им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия), Троицкий Всеволод
Юрьевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия), Воропаев Владимир Алексеевич (Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия), Генералова Наталья Петровна
(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, г. Санкт-
Петербург, Россия), Захаров Владимир Николаевич (Петрозаводский государственный
университет, г. Петрозаводск, Российский фонд фундаментальных исследований,
г. Москва, Россия), Коровин Владимир Леонидович (Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия), Лебедев Юрий Владимирович
(Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия), Михайлова Наталья
Ивановна (Государственный музей А. С. Пушкина, г. Москва, Россия), Мосалева Галина
Владимировна (Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия), Николаева
Евгения Васильевна (Московский педагогический государственный университет, г. Москва,
Россия), Николаева Светлана Юрьевна (Тверской государственный университет, г. Тверь,
Россия), Федоров Алексей Владимирович (издательство «Русское слово», г. Москва, Россия),
Чернышева Елена Геннадьевна (Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия)

Международный редакционный совет

Авидзба Василий Шамониевич (научно-исследовательский центр «Абхазская
энциклопедия», г. Сухум, Абхазия), Гини Джузеппе (Университет им. Карло Бо, г. Урбино,
Италия), Донсков Андрей Александрович (Славянская исследовательская группа при
университете Оттавы, г. Оттава, Канада), Каватца Антонелла (Университет им. Карло Бо,
г. Урбино, Италия), Луцевич Людмила Федоровна (Варшавский университет,
г. Варшава, Польша), Олджай Тюркан (Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция),
Пиотровска Иоанна (Варшавский университет, г. Варшава, Польша), Саверченко Иван
Васильевич («Институт литературоведения им. Янки Купалы» Национальной академии
наук Беларуси, г. Минск, Беларусь), Рафаэль Гусман Тирадо (г. Гранада, Испания)

The editorial board of the journal “Two centuries of the Russian classics”

Editor-in-Chief

Marina I. Shcherbakova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Igor' A. Vinogradov (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Valeria G. Andreeva (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

- Alexander V. Gulin (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Victor M. Guminsky (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Alexander D. Ivinsky (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Vsevolod Yu. Troitsky (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Vladimir A. Voropayev (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
Natalya P. Generalova (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia),
Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Foundation for Basic Research, Moscow, Russia),
Vladimir L. Korovin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
Yuriy V. Lebedev (Kostroma State University, Kostroma, Russia),
Natalya I. Mikhaylova (State Museum of A. S. Pushkin, Moscow, Russia),
Galina V. Mosaleva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia),
Evgenia V. Nikolaeva (Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia),
Svetlana Yu. Nikolaeva (Tver State University, Tver, Russia),
Alexey V. Fedorov (Russian Word publishing house, Moscow, Russia),
Elena G. Chernysheva (Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia)

International Editorial Council

- Vasily Sh. Avidzba (Abkhazian Encyclopedia Research center, Sukhum, Abkhazia),
Giuseppe Genya (University of Carlo Bo, Urbino, Italy),
Andrey A. Donskov (Slavic Research Group at the University of Ottawa, Ottawa, Canada),
Antonella Kavazza (University of Carlo Bo, Urbino, Italy),
Lyudmila F Lutsevich (Warsaw University, Warsaw, Poland),
of Ukraine, Kiev, Ukraine), Oldzhay Tyurkan (Istanbul University, Istanbul, Turkey),
Ioann Piotrovsk (Warsaw University, Warsaw, Poland),
Ivan V. Saverchenko (Institute of Literary Criticism of Janka Kupala of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Raphael G. Tirado (Granada, Spain)

Содержание

Русская литература XVIII–XIX столетий

- 6 **Крашенинникова О. А.** Путешествия по Западной Европе и провинциальной России в мемуарах А. Т. Болотова
- 38 **Поташова К. А.** Программа развития исторической живописи и батальный экфрасис в эстетической мысли начала XIX в.
- 54 **Яо Лу, Ф. М.** Dostoevsky and the Aksakov Brothers in the Context of Social and Literary Struggle and Cooperation
- 72 **Федосеева М. С.** Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С. В. Максимова
- 102 **Николаева Е. В.** Петр I и его время в творчестве Л. Н. Толстого
- 112 **Михновец Н. Г., Копосова М. Р.** Предыстория и значение сцены на пароме в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»
- 138 **Авидзба В. Ш.** Роль наследия Л. Н. Толстого в развитии культуры и литературы Абхазии конца XIX — XX в.
- 154 **Еткин Г. Б.** The Pioneering Prototype Characters that Shape the History of Russian Literature

Текстология. Источниковедение

- 184 **Поляков И. А.** Неизвестный список паломнического сочинения «Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия...» в фондах Отдела рукописей РНБ
- 198 **Комлева Е. В.** Путевые дневники сибирских купцов конца XVIII — XIX в.: особенности, проблематика и информационный потенциал
- 216 **Фегисенко О. Л.** «Пессимист»: утраченный роман К. Н. Леонтьева

Научная жизнь

- 240 Поздравление М. Д. Амирханяна
- 244 **Айвазян М. А.** О ходе и итогах XVII Международных Толстовских чтений
- 254 **Борисова В. В.** Первый полный и универсальный библиографический указатель рода Аксаковых
- 264 **Ларкович Д. В.** Актуализируя классику: новая коллективная монография о диалогических интенциях отечественного литературного наследия
- 276 **Гершкович Т.** A New Edition of Donna Orwin's Study of the Three Great "Psychological Realists" of Russian Prose

Contents

Russian Literature of the 18th–19th Centuries

- 6 **Olga A. Krashennnikova.** Travellings Around Western Europe and Russia in A. T. Bolotov's Memoirs
- 38 **Ksenia A. Potashova.** Historical Painting Development Program and Battle Ekphrasis in Aesthetic Thought in the Beginning of the 19th Century
- 54 **Yao Lu.** F. M. Dostoevsky and the Aksakov Brothers in the Context of Social and Literary Struggle and Cooperation
- 72 **Maria S. Fedoseeva.** Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S. V. Maksimov
- 102 **Evgeniya V. Nikolaeva.** Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy
- 112 **Nadezhda G. Mikhnovets, Maria R. Koposova.** Background and Meaning of the Scene on the Ferry in L. N. Tolstoy's Novel *Resurrection*
- 138 **Vasilii Sh. Avidzba.** The Role of Leo Tolstoy's Legacy in the Development of Abkhaz Culture and Literature in Late 19th–20th Centuries
- 154 **Gülhanım B. Yetkin.** The Pioneering Prototype Characters that Shape the History of Russian Literature

Textual Criticism. Source Study

- 184 **Ivan A. Poliakov.** The New Copy of Pilgrimage Work "The Story by Mount Athos Monk Seleucus" from National Library of Russia Collection
- 198 **Evgeniya V. Komleva.** Travel Diaries of Siberian Merchants of the Late 18th–19th Centuries: Peculiarities, Issues and Information Potential
- 216 **Olga L. Fetisenko.** "The Pessimist" — a Lost Novel by K. N. Leontiev

Scientific Life

- 240 Congratulation to M. D. Amirkhanyan
- 244 **Michael A. Ayvazyan.** On the Progress and Results of the XVII International Tolstoy Readings
- 254 **Valentina V. Borisova.** The First Complete and Universal Bibliographic Index of the Aksakov Family
- 264 **Dmitry V. Larkovich.** Actualizing the Classics: A New Collective Monograph on the Dialogic Intentions of the Russian Literary Heritage
- 276 **Tatyana Gershkovich.** A New Edition of Donna Orwin's Study of the Three Great "Psychological Realists" of Russian Prose

© 2022. **О. А. Крашенинникова**
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Путешествия по Западной Европе и провинциальной России в мемуарах А. Т. Болотова

Аннотация: В статье на материале автобиографических записок А. Т. Болотова прослеживаются основные этапы духовного становления русского дворянина-помещика середины XVIII в. через его путешествия по Западной Европе и провинциальной России. Западная цивилизация и культура, с которыми герой познакомился во время службы в Кенигсберге, дали мощный импульс для духовного формирования молодого мемуариста. Возвращение на малую родину и последующие путешествия по России помогли ему обрести чувство корневой связи с родной почвой через создание семьи, общение с многочисленной родней, через привязанность к родовому имению как месту приложения творческих сил души. В ходе сопоставления двух этапов жизни Болотова автором статьи делается вывод о важнейшем значении малой родины в процессе формирования личности героя XVIII в. в эпоху русского Просвещения. Автор статьи доказывает, что Болотов представлял собой тип героя XVIII в., гармонически сочетавшего западный идеализм (пиетизм) и русское почвенничество. Особое внимание в статье уделяется описаниям путешествий героя по провинциальной России, которые оцениваются как самобытное и новаторское явление в русской литературе путешествий конца XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, путешествия, Западная Европа, провинциальная Россия, усадебно-дворянский быт, практическая философия, почвенничество.

Информация об авторе: Ольга Александровна Крашенинникова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krashenninnikova.61@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 18.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 07.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Крашенинникова О. А. Путешествия по Западной Европе и провинциальной России в мемуарах А. Т. Болотова // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 6–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-6-37>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Olga A. Krashennnikova**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Travellings Around Western Europe and Russia in A. T. Bolotov's Memoirs

Abstract: Based on the autobiographical notes of A. T. Bolotov, the article traces the main stages of the spiritual development of a Russian nobleman-landowner of the mid-18th century through his travels in Western Europe and provincial Russia. Western civilization and culture, which the hero met while serving in Koenigsberg, gave a powerful impetus to the spiritual formation of the young memoirist. Returning to his small homeland and subsequent travels around Russia helped him gain a sense of root connection with his native soil through the creation of a family, communication with numerous relatives, through attachment to the family estate as a place of application of the creative forces of the soul. In the course of comparing the two stages of Bolotov's life, the author of the article concludes that the small homeland is of great importance in the process of forming the personality of the hero of the 18th century during the era of the Russian Enlightenment. The author of the article proves that Bolotov was a type of character of the 18th century, harmoniously combining Western idealism (pietism) and Russian pochvenism. Particular attention is paid to the descriptions of the hero's travels in provincial Russia, which are assessed as an original and innovative phenomenon in Russian travel literature of the late 18th – early 19th centuries.

Keywords: A. T. Bolotov, travel, Western Europe, provincial Russia, manor-noble life, practical philosophy, pochvennichestvo.

Information about the author: Olga A. Krashennnikova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

Received: August 18, 2022

Approved after reviewing: October 07, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Krashennnikova, O. A. "Travellings Around Western Europe and Russia in A. T. Bolotov's Memoirs." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 6–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-6-37>

Автобиографические записки¹ «Жизнь и приключения А. Т. Болотова, описанные им самим» (1787–1816) покоряют читателя магией эпически неспешного повествования в делящейся десятилетиями документальной хронике — практически бессюжетном рассказе, педантично фиксирующем как исторически важные события, так и сугубо частные, совершенно незначительные. Описание прозаических подробностей повседневной жизни провинциального дворянства XVIII в. всегда оставалось за пределами «высокого» литературного повествования. Однако мелочи, на первый взгляд незначительные, но колоритные детали, которые не встретишь ни у одного мемуариста, кроме Болотова, составляют особую прелесть записок и имеют для нас не меньшую познавательную ценность, чем эпизоды, повествующие о событиях общезначимых, принадлежащих к истории всего народа. Эти драгоценные подробности составляют, как мозаика, многолетнюю хронику истории «любезного» Дворянинова — родового имения Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833), а затем и хронику Киясовской и Богородицкой волостей, управляющим которых он был. Благодаря многочисленным деталям мы отчетливо представляем, чем жил и дышал провинциальный дворянин средней руки екатерининской эпохи. Мемуары Болотова по праву могут считаться энциклопедией русского усадебно-дворянского быта второй половины XVIII в. По ним можно изучать повседневную жизнь мелкопоместного дворянства: устройство и архитектуру господских домов, садово-парковое усадебное искусство, вопросы землевладения и межевания, основы взаимоотношений помещика с семьей, а также со слугами и крестьянами, ритуалы сватовства и свадьбы, вопросы образования и определения на службу детей, праздники, забавы и увеселения дворян и многое другое. Однако значение записок Болотова состоит не только в их документа-

---

¹ В статье термины «записки» и «мемуары» являются синонимичными.

лизме и познавательной ценности. Как всякое литературное явление, эта автобиографическая хроника не сводится лишь к беспристрастной фиксации событий и фактов, но является книгой, утверждающей нравственные и культурные ценности. В записках Болотова видны отголоски литературных традиций как современной ему словесности, так и предвестия высокой классики XIX в., элементы жанров и сюжетов, которые войдут в литературный обиход на рубеже и в первой половине следующего столетия: жанра сентиментального путешествия, физиологического очерка, романа-эпопеи, (подобного гоголевским «Мертвым душам», с портретной галереей колоритных провинциальных типов помещиков), наконец, семейной хроники и романа воспитания. Сама русская действительность рождала эти литературные сюжеты, типы и жанры, и на примере мемуаров Болотова мы видим, как тонка была грань между документальным и художественным началом в литературе.

1

Мемуары Болотова приобрели окончательную форму в результате литературной обработки автором «Чернового журнала всedневных событий», который он вел всю сознательную жизнь. Особая ценность этой автобиографии в том, что она опиралась на конкретные факты и точно датированные события жизни мемуариста, скрупулезно зафиксированные им сразу же, по горячим следам, в своем дневнике. Полный текст Записок составлял, по свидетельству внука Андрея Тимофеевича, более 50-ти томов [Болотов М.: 748], в каждом из которых было примерно по 400 страниц. 39 томов были проданы внуком Андрея Тимофеевича издателям Киселеву и Самарину. В 1871–1873 гг. в Приложении к журналу «Русская старина» М. И. Семевским были изданы 29 томов воспоминаний. Изданная часть Записок охватывала период с рождения Болотова в 1738 г. до 1795 г., когда он еще состоял управляющим Богородицкой волости. Над описанием этих частей своих мемуаров автор работал 29 лет: с 1787 г. по 1816 г. Однако из воспоминаний внука писателя М. П. Болотова известно, что автор довел записи до 1810 или 1811 г., где описал подробно свою поездку в Орел и рождение там внука Михаила Павловича [Болотов М.: 748]. «Продолжение “Записок” А. Т. Болотова», в котором описывались события 1799–1802 и 1805 гг., было опубликовано в «Русской старине» за 1889 г.

[Продолжение]. В ОР ИРЛИ (Ф. 537, № 1) хранится «Продолжение описания жизни Андрея Болотова» за 1807, 1808, 1821–1826 и 1827 гг. [Щеблыгина: 18].

Автор составил свои Записки в форме писем, в каждом из которых он обращался к условному «любезному приятелю» (по свидетельству самого мемуариста, некоторые части первоначального дневника также были написаны в форме писем к теще, а позднее к подростку сыну Павлу). Текст Записок, опубликованных М. Семевским, был разбит ровно на 300 писем приблизительно равного объема. Необыкновенно популярная в западноевропейской литературе эпистолярная форма для русской прозы конца 1780-х гг. была новаторской и необычной. Лишь с выходом в свет первых глав «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина (в 1791–1792 гг. в «Московском журнале») эпистолярная форма становится эталоном литературной моды и в России. Таким образом, Болотов, одновременно с Карамзиным начавший работать над своими Записками в конце 1780-х – начале 1790-х гг., стал, как и его знаменитый современник, одним из основателей этого жанра в России.

2

Жизненный путь Болотова, отражающий его духовные искания, можно разделить на три основных этапа. Время, проведенное им на военной службе в Пруссии (в ходе Прусской кампании русской армии 1757–1762 гг.), стало периодом формирования его личности, поисками мудрости в процессе чтения книг, которые привели его к обретению практической жизненной философии. Второй этап относится к тому времени, когда герой делает попытку обрести свое место в мире, служа флигель-адъютантом у генерала Корфа в Петербурге, — это период «ложной самореализации» автора записок. Наконец, завершающим этапом духовных исканий стало обретение героем своего подлинного «я» на малой родине, в тульском родовом имении Дворяниново. Географически путь духовной эволюции Болотова пролегал сначала из России на Запад (Кенигсберг), с Запада — в российскую столицу (Петербург) и, наконец, завершался в российской глубинке, в имении Дворяниново. Возвращение на родину не было тупиком, это было открытие совершенно нового и неизведанного мира — мира российской провинции, во всем его неожиданном богатстве и разнообразии.

Повествование об истории военной службы Болотова (1755–1761), в том числе в период Прусской кампании, кульминацией которой стало пребывание в Кенигсберге (1758–1761), типологически близко к жанру традиционного западноевропейского «романа воспитания» и содержит историю духовного становления героя. Перед нами типичная для западной литературы сюжетная ситуация, когда неопытный юноша, к тому же еще и сирота, оказывается один в безнравственном и порочном окружении (в данном случае в среде невежественной офицерской братии, интересы которой сводились к карточной игре, попойкам и любовным похождениям), но находит в себе силы противостоять злу, сохраняет нравственную чистоту и избегает пагубного влияния внешнего мира. Лишенный влиятельных и богатых покровителей, юноша на каждом шагу ощущает воздействие на свою судьбу благого Божественного Промысла. Так, герой мемуаров чудом избегает множества опасностей, которые подстерегали его на каждом шагу военной службы. Судьба счастливо хранила его от кровопролитных сражений, которых было немало в ту неудачную для русской армии прусскую компанию. Помимо воли мемуариста обстоятельства все время складывались так, что юный офицер все более отдалялся не только от театра военных действий, но и от компании своих сослуживцев, которые не оставляли попыток вовлечь Болотова в порочные забавы. Попав вместе со своим полком в Кенигсберг, Болотов совершенно неожиданно для себя из военного человека превращается в чиновника и назначается переводчиком при канцелярии губернатора генерала Н. А. Корфа, получая тем самым надежную «бронь» от участия в военных действиях. Этот момент определил всю дальнейшую судьбу героя: «Промыслу Господню угодно было, власно как нарочно, привесть меня в сей прусский город, дабы я, живучи тут, имел случай узнать сам себя и, короче, все на свете и мог чрез то приуготовиться к той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить в последующее потом время» [Болотов А. 1: 522]. Четыре года, проведенные в Кенигсберге, познакомили героя с основными достижениями западной цивилизации и культуры. Старинная архитектура города, его храмы и многоэтажные дома, регулярные парки и сады с фонтанами, а также светские балы, маскарады, театры, библиотеки, газеты и журналы, университетская наука — все лучшие, привлекательные стороны европейской цивилизации открылись любознательному провинциальному

юноше, получившему в России лишь скудные, отрывочные знания от случайных учителей. Неудивительно, что герой с головой погружается в совершенно новые для него жизненные впечатления, живет жизнью типичного немецкого бюргера, приобретая новый, бесценный опыт и самостоятельно довершая свое образование. Интересная деталь: общаясь преимущественно с немцами и в совершенстве овладев немецким языком, Болотов порой сознательно мистифицирует своих знакомых, выдавая себя за природного немца. Герой настолько увлечен западной культурой, что и ощущает себя скорее немцем, чем русским. Четыре года, проведенные в Кенигсберге, стали определяющими в духовном и интеллектуальном развитии героя, своеобразными университетами автора, периодом его близкого знакомства с западной литературой, наукой, философией, богословием. Сначала он с упоением предается чтению лучших немецких романов, которые обогатили его духовный мир, развили нравственное чувство: «Ум мой преисполнился множеством новых и таких знаний, каких он до того не имел, а сердце нежными и благородными чувствованиями, способными не преклонять, а отвращать меня от пороков и худых дел, которым легко бы я мог сделаться подверженным <...>. От многого чтения преисполнилось оно столь нежными и особыми чувствованиями, что я приметно ощущал в себе великую перемену и совсем себя власно как переродившимся. Я начинал смотреть на все происшествия в свете не какими иными, а благонравнейшими глазами, а все сие и вперяло в меня некое отвращение от грубого и гнусного обхождения и сообщества с порочными людьми» [Болотов А. 1: 637–638]. От переродившей его духовно художественной литературы мемуарист переходит к изучению исторической, философской, а затем и богословской литературы, читает Зюльцера, Мосгейма, Иерузалема, Готшеда и других немецких протестантских философов-пиетистов. Увлечшись сначала философской системой Х. Вольфа, он позднее убеждается в том, что эта система неизбежно приводит к деизму и атеизму, и признает превосходство новейшей философии Х. А. Крузия (1715–1775) над Вольфом. Философия Крузия, признающая Бога первоисточником субстанциальной силы, образующей активное и деятельное начало всего сущего, творцом мира и человека, — эта система и стала основой жизненной философии мемуариста, источником его нравственных принципов и стиму-

лом работы над собой¹. В конце пребывания в Кенигсберге, прощаясь с дорогим его сердцу городом, мемуарист мысленно возносит хвалу ему и благодарит за то, что он был ему полезен в жизни и «подарил его сокровищами бесценными»: «В стенах твоих сделался я человеком и спознал самого себя, спознал мир и все главнейшее в нем; а что всего важнее, спознал Творца моего, Его святой закон и стезю, ведущую к счастью и блаженству истинному» [Болотов А. 1: 872]. По сути дела западной цивилизации и в особенности немецкой протестантской философии и морали герой Записок был обязан своим духовным становлением и нравственным самоопределением.

Следующим событием, ставшим важнейшей вехой в жизни мемуариста, стал изданный Петром III манифест «О даровании вольности <...> дворянству» 1 марта 1762 г., позволивший Болотову, двадцатичетырехлетнему дворянину в чине капитана и владельцу около ста душ крестьян, покинуть ненавистную для него службу адъютанта при генерале Н. А. Корфе в Петербурге, а вместе с ней и всю вообще суетную светскую жизнь при дворе: «Я, полюбив науки и прилепившись к учености, возненавидел уже давно шумную и беспокойную военную жизнь и ничего уже так в сердце своем не желал, как удалиться в деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить достальные дни свои посреде книг своих в сообществе с музами» [Болотов А. 1: 864–865]. Все, что случилось с героем до памятного указа Петра III: военная служба в полку, пребывание в Кенигсберге, служба при дворе, — было всего лишь предысторией, подготовкой мемуариста к обретению своего «я» и настоящего места в мире. Поиск жизни в гармонии с самим собой, соответствующей его внутреннему устройению, приводит Болотова к единственно правильному решению — выходу в отставку и спешному, похожему на бегство, отъезду в родовое имение. Для иного литературного героя отъезд в деревню был бы равен уходу в небытие, концу его литературной истории, для Болотова он стал долгожданной возможностью практического осуществления его жизненной философии, началом обретения подлинной жизни и своего истинного «я». Для автора усадебная, помещичья среда была свободным жизненным пространством, где могли раскрыться все многочис-

---

¹ Подробнее о философской антропологии А. Т. Болотова см.: [Боровая; Пенькова].

ленные дарования его души, осуществиться его творческие замыслы и планы. Это не руссоистский идеал пасторальной жизни вдали от благ цивилизации и культуры, разрывающей все социальные связи и отношения. Болотов глубоко укоренен в родной почве и среде и склонен не только к сентиментальному созерцанию красот природы, но и ее деятельному преобразованию. Занятие науками и творческое преображение усадебного пространства, а затем и целой территории подвластной ему волости становится главным делом героя. В этом отношении жизненному устройению Болотова можно найти немало аналогов среди его знаменитых современников — в качестве примера укажем на ранний выход в отставку Н. И. Новикова и Н. М. Карамзина, для которых частная жизнь стала, по выражению Ю. М. Лотмана, формой и способом общественного служения [Лотман, Успенский: 570]. К Болотову можно с полным правом отнести наблюдение Ю. М. Лотмана о Новикове, который, по мнению исследователя, полагал, что «прогресс совершается не в области правительственных распоряжений и законов, а в сфере частного существования, постепенного одухотворения непосредственной жизни» [Лотман, Успенский: 570]. Сутью болотовского «частного» служения было внесение красоты, порядка, творческой фантазии и изобретательности в окружающую его провинциальную жизнь как в своем имении Дворяниново, так и в подвластных ему волостях, что во многом было подсказано впечатлениями, вынесенными от пребывания на Западе, прежде всего в Кенигсберге. Болотов становится одним из первых в России помещиков, которые начинали заводить у себя усадьбы нового типа, являвшиеся «не только хозяйственными единицами, но эстетически организованным пространством» [Щеблыкина: 241].

«Одухотворенность частного бытия» в мемуарах Болотова имела и еще одно своеобразное проявление: автор записок привнес в русскую литературу ощущение ценности и неповторимости каждого прожитого дня, каждого его мгновения. Мемуарист заставлял время как бы замедлять свое течение, выхватывая из непрерывного жизненного потока неповторимые моменты: минуты неожиданной радости или горя, опасности для жизни, получения внезапных известий, когда решалась вся его дальнейшая судьба, или запечатлевая в мгновенных зарисовках прекрасные пейзажи и явления природы, очевидцем которых он становился в своих продолжительных путешествиях по России. Счет жизни в мемуарах и впрямь шел не только на недели, месяцы и года —

счет шел на дни. Примечательно, что автор записок не только точно фиксирует даты важнейших событий своей жизни, но и ведет подсчет общего количества прожитых дней. Так, например, он отмечает как памятный для себя день 27 февраля 1792 г., ибо «с оным совершилось 19500 дней моей жизни. Следовательно, с оным прожил я на свете половину 20-й тысячи дней...» [Болотов А. 3: 923]¹. В стремлении дать перед самим собой отчет о каждом прожитом дне, фиксируя все значимые и малозначительные события в дневнике, Болотов постепенно обретал привычку (и передавал это умение читателям) относиться к событиям своей жизни как фактам литературным. При этом вся его жизнь возвышалась до уровня искусства, становилась творчеством. Отметим, что для мирозерцания XVIII в. было нетипично представление о человеке как творце своего счастья. Так и для Болотова жизнь представлялась результатом совместного творчества невидимой руки Божественного Промысла, руководившей им и неуспно пекущейся о его истинном благе, и самого мемуариста, следовавшего неуклонно принципам своей жизненной философии, обретенной им в молодые годы, в сочетании с практичной житейской мудростью².

3

Одной из важнейших сторон жизни провинциального дворянства, подробно и разнообразно описанной в Записках Болотова, является культура путешествий XVIII в., которая составляла существенную часть повседневной жизни русского помещика.

Одним из важнейших следствий высочайшего манифеста «О даровании вольности <...> дворянству» стало, как неоднократно указывалось в исследовательской литературе, формирование усадебно-помещичьей культуры в России XVIII в.

Обретенная возможность раннего выхода в отставку и оседлой жизни в своем родовом имении побуждала дворян больше времени уделять вопросам архитектуры, земледелия и агрономии, садоводству и парковому искусству, заниматься украшением и благоустройством своих усадеб. Привязанность к месту обитания, родовому имению

---

¹ Интересно, что Болотов умер 7 октября 1833 г., в день своего рождения, когда ему исполнилось 96 лет.

² Подробнее см.: [Пантелеев].

оживляла горизонтальные — родственные и дружеские — связи между людьми. Одновременно с оседлостью и домоседством формировалась и культура путешествий, поездок в гости. Это были две неотъемлемые стороны усадебной культуры: свободные от службы дворяне все свободное время посвящали поездкам в имения родственников и знакомых, сами с радостью принимали гостей. Так, Болотов, подводя итоги прошедшего года, констатировал, что половину его провел в гостях и путешествиях, а вторую половину устраивал приемы у себя дома.

Приезд гостей был обычно радостным и долгожданным событием в жизни помещика: гости не воспринимались как обуза, но вносили радостное оживление в однообразное течение поместной жизни. Гости старались не только хорошо угостить, но и обязательно оставить у себя ночевать, еще лучше — на несколько дней. Родные могли гостить от нескольких недель до нескольких месяцев. Делом чести было потом отдать долг взаимным посещениям. Родственные визиты у Болотова были особенно часты в первые годы семейной жизни, относящиеся к «дворяниновскому» периоду. Следовало отдать долг почтения не только своей родне (сестрам, племянницам, дядьям), но и родственникам жены Мавры Степановны (урожд. Бакеевой). В 1765 г. Болотов, вместе с женой, тещей и теткой жены Матреной Васильевной Арцыбашевой предпринимает длительное — почти на всю зиму — путешествие в низовой городок Казанской губернии Цивильск, чтобы посетить деда своей жены Аврама Семеновича Арцыбашева, которого никогда ранее не видел. Как отмечал мемуарист, «к восприятию путешествия сего на Низ в сию зиму побуждала нас наиболее престарелость сего толь близкого родственника, а того паче собственное его и усердное желание нас видеть и меня узнать лично прежде своей кончины, ожидаемой им ежегодно» [Болотов А. 2: 95]. Ради того, чтобы отдать дань уважения родственнику жены, мемуарист решает отправиться в столь длительное (и небезопасное во всех отношениях) путешествие в отдаленную и незнакомую ему провинцию Российской империи. Одновременно Болотов старается наладить дружеские отношения с соседями и родственниками. Так, в 1765 г. Болотов отмечал в Записках, что количество родных и «знакомцев» его, живших за Окою, в Тарусе, в Серпухове, под Каширою «умножилось в сей год довольно новыми, и я едва успевал делать им соответственные визиты» [Болотов А. 2: 158]. А в 1768 г. Болотов записал: «Давно уже не был я у многих моих знаком-

цев и родных как с своей стороны, так и с женой и весьма многим должен я был взаимным приездом за их к себе посещение. И так, собравшись в сие время, поехали мы с тем, чтоб всех их объездить одним разом, и мы действительно были в целых 12-ти домах в Алексинском, Каширском и Тульском уездах и объездили множество верст, сделали превеликий круг и препроводили в том более двух недель времени» [Болотов А. 2: 168–169].

И в последующие годы, когда Болотову приходилось совершать и более длительные путешествия по России, он всегда по пути останавливался у близких или дальних родственников, многочисленных знакомцев, сослуживцев и друзей. Однажды он взялся перечислить всех своих ближних и дальних родственников, многих из которых регулярно посещал: это дядя Матвей Петрович Болотов и его два сына — Михаил и Гавриил Матвеевичи, жившие с мемуаристом в одной деревне, племянник во Пскове (сын рано умершей сестры Болотова Прасковьи Тимофеевны, выданной замуж за псковского помещика Василия Савиновича Неклюдова), три другие племянницы в Кашине от другой сестры Марфы, бывшей замужем за тульским помещиком Андреем Федоровичем Травиным, также рано умершей, тетка Матрена Ивановна Аникеева под Каширою, другая на Протве, дед жены с детьми в Цивильске, дядя жены — в Козлове [Болотов А. 2: 586–587] и т. д. Друзей и знакомых в различных (преимущественно южных) губерниях с годами у Болотова накапливалось все больше. В поздний период жизни мемуариста к числу постоянных мест для посещения прибавились имения, где жили выданные им замуж дочери: Елизавета (в селе Ламки Богородицкого уезда), Анастасия (в селе Головино Крапивинского уезда за Тулой), Ольга (в селе Змиевке Богородицкого уезда) и семья сына Павла (в селе Гнилом-Болоте Орловской губернии). Дочь Екатерина, вышедшая замуж за А. И. Пестова, постоянно жила в 18-ти верстах от Дворянинова, в селе Сенькине [Болотов А. 2: 740]. С годами почти вся российская провинция для Болотова, куда бы он ни приехал, оказывалась населенной родственниками или друзьями (в том числе, вновь обретенными), и воспринималась как обжитое и родное пространство¹. В гости ездили на именины, крестины детей, на сговоры и

---

¹ В последнем издании Мемуаров Болотова один только именной указатель упоминаемых в них лиц занимает 40 страниц.

свадьбы, на дни ежегодных ярмарок, годовых (престольных) праздников, чтобы весело провести вместе святки и Новый год, масленицу и другие праздничные периоды церковного года. После выхода в 1765 г. екатерининского «Манифеста о межевании» родственники наперебой звали Болотова приехать в их имения, чтобы помочь им с межеванием земель; звали Болотова и в тех случаях, когда требовалась помощь со справедливым разделом имущества при получении наследства. Эти и им подобные дружеские, семейные и родственные связи пронизывали и оживляли русскую провинциальную жизнь, объединяя мелкопоместное дворянство. Значительная историческая и художественная ценность мемуаров Болотова состоит в том, что они дают представление не столько о парадной, «фасадной» стороне жизни Российской империи XVIII в., сколько о «закулисной», домашней жизни многих тысяч провинциальных русских дворян «средней руки», их повседневных заботах, родственных и добрососедских связях. В русской литературе XIX в. было принято писать о гостеприимстве, «семейственности» и хлебосольстве Москвы (в противоположность холодному и светскому Петербургу), однако мемуары Болотова свидетельствуют о том, что Москва была олицетворением *русской провинциальной жизни вообще*, отражением лучших ее сторон.

Без сомнения, вся «высокая» русская культура, литература, наука с начала XVIII в. были сосредоточены в главных культурных центрах России — двух ее столицах. Москва, а с XVIII в. и Петербург определяли магистральные пути развития русской культуры. Образованный человек в России не мыслил свою жизнь без Москвы и Петербурга, сюда из провинции приезжали таланты и дарования, чтобы обрести питательную почву для своего развития, найти успех и признание, сделать служебную карьеру. Болотов всей своей жизнью, убеждениями, идеалами утверждал противоположное движение: из столицы в провинцию. Он был убежденным провинциалом, человеком почвы, ценителем красоты и очарования сельской жизни, знатоком и создателем усадебной культуры. Жизнь в глуши Тульской губернии не угнетала его, а раскрывала заложенное в нем творческое начало: побуждала к серьезным занятиям «сельской экономией», разведению садов и парков, трудам по изучению сельского хозяйства и агрономической науки. Даже самые скучные осенние и зимние месяцы деревенской жизни Болотову были драгоценны как время, которое можно

было безраздельно посвятить полезному чтению, любимым литературным трудам и упражнению.

В Москве Болотов бывал обычно проездом или по делам, но и там он старался останавливаться у своих родственников или соседей по имению: в Москве жили родные дядья Болотова — Матвей Петрович Болотов и Тарас Иванович Арсеньев, друг и сосед по дворяниновскому имению г. Полонский. Отношение к Москве у Болотова было сугубо утилитарным: в ней он останавливался проездом, чтобы закупить провизию для предстоящего длительного путешествия по России, приобретал новые книги по агрономии и экономике, периодику, карты и т. д. В последующие годы семья закупала в Москве все необходимое для приданого дочерям, готовясь к свадьбам. По-видимому, Москва в целом воспринималась убежденным провинциалом Болотовым как нечто чужеродное: светская роскошь его скорее отталкивала и тяготила. Что касается Петербурга, то в него Болотов и его сын Павел приезжали лишь несколько раз в жизни по делам службы. В 1762 г., получив долгожданную отставку после выхода манифеста «О даровании вольности <...> дворянству», мемуарист практически спасается бегством из Петербурга буквально накануне памятной «революции 1762 года»: «Не стал я уже ни минуты медлить в Петербурге; но, уклавшись, велел скорей запрягать лошадей и <...> поскакал неоглядкою из сего столичного города, оставив его и все в нем в наисмутнейшем состоянии и будучи неведомо как рад, что уплелся из него целым и невредимым» [Болотов А. 1: 963]. В своем воображаемом обращении к покидаемому столичному городу мемуарист признавался: «Я, находясь в тебе, имел случай видеть большой свет, видеть двор и все происходящее в нем, насмотреться жизни знатных и больших бояр, и насмотреться до того, чтоб получить к ней и ко всему виденному омерзение совершенное <...> сие, может быть, и надобно было еще к тому, чтоб я не мог впредь и ею никогда прельщаться и тем спокойнее и счастливее жить в деревне, куда теперь ведет меня судьба моя! <...> Тогда, взглянув в последний раз на Петербург и, сказав: «Прости, любезный град! Велит ли Бог мне когда опять тебя видеть», сел в свою кибитку и, поскакав, старался и в самый еще тот же день *отъехать* *колько можно далее...*» (курсив мой. — О. К.) [Болотов А. 1: 965].

Многие страницы Записок Болотов посвящает описанию собственных малых и дальних путешествий по России. Подобные путешествия запоминались надолго и составляли весьма обширную часть жизненного опыта и мироощущения русских дворян. Но отважиться на дальнейшее путешествие в то время мог не каждый человек, так как любые поездки в XVIII в. были сопряжены с огромными трудностями, неожиданными приключениями, и даже опасностями. Во-первых, как мы уже отметили, поездки эти были весьма продолжительны. Так, например, путешествие из Дворяниново в кашинскую деревню сестры к племянницам Болотова заняло не менее двух недель. Поездка из Тульской губернии до низовьев Волги (пределы Казани) длилась почти месяц. Мемуарист долгие годы не мог позволить себе навестить родную сестру, жившую в Псковской губернии, из-за длительности этого путешествия. Даже о смерти сестры Болотов узнал спустя долгое время. Во-вторых, трудности пути были связаны с капризами погоды. Сильный снегопад зимой, весенняя распутица, летние проливные дожди были способны в одночасье сделать дороги непроходимыми. Болотов не раз описывал ситуации, когда из-за внезапно поднявшегося снежного бурана невозможно было отыскать знакомую дорогу, находясь всего лишь в нескольких верстах от дома. Вот почему в путешествие предпочитали отправляться летом или ранней осенью по сухим дорогам, либо по первому санному пути. Кроме того, во время дождей или сильного паводка разливались реки, и сильным течением сносило плавучие мосты, которые повсеместно использовались для переправы через малые реки России. В таких случаях для переправы использовали паромы, которые были небезопасны. Если съезд на паром шел с высокого берега реки, нередко случалось, что лошади начинали нестись и опрокидывали повозку в воду. Зимой же, при переправе по льду замерзшей реки, существовала реальная опасность провалиться под тонкий лед вместе с лошадьми и повозками.

Путешествия и поездки, как неотъемлемая часть жизни русского человека, подчинялись сезонным и природным ритмам, а также церковному календарю. Так, Болотов никогда не отправлялся в дальние поездки в мае или июне, это были месяцы, когда он целые дни проводил за работой в своих любимых садах, рощах и цветниках. Не любил он в это время и принимать гостей. Зато после окончания сельскохозяй-

ственных работ, в августе и сентябре, поездки были вполне уместны. Точно так же обычно не отправлялись в далекое путешествие в посты, но предпочитали ездить в мясоед, например, на святках или в период после Крещения до начала Великого Поста. С началом Поста оставаться в гостях было не принято, и к этому времени обычно приурочивали отъезд. В дорогу запасались домашней провизией, зимой ее замораживали и разогревали отдельными порциями на стоянках. Летом везли с собой и живых кур, чтобы всегда иметь возможность сварить в дороге похлебку. В посты (в том числе Великий и Успенский) покупали по дороге рыбу, которая была, как отмечал Болотов, очень дешевой.

Путешествовали в кибитках, повозках, возках, реже одноколках, зимой — в саних, а со второй половины века в широкое употребление стали входить кареты. Болотов свидетельствует, что первые кареты были очень дешевы. Так, первую свою венскую карету он купил у своего друга г. Полонского в 1768 г. всего за 50 руб. Но Болотов предпочитал путешествовать в возке собственной конструкции, в котором ему всегда было тепло и удобно. В дальние путешествия пускались целыми обозами: в одних повозках ехали господа, в других — слуги и повар с провизией и пожитками.

В пути то и дело случались досадные поломки: могла треснуть ось или сломаться колесо, порваться кожаные ремни и т. д. Обычно в каждом селе были особые избы и мастера, которые быстро устраняли поломку, заменяли ось или колесо. В условиях отсутствия карт в незнакомой местности приходилось также нанимать проводников из местных жителей, которые показывали кратчайший или самый удобный путь к нужному населенному пункту.

На дорогах нередко случались несчастия. Лошади могли, испугавшись, вдруг понестись и перевернуть повозку (особенно на крутых спусках), провалиться или сорваться с узкого моста через реку, повиснув на стременах и угрожая опрокинуть кибитку (если мост был узким, лошадей выпрягали и повозку перетаскивали на руках); измученные тяжелым путем лошади нередко начинали хромать и т. д.

Опасность представляли также нередкие падежи скота (конские эпидемии). Путников предупреждали о них на заставах, вследствие чего они должны были съезжать с большой дороги и делать большие круговые объезды по не зараженным мором деревням. В некоторых глухих местах (например, по пути из Москвы в Кашин) орудовали раз-

бойники, а подмосковное село Битца имела недобрую славу места, где шайка мошенников промышляла обманными обменами лошадей (об этом Болотов подробно рассказывает в главе, посвященной поездке к племянникам в Кашин в 1770 г.).

И, тем не менее, несмотря на все неизбежные трудности и опасности, связанные с дальними поездками, длительное путешествие, в случае благоприятного стечения обстоятельств, способно было доставить путникам истинное наслаждение. Одним из таких удачных путешествий, особо памятных для автора Записок, стало путешествие его с родными в 1765 г. в город Цивильск¹ Казанской губернии, к деду жены Болотова Авраму Семеновичу Арцыбашеву. Путь лежал через Москву, Владимир, Муром, а также «славную слободу Вязники и городок Гороховец». Переправившись через Оку возле огромного села Избылец и оставив в стороне Нижний Новгород, путники спустились на Волгу и ехали далее вдоль Волги мимо Висиля-Сурска и Козьмодемьянска до «самого знаменитого города *Чебоксара*», а оттуда повернули вправо и поехали в Цивильск. В этом путешествии Болотов и его спутники провели почти всю зиму, а начали готовиться к нему еще с начала зимы. Дождавшись рождественского мясоеда и отпраздновав Святки дома, отправились в путь на третий день после Крещения. Ехали большой родственной компанией, с женой, тещей, теткой Матреной Васильевной с детьми, на четырех повозках, с поваром, слугами, никуда не торопясь, а потому, как пишет мемуарист, «ехать нам было не только не скучно, но так еще весело, что я и поныне еще не могу позабыть сего путешествия и, возвращаясь мыслями и воображениями в тогдашния времена, нередко и ныне еще утешаюсь приятностями онаго и *напоминанием* того, что нас тогда в особенности веселило» [Болотов А. 2: 96]. Со свойственной Болотову обстоятельностью он перечисляет все «удовольствия», составлявшие это веселое путешествие. Во-первых, все путешественники ехали в теплых, удобных и «покойных» зимних возках. Во-вторых, дороги были большие, многолюдные, гладкие, не изрытые ухабами, а погода была наилучшей — то есть тихой, не слишком холодной и не слишком теплой. В-третьих, путники находили себе всегда «спокойные, теплые и добрые» квартиры на ночлег и «не нуждались ими во всю дорогу» [Болотов А. 2: 96]. На всякой остановке устраивали они

---

¹ Город в Чувашии в 36 км от Чебоксар.

себе настоящие пиры, со смехом, шутками, играми. Не забывал автор и свои любимые книги, которые в изобилии вез с собой и которые читал как на квартире, так и по дороге, лежа в своем возке. Четвертое удовольствие путешествия было в хорошем пропитании, чему способствовали взятые из дома изрядные запасы домашней провизии. Весьма любопытны колоритные подробности, которые сообщает мемуарист о питании путников в дороге. «Чтоб меньше иметь хлопот с вареньем и приуготовленьем себе ужинов и обедов, — пишет он, — то наварили однажды себе добрых вкусных и хороших щей и наморозили их целую кадочку. А таким же образом запаслись мы многими начиненными, сваренными и замороженными желудками и сливками. Итак, всякий раз по приезде на квартиру нужно только было нарубить из кадочки несколько щей и в горшке или в кастрюле растаять и разогреть, а желудок для того ж положить в хозяйские щи, — как и получали мы уже вкусные и сытные блюда, умалчивая о прочих, как-то: о жареных, ветчине, окрошках, хлебном и лакомствах, чем всем запаслись мы с избытком заблаговременно. Словом, дорога сия была нам тогда так сытна, что я не помню, когда б в иное время я так много и сытно едал, как в тогдашнее» [Болотов А. 2: 96–97].

Пятое удовольствие путешествия в Цивильск состояло в наслаждении красотами природы, которых Болотов был особый ценитель. Первый раз в жизни оказавшись в низовьях Волги, автор был потрясен красотой открывавшихся вокруг зимних пейзажей, великолепием и суровой прелестью высоких, нагорных берегов Волги. Болотовское описание волжских берегов — одна из наиболее ранних пейзажных зарисовок с природы в литературе XVIII в.: «Тут величественные и прямо пышные и великолепные ее нагорные берега, представляя собою всякую минуту новые переменные и друг пред другом красивейшие предметы, увеселяли несказанно весь мой дух и очаровывали собою зрение. Я смотрел и не уставал ежеминутно смотреть на страшные утесы и скалы сих превысоких и крутых берегов ея, дивился и не мог надивиться никогда разнообразности сих громад, составленных из камней и глин разноцветных и увенчанных вверху, а нередко и при подошвах своих деревьями родов различных» [Болотов А. 2: 97].

В болотовских описаниях природы виден и искусный пейзажист, ценитель прекрасного, и одновременно естествоиспытатель, проявляющий интерес и к составу почв, и к сортам произрастающим вокруг

растений, и этнограф, с любопытством знакомящийся с богатыми поволжскими селениями, похожими, по его наблюдению, более на города с множеством церквей и целыми «лесами» из раскрашенных струговых мачт.

Прогостили они у «милых и любезных старичков» в Цивильске более месяца. Разъезжали по окрестностям уезда с визитами к местным помещикам, и везде «принимались с особливою ласкою и благопритвством» [Болотов А. 2: 98]. Так Болотов познакомился с еще одним уголком российской провинции и, как всегда это бывало, тот стал для него обжитым, знакомым и родным.

А. Т. Болотова всегда отличало стремление не только к организации жизненного пространства (дом, усадьба), но и уклада, повседневного распорядка таким образом, чтобы каждая минута была наполнена пользой и делом. Неоднократные вынужденные поездки Болотова в его Шацкую деревню Тамбовской губернии по спорным вопросам межевания были достаточно тягостными для него, отнимали немало времени и сил. Тем не менее и сам образ жизни в этих путешествиях Болотов сумел довести до совершенства, создав определенный уклад «жизни в пути», выработав некий ритуал, который помогал легче переносить тяготы длительной поездки, с пользой коротать томительные часы дорожного ожидания. Свой тогдашний распорядок дня мемуарист описал в дневнике в форме письма к теще от 18 сентября 1772 г. Вставали спутники Болотова — сопровождавшие его слуги и местный проводник — еще до рассвета, часто по сигналу «часового» (то есть от крика живого петуха, которого купили в г. Епифани для питания в дороге), и начинали ехать, когда барин еще спал. С рассветом просыпался мемуарист и, не вставая, брал книгу и читал ее, лежа в коляске. Когда обоз останавливался для кормления лошадей, Болотов одевался и «напивался досыта» чаю со сливками, поданными ему поваром, и курил свою трубку. Комаренок (повар) в это время принимался за таган и варил похлебку из тех самых куриц, которыми путники запаслись в Епифани. Во время приготовления обеда Болотов по всегдашней своей привычке ежедневно записывать все впечатления дня принимался за свою «дорожную канцелярию»: «Чернильницу повешу на рукоятку к коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени и на них “Китайскую историю” (сочинение Нейгофа “Путешествие в Китай” 1669 г., которое Болотов переводил в дороге. — О. К.) и начинаю тотчас

записывать в журнал свое путешествие и, записав, продолжаю переводить “Китайскую историю”» [Болотов А. 2: 563]. Интересен этот параллелизм болотовских мемуаров с немецкой литературой путешествий XVII в., с которой он близко знакомится именно во время поездки в тамбовскую деревню. Впечатления Болотова от знакомства с провинциальной Россией как бы «укладываются» в традицию популярных «восточных» путешествий западно-европейской литературы. Еще один интересный литературный спутник Болотова — Жиль Блаз из романа Лесажа, историю которого Болотов заставлял читать себе вслух своего слугу и «дорожного товарища» Александра Андреевича. Чтобы развить его понимание и сообразительность, мемуарист заставлял слугу тут же по памяти пересказывать ему прочитанное. Подобные упражнения достигли своей цели, и слуга так полюбил «Жилблаза», что на остановках торопился взяться за книгу, говоря: «Что-то наш Жилблаз делает, пора мне с ним повидаться» [Болотов А. 2: 561]. Когда поспевал обед, путешественник со своим товарищем садились на циновку и наедались досыта, а потом Болотов продолжал что-нибудь писать, а слуга опять читал «Жилблаза» до тех пор, пока запрягут лошадей. В дороге опять продолжалось чтение, разговоры и лакомства «арбузами, орехами и кренделями». Когда уставали сидеть, шли немного и пешком. Вечером, на ночлеге, все повторялось опять: Комаренок варил похлебку, а мемуарист занимался своей дорожной канцелярией, то есть путевыми записками. После ужина, укладываясь на ночь в свою дорожную коляску, Болотов еще полтора часа при свече «разговаривал» с книгой. Таким образом, литературные занятия и упражнения писателя не прекращались ни на один день, и мемуарист со своими спутниками как бы совершал одновременно и реальное странствование по России, и виртуальное путешествие со своими литературными героями, а гурманство, которому они предавались в пути, не мешало его своеобразному «литературному гурманству». Вообще Болотов всегда страстно увлекался литературой путешествий, отдавая предпочтение естественнонаучным текстам, посвященным описаниям отдаленных восточных земель и стран: достоин упоминания тот факт, что будучи в гостях в Цивильске и посещая сестру своей тещи Елизавету Аврамовну Горину, Болотов выпросил у ее мужа для прочтения «Фишерovu историю Сибирскую» и описание Камчатки С. Крашенинникова с тем, чтобы «познакомиться с сими восточными и знаменитыми частями

нашего государства и получить об них понятие», и читал их «с жадностью и любопытством» [Болотов А. 1: 100].

Так безмятежно и приятно протекало вторичное путешествие в Шацк, совершенное мемуаристом в 1772 г. Детально описанный распорядок дня путешественников и характер их занятий свидетельствует о том, что томительное и скучноватое путешествие Болотов сумел превратить в настоящее искусство жизни, оживив и обогатив его интеллектуальными занятиями и упражнениями.

Однако далеко не все болотовские путешествия были столь же удачными и спокойными. Мемуары богаты описаниями и других его поездок, наполненных различного рода неприятностями, опасностями и приключениями. По наблюдениям Болотова, если поездка не задалась с самого начала, то в дальнейшем количество досадных помех только возрастало. Однажды писатель создал целый каталог подобных дорожных неприятностей, которых на его пути случилось ровно сорок. Это было в 1775 г. во время поездки Болотова в Дворяниново на свадьбу Анны Николаевны, молодой вдовы умершего родственника мемуариста Матвея Никитича Болотова, которая захотела вновь выйти замуж и умоляла Болотова приехать к ней на свадьбу и помочь ей. Комичные подробности этого путешествия, с юмором рассказанные Болотовым, в полной мере дают представление о тех трудностях и опасностях, которые подстерегали путешественников в России XVIII в. — даже в том случае, если путь был близким, а дорога хорошо знакома.

Странствия Болотова по России были гораздо реальнее и приземленнее, чем духовные и интеллектуальные странствия героя в «европейский» период его жизни. Это была настоящая, невыдуманная, эмпирическая действительность российской провинциальной жизни XVIII в. Путешествия по России были наполнены знакомством с невиданным разнообразием красивейших ее мест, встречами с огромным множеством самых разных людей: родных, знакомцев, соседей, сослуживцев... Эти путешествия не всегда проходили гладко: они могли доставлять и досаду, огорчения, разочарования, наносить ущерб или представлять опасность для жизни. Однако и в болотовских странствиях по России, как мы попытались показать на конкретных примерах, прослеживалась характерная тенденция мемуариста к «одухотворению» впечатлений частного и общественного бытия. Описания зачастую грубой и несовершенной российской действительности пре-

ломлялись автором через призму его подчеркнута «литературного» восприятия жизни, одухотворялись эмоциональностью и «чувствительным восторгом» путешественника.

5

В мемуарах Болотова встречаются такие описания путешествий, которые смело можно отнести к традиции литературы сентиментальных путешествий. Родоначальником жанра путешествия в России в конце XVIII — начале XIX вв., бесспорно, являлся Н. М. Карамзин с его «Записками русского путешественника» (1791–1792). Примечательно, что пробы пера в жанре литературных путешествий у Болотова происходили параллельно с жанровыми поисками Карамзина и Радищева. Следивший за всеми литературными новинками Болотов, безусловно, не мог пропустить первого издания «Писем русского путешественника» [Карамзин]. В главах «Путешествие в Москву» и «Пребывание в Москве и езда в Кашин» [Болотов А. 3: 395–426], написанных мемуаристом в ноябре — декабре 1807 г. (обработка дневниковых записей, относившихся к 1771 г.), чувствуется заметное влияние традиции литературы путешествий. Однако в Записках нет следов явного подражания Карамзину. Болотов работает на российском материале и потому не изменяет себе в выборе тем и сюжетов. По стилистике писем он ближе скорее к Радищеву, чем Карамзину. Его влечет к себе прежде всего российская действительность и российская история. В главах, посвященных путешествию в Кашин, по-прежнему виден почерк путешественника-этнографа, агронома и естествоиспытателя, с любопытством знакомившегося с неизвестной ему областью российской провинции, но в то же время здесь появляются новые черты, характерные для сентиментального типа путешествия: значительно усилена «чувствительность» автора, который обращается с воображаемыми возвышенными речами к селам и городам, встречающимся на его пути, совершает экскурсии в историю знаменитых мест, находя в современности следы и приметы прошедших эпох, восторгается прекрасными видами и пейзажами. Объективное, описательное начало все время сопровождается лирическими отступлениями, в которых автор дает волю своим чувствам и эмоциям, заставляет читателя сопереживать открывающейся ему красоте: «Широкий и огромной дол и си- неющиеся за ним вдали леса, видимые с высоты холма того, где мы

тогда ехали, преисполнили сердце мое некаким удовольствием, а серебряная многоводная Ока, извинаясь величественно вдоль по оному и катящая вниз струи свои, освещаемая местами вечерним солнцем, восхищала зрение <...>. Никогда, никогда не проезжал я места сии, не утешаясь красотой оных, и никогда не мог налюбоваться ими довольно» [Болотов А. 2: 399]. Введение лирического начала мемуарист обосновывает практическими причинами: «Чтоб не допустить себя мучить скуке при медленной и беспокойной езде грязною дорогою расположился я уже с самого начала <...> возыметь прибежище к любимому моему и толь нужному для человеков искусству увеселяться красотою натуры и положением мест, и занимать себя колико можно такими мыслями, которыя могли б не допускать меня чувствовать скуку» [Болотов А. 2: 396]. Если ранее описанные в записках путешествия служили Болотову как бы фоном для его путевых литературных упражнений (а главное его внимание было сосредоточено на приключениях и странствиях литературных героев), то теперь сама дорога — а это была дорога из Тулы через Серпухов в Москву и далее через Дмитров на Кашин — привлекает его внимание, она поэтизируется, вызывает в уме автора множество культурных и исторических ассоциаций, воспоминаний, экскурсов в прошлое и т. д.: «О путь! Путь великий и знаменитый! Сколь многия века существуешь ты уже здесь и сколь многия сотни тысяч людей видел ты едущих и идущих? Сколь безчисленными тяжкими повозками были обременяемы и коликим множеством колес были рассекаемы мягкие хребты твои! <...> Сколько раз видала ты ехавших по себе самых князей и государей, владевших отечеством нашим! Не один раз, может быть, летел по тебе какой-нибудь удельной князь с дружиною своею вслед других товарищей своих, поспешавших на войну, или для обороны отечества от татар, приближавшихся к местам сим <...>. Не один раз, может быть, и самые праотцы и предки собственного моего рода езжали по тебе и сматривали также на все места сии и положения оных. Но взирал ли-то кто из них на вас, милые места¹, с такими ж чувствами и помышлениями, как я теперь?!»

---

¹ Выражение «милые места», а также «красоты натуры», «прелестные предметы», «колера полей», «памятники набожности», «мизерные хижины», «симпатия душ» и др. характеризуют мемуариста как писателя, несомненно испытавшего влияние «нового слога» Карамзина.

[Болотов А. 2: 397–399]. Подобные лирические отступления (например, обращенные к Оке) сопровождают всю историю путешествия в Кашин. Тема татарского ига занимает преимущественно воображение мемуариста. Земля, по которой он совершал путешествие, в древности служила пограничной зоной между враждебной степью и Московским княжеством, а река Ока — естественным препятствием для нашествия татаро-монгол. Писатель ищет и находит вокруг себя различные следы многовековой героической обороны местных жителей от набегов кочевников: остатки древних окопов и валов, некогда ограждавших селения, высокие сторожевые курганы, холмы, насыпанные над могилами военачальников и др. В самих названиях сел — таких, как Городня, по его мнению, была запечатлена история героической обороны жителей от набегов завоевателей. Проезжая село Липецы и любясь прекрасным садом, усадебным парком и знаменитым каменным храмом, принадлежавшими еще тогда к имени графов Головкиных, писатель отмечает, что рядом с этим местом прошло детство того из «первосвященников наших, который так славился уже и тогда отменным красноречием своим и, нося на себе имя славнейшаго из древних мудрецов, делал собою красу всему духовенству нашему», то есть митрополита Платона Левшина. Современность постоянно вторгается в размышления мемуариста. В годы правления Екатерины II был дан значительный импульс не только расцвету усадебной культуры, но и росту и преобразению провинциальных городов, развитию местной промышленности. Малые города России заново отстраивались и украшались. Болотов с удовлетворением отмечает изменения к лучшему, свидетелем которых он являлся: строительство прочного плавучего моста через Оку по повелению Екатерины II, рост крупных сел, на его глазах превращавшихся в благоустроенные города с большим количеством каменных домов, развитие местных промыслов и торговли и т. д. Так, приближаясь к Серпухову и любясь видом Высоцкого монастыря, а затем и самого города, расположенного в виде красивого амфитеатра, изгибающегося по неровному косогору, мемуарист оценивает перемены, произошедшие в городе за последние годы (по-видимому, за 1771–1807 гг.): «Ежели сравнить тогдашние его кривые, дурные, грязные и крайне беспокойные улицы с нынешними широкими, ровными и прямыми и тогдашние на большую часть мизерные хижины обитателей с нынешними, уже гораздо лучшими и порядочнейшими, то можно

сказать, что ныне не походит он сам на себя, а особенно верхнюю и проезжую часть онаго...» [Болотов А. 2: 403]. (Чуть ниже он пишет то же самое о Подольске и свидетельствует, что никому еще в те давние годы не приходило в голову, что в течение непродолжительного времени знаменитое село Пахры, переименованное затем в Подольск, приобретет вид настоящего города). С особым удовольствием Болотов описывает парусиновые фабрики, которыми славился Серпухов, замечая, что большая часть продукции их отправлялась в иностранные государства, во все части света, вплоть до Америки. С удовлетворением он отмечает, что фабрики эти доставляли пропитание многим городским и уездным жителям. От современности мемуарист вновь переносится в прошлое. Любуясь древней каменной крепостью Серпухова и восторгаясь искусством предков в строительстве оборонительных сооружений, автор вновь обращается к древности и демонстрирует немалые познания в истории города. Он упоминает важнейшие этапы в его развитии: первые известия о нем в древних летописях, расцвет города при князе Владимире Андреевиче Донском по прозвищу Храбрый, чьей столицей и местопребыванием был Серпухов, строительство каменных башен крепости во времена Иоанна Грозного. Затем мемуарист переносится во времена Бориса Годунова, когда встревоженный ложными слухами о нашествии татар, тот собрал 200-тысячное войско на полях под Серпуховым и принимал там с великолепием татарских послов и угощал несколько дней свое войско пиршествами... С таким же знанием дела Болотов описывает историю г. Дмитрова, а также Углича, где ему довелось побывать позднее. Примечательно, что книжные познания мемуариста в области истории российских городов явно более обширны и детальны, чем непосредственные впечатления от того, что ему удалось увидеть. Реальное путешествие (а точнее, деловая поездка) героя становится лишь толчком, отправной точкой для сообщения им различных исторических сведений, которые по сути и становятся источником его вдохновения и создания воображаемых исторических картин.

В своем обстоятельном описании городов и крупных сел, которые ему приходилось проезжать во время путешествия в Кашин, писатель, конечно, никак не мог миновать Москву, древнюю столицу Российского государства, где он, по обыкновению, провел несколько дней для посещения торговых рядов и покупки всего необходимо-

го в дорогу. При въезде в Москву ясным утром мемуарист любуется величественной и торжественной панорамой города, сиявшего золотом бесчисленных куполов, башен и церковных глав: «Признаюсь, что вид великаго города сего с сей стороны мне в особливости всегда приятен и едва ли самый лучший. Душа, при воззрении на таковое обширное обиталище бесчисленного множества смертных, чувствует нечто особенное, и в каком бы расположении до того ни была, но вдруг поражается им сильно и охотно вдается в размышления различныя» [Болотов А. 2: 409]. Однако лирический восторг автора вызывает не столько сама Москва, сколько дорога от нее, которая близ села Розстани расходилась в разные стороны: одна на Каширу, другая на Серпухов. Место это, по мнению мемуариста, служило местом прощания и расставания многих «чувствительных и любящих друг друга душ». Собственно Москве, а точнее, Кремлю, мемуарист посвящает буквально несколько самых общих, расплывчатых фраз. Читателя сопровождает впечатление, что изображение Москвы у Болотова лишено той исторической конкретики, богатства подробностей и деталей, которыми отличались описания Серпухова, Дмитрова и Углича, да и приметы современности (план постройки царского дворца в Кремле, который так и не осуществился) упомянуты лишь вскользь. Отмеченная особенность подтверждает наши ранее сделанные наблюдения о том, что Болотов был прежде всего бытописателем провинции: ему ближе и интереснее малые города России, нежели столицы с их богатейшей историей и современностью.

Таким образом, главы болотовских записок, в которых мемуаристом было подробно прослежено его путешествие из Дворяниново в Кашин, явились одним из ранних памятников русской литературы путешествий начала XIX в. Яркими чертами этого литературного путешествия стало сочетание конкретных и точных деталей в описаниях российских сел и малых городов (как исторических сведений о них, так и примет современности) с обширными лирическими отступлениями, в которых автор давал простор своим чувствам, мыслям, воображению. Эта преувеличенная «чувствительность» и восторженность автора-путешественника — характерная литературная примета времени. Однако, если, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) Радищева чувствительность автора была порождена картиной «страданий человеческих», имела источником социальное

несовершенство окружавшего мира, то эмоциональность болотовских путевых описаний питалась, главным образом, осознанием значительности героического прошлого России, запечатленного в облике ее малых городов, а также эстетическим любованием «красотами природы».

6

Мемуары Болотова с точки зрения литературной — явление неоднородное, включающее в себя фрагменты, тяготеющие к самым разным жанрам литературы. Многообразные явления и события всякого человеческого существования, где высокое и значительное соседствует с ничтожным и смешным, а горе смешивается с радостью, запечатленные в литературном дневнике, а затем и в мемуарах, становятся фактом литературы и требуют разнообразных по форме и стилю способов выражения. Мы рассмотрели главы, посвященные путешествию в Кашин, — наиболее, на наш взгляд, «книжный» фрагмент в Записках, который был своеобразной пробой пера автора в жанре сентиментального путешествия. В этих и подобных ему эпизодах автор позиционирует себя как чувствительного и восторженного созерцателя красоты «природы» и одновременно — зрителя наиболее драматических событий прошедших эпох, проносащихся перед мысленным взором мемуариста-историка. Однако к этим, по нашему мнению, достаточно подражательным и вторичным по стилю повествовательным новеллам не сводится все многообразие болотовских Записок. Гораздо оригинальнее и самобытнее выглядят те главы, где автор выступает в роли талантливого бытописателя, наблюдателя непосредственной жизни и человеческих нравов, создателем ярких и живых портретов и зарисовок быта. Таких описаний было много в первом томе Записок, посвященных военной службе в Кенингсберге. Однако и путешествия по России, во время которых Болотов встречался и знакомился со множеством новых лиц: российскими помещиками средней руки, дворянами — жителями провинциальных городов, уездными чиновниками, конторскими служащими и т. д. — служили бесценным жизненным материалом для его литературных зарисовок, предвосхищавших будущие открытия натуральной школы, гоголевскую реалистическую манеру изображения действительности. Так, например, ярко и выпукло обрисован Болотовым его многолетний противник по межевым спорам, тамбовский помещик богатый Пашков, который обманом решил

себе присвоить все государственные, «ничейные» степные земли, а с другой стороны, создается портрет мягкого и интеллигентного князя Сергея Гагарина, непосредственного начальника и покровителя Болотова по Киясовской и Богородицкой волости. Совершенно иным предстает в мемуарах новый начальник Болотова, высокомерный и гордый молодой князь С. С. Гагарин, своим жестоким нравом доставивший мемуаристу немало огорчений и бед. Болотовские портреты соседей его по Тамбовской губернии в главе «Степные происшествия» (история его второго путешествия в Тамбовскую деревню 1768 г.) полны наблюдательности и юмора. В описаниях визитов к соседям мемуарист, как правило, обращает внимание на состояние и внешний вид их усадьбы и села, размеры и убранство господского дома, состав семейства помещика и, что немаловажно для него, на качество трапезы, которой угощали гостя — все эти говорящие детали (почти как в «Мертвых душах») для мемуариста служат созданию характерного психологического портрета его очередного знакомого. Вот комическое, почти бурлескное описание визита к ближнему соседу г-ну Тараковскому, изложенное в форме письма к «любезному другу»: «Скажу вам, любезный друг, что я весь сегодняшней день принужден был просидеть под караулом и терпеть крайнюю скуку <...>. Причиной тому было то, что хозяин того дома, где я сегодня обедал, впал в некоторый род энтузиастического иступления, или некоторый род болезни, которой, по примечаниям моим, здешние дворяне в особенности и часто подвержены бывают» [Болотов А. 2: 190]. Причина этого неожиданного «сиденья под караулом» состояла в том, что хозяин перебрал лишнего и ни под каким видом не хотел отпустить от себя гостя, причем поминутно по-ноздrevски душил его в своих объятьях и лез с ним целоваться, «колол, давил и мучил» его. Писатель подробно, с тонким юмором описывает кушанья, которыми его угощали: нарезанная ломтиками редька с конопляным маслом, вяленые подлещики с оголившимися ребрами, тертый горох почти черного цвета, вареная репа и проч. Для забавы хозяином были призваны деревенские бабы, девки и мужики, которые оглушили гостя своим криком, свистом и плясками. Дети Тартаковского отличались крайней невоспитанностью, развязностью и надоедливостью, любимый младший сын Ванюшка весь день кривлялся, кричал, валялся и кувыркался на кровати. Так весь вечер мемуарист, употребив всю свою «философическую терпеливость», вынужден был выносить это «смеш-

ное и скучное позорище», размышляя о людских слабостях и пороках, которые лишали их человеческого облика. В другой раз, до 5 часов вечера проездив по полям, помогая разобраться с межеванием одному из своих соседей, некоему помещику Ивану Федоровичу, и сильно проголодавшись, мемуарист заехал к нему в гости пообедать и больше часа дожидался, когда ему принесут хоть что-то съестное. В скоромный день автор был принужден довольствоваться яичным и молочным «монашеским обедом», дивясь про себя жадности этого степного Плюшкина: «Вот какие старые хрычи и скряги важивались у нас тогда в соседстве. Со всем тем не думайте, чтоб он был бедный человек. Ах, нет! Дом у него был изрядный и достаток хоть бы куда...» [Болотов А.: 2, 249].

Российская действительность рождала самые оригинальные и причудливые типы помещиков, своеобразие характеров которых раскрывалось во всей полноте именно в условиях усадебного быта. В одной из поездок в Тамбов Болотов заехал к дальнему родственнику Михаилу Петровичу Бабину [Болотов А. 2: 206–208] — богатому помещику, отличному хозяину, в усадьбе которого было изобилие хлеба, скота, множество крестьян. К тому же он выстроил у себя в имении прекрасную церковь, богато украсив ее. Все увиденное в усадьбе родственника приятно поразило мемуариста: «Я хвалил все, что видел, и хвалил чистосердечно. А более всего нравилось мне то, что везде, как в доме, так и в церкви, я видел все домашнее и свидетельствующее, что хозяин был великий охотник до художеств» [Болотов А. 2: 207]. Но одно необычное увлечение хозяина чрезвычайно удивило автора. Выбрав семь своих наилучших людей, он одел их в гусарское платье и стал обучать военному делу: гусары стояли у него на часах, ездили в конвое, обучались стрелять и экзерцироваться, имели фрунт перед его окнами, приходили к нему рапортовать, а на колокольне специально обученные люди каждый день играли на трубах, вместо курантов. Все эти военные забавы степного помещика стоили ему немалых расходов.

Примеров таких многообразных жизненных историй, портретов, лиц, впечатлений, вынесенных из дальних и близких путешествий Болотова по России, можно было бы привести много. Из этих эпизодов складывалась причудливая и пестрая мозаика российской провинциальной жизни второй половины XVIII в. Болотов, прилежный наблюдатель и многолетний педантичный хроникер этой жизни, в лучших

своих зарисовках с натуры достигает уровня «высокой» литературы. На наших глазах дневниковые записи, документальные рассказы о реально существовавших людях становятся фактами литературы, а полнокровные образы помещиков начинают жить своей самостоятельной жизнью. Оставалось сделать лишь последний шаг, — и он был сделан позднее Гоголем, — чтобы превратить эти образы в общенациональные типы.

7

За свою долгую жизнь Болотову приходилось множество раз отправляться в дальние и близкие путешествия. Одни поездки он совершал по долгу службы, другие — для собственного удовольствия и приобретения новых впечатлений, для свиданий с родными. Сравнивая значение западных и российских путешествий в жизни и судьбе мемуариста, заметим, что знакомство с бытом и культурой Западной Европы сыграло огромную, неоценимую роль в формировании духовного мира путешественника, в истории становления его личности. Пребывание на Западе дало толчок прежде всего духовным странствиям героя. Выражаясь словами из письма Тредиаковского в Академию Наук, в намерения молодого Болотова тогда не входило лишь «насыщать новинами юностную куриозность», но результатом его путешествия в Европу стал интенсивный интеллектуальный поиск: выбор подлинных ценностей, обретение нравственных принципов и собственной практической философии, которые открыли ему неведомый мир духовных и умственных наслаждений.

Путешествия по России дали мемуаристу бесценный опыт знакомства с реальной жизнью российской провинции во всем пестром ее многообразии. Жизненные события, первоначально зафиксированные в болотовских дневниках, позднее подверглись литературной обработке, превращаясь в Записки, в которых документальное начало тесно переплеталось с художественным восприятием жизни. Источниками этой художественности в Записках являлись эмоционально окрашенные лирические монологи героя, его исторические изыскания, а также полные тонкого психологизма и юмора зарисовки человеческих характеров. Болотов-мемуарист владел целой палитрой разнообразных художественных средств, и в этом, может быть, и состоял один из секретов необыкновенной притягательности и оригинальности его ли-

тературной манеры: реальные жизненные факты и впечатления, запечатлеваясь в слове, на глазах превращались у него в факты литературы.

Важность как западных, так и российских «путешествий» в Записках Болотова в большой мере характеризует и уникальность самого мемуариста как типа личности. В его характере и душе, жизненных привычках и пристрастиях не ощущалось конфликта «чужого» и «своего», западного и русского. Фигура Болотова — это уникальная по своей цельности личность, в которой гармонически слились западная закваска — немецкий философский идеализм XVII–XVIII вв., глубокий интерес к передовым достижениям западной науки и техники, с одной стороны, — и русское почвенничество, любовь к своей земле, родовому имению, семье, предкам и потомкам, с другой; протестантская этика (культ труда, порядка, бытовой устроенности, практичности и деловой предприимчивости) — и православная вера в Божественный промысел, набожность, приверженность к русским церковным традициям и обрядам, обычаям родной старины. Пожалуй, это уникальное гармоническое сочетание, эта цельность были возможны только для человека XVIII в. — уже начало XIX в. принесло в русское культурное сознание непримиримый конфликт «своего» и «чужого» и длительный — не на одно столетие — спор славянофильства и западничества.

Список литературы

Источники

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1–3. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 1. 1108 с. Т. 2. 1169 с. Т. 3. 1265 с.

Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 гг. // Русская старина. Т. 8. 1873. Ноябрь. С. 738–753.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Т. 1–5. М.: [Б. и.], 1797–1801.

Продолжение «Записок» А. Т. Болотова // Русская старина. 1889. Июнь. С. 535–576; 1895. Август. С. 135–155; 1895. Октябрь. С. 23–30.

Исследования

Боровая А. А. Философско-антропологические доминанты в философии русского просветителя А. Т. Болотова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2008. 17 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.

Пантелеев И. В. Соотношение промысла Божьего и свободной воли человека в «Записках» А. Т. Болотова // Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон-Валаам-Задонск-Оптина Пустынь-Соловки). Материалы XIV Международного форума. Липецк: Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 14–16.

Пенькова Е. А. Болотов А. Т. о смысле жизни человека // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 7. С. 98–102.

Щеблыгина И. В. А. Т. Болотов: гармония мира и души. Ценностные ориентации и творческие интересы. М.: Андреевский флаг, 2003. 285 с.

References

Borovaia, A. A. *Filosofsko-antropologicheskie dominanty v filosofii russkogo prosvetitelia A. T. Bolotova* [Philosophical and Anthropological Dominants in the Philosophy of the Russian Educator A. T. Bolotov: PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 2008. 17 p. (In Russ.)

Lotman, Iu. M., Uspenskii, B. A. “‘Pis'ma russkogo puteshestvennika' Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoi kul'tury” [“Russian Traveler's Letters by Karamzin and their Place in the Development of Russian Culture”]. Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 525–606. (In Russ.)

Panteleev, I. V. “Sootnoshenie promysla Bozh'ego i svobodnoi voli cheloveka v ‘Zapiskakh’ A. T. Bolotova” [“The Correlation of God's Providence and Man's Free Will in A. T. Bolotov's ‘Notes’”]. *Sviatitel' Tikhon Zadonskii na perekrestke traditsii (Afon–Valaam–Zadonsk–Optina Pustyn'–Solovki). Materialy XIV Mezhdunarodnogo foruma* [St. Tikhon of Zadonsk at the Crossroads of Traditions (Athos–Valaam–Zadonsk–Optina Pustyn'–Solovki). Proceedings of the 14th International Forum]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2019, pp. 14–16. (In Russ.)

Pen'kova, E. A., Bolotov, A. T. “O smysle zhizni cheloveka” [“On the Meaning of Human Life”]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 7, 2013, pp. 98–102. (In Russ.)

Shcheblygina, I. V. A. T. Bolotov: *garmoniia mira i dushi. Tsennostnye orientatsii i tvorcheskie interesy* [Bolotov: Harmony of the World and the Soul. Value Orientations and Creative Interests]. Moscow, Andreevskii flag Publ., 2003. 285 p. (In Russ.)

© 2022. К. А. Поташова

Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия

Программа развития исторической живописи и пути создания словесного батального образа в эстетической мысли начала XIX в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ
для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2134.2022.2
«Поэтика зримого в баталистике конца XVIII – первой трети XIX века»*

Аннотация: Предметом исследования в статье выступают категории оценки исторической живописи и поэтика батального образа в эстетической мысли начала XIX в. В статье рассматриваются отраженные в эстетических статьях, поэзии, эпистолярной литературе взгляды Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского на познавательную природу искусства, специфику художественного восприятия исторического процесса. Утверждается, что рассуждения литераторов об исторических сюжетах, героической личности в истории, роли и природе воображения художника существенно дополнили академическую программу развития искусства. Доказано, что в своих эстетических размышлениях Карамзин, Державин и Жуковский выявили и обосновали необходимые составляющие исторической темы в живописи и словесности, составившие тезаурус их художественно-эстетической мысли. Результатом исследования стала реконструкция разработанной литераторами в начале XIX в. эстетической системы исторической живописи. Проведенный анализ батальных описаний Карамзина, Державина и Жуковского позволил выявить сам процесс достижения ими яркой образности при создании словесной картины, определить механизмы визуализации.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, эстетическая мысль, историческая живопись, описание, механизмы визуализации.

Информация об авторе: Ксения Алексеевна Поташова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Поташова К. А. Программа развития исторической живописи и батальный экфрасис в эстетической мысли начала XIX в. // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 38–53. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-38-53>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 38–53. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 38–53. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Ksenia A. Potashova**
Moscow Region State University
Moscow, Russia

Historical Painting Development Program and Battle Ekphrasis in Aesthetic Thought in the Beginning of the 19th Century

Acknowledgments: The study was financially supported by grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists MK-2134.2022.2 “Poetics of the visible in the battle of the late 18th – first third of the 19th century.”

Abstract: The subject of the research in the article are the categories of assessment of historical painting and the poetics of the battle image in the aesthetic thought of the early 19th century. The article deals with the views of N. M. Karamzin, G. R. Derzhavin, V. A. Zhukovsky reflected in aesthetic articles, poetry, epistolary on the cognitive nature of art and the specifics of the artistic perception of the historical process. The writers’ reasoning about historical plots, the heroic personality in history, the role and nature of the artist’s imagination significantly supplemented the academic program for the development of art. The author of the article proves that Karamzin, Derzhavin and Zhukovsky identified and substantiated the necessary components of the historical theme in painting and literature in their aesthetic reflections, which formed the thesaurus of their artistic and aesthetic thought. The result of the study was the reconstruction of aesthetic system of historical painting developed by writers at the beginning of the 19th century. The analysis of the battle descriptions by Karamzin, Derzhavin and Zhukovsky made it possible to identify the very process of their achieving vivid imagery when creating a verbal picture and to determine the mechanisms of visualization.

Keywords: N. M. Karamzin, G. R. Derzhavin, V. A. Zhukovsky, aesthetic thought, historical painting, description, visualization mechanisms.

Information about the author: Ksenia A. Potashova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University, Friedrich Engels St. 21 a, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Received: August 29, 2022

Approved after reviewing: September 30, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Potashova, K. A. “Historical Painting Development Program and Battle Ekphrasis in Aesthetic Thought in the Beginning of the 19th Century.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 38–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-38-53>

Развитие русской эстетической мысли в начале XIX в. происходило неотрывно от исторических событий и общественных потрясений — Французская революция и военные походы Наполеона оказали непосредственное влияние на оформление новых взглядов о предназначении искусства, послужили своеобразным импульсом для обновления ведущих критериев и требований, предъявляемых к произведениям словесности и живописи. В первом десятилетии XIX в. была обозначена необходимость актуализации патриотического сознания, инструментом формирования которого мыслилось искусство, «способствующее успехам человечества в его славном течении к цели нравственного и душевного совершенства» [Карамзин 1964: 198]. В этой связи в качестве магистрали словесного и изобразительного искусства было утверждено выражение «уверенности в героических силах нации, способной защитить и отстоять Отечество» [Верещагина 2004: 188].

Значимым событием как для собственно развития изобразительного искусства, так и для оформления обновленной эстетической системы стало утверждение в 1802 г. Императором Александром I дополнений к Уставу Академии художеств, в которых был определен новый вектор развития искусства, направленный на поиск национальной идентичности. Эти новые требования в полной мере отвечали сложившемуся в начале XIX в. романтическому сознанию с присущим ему обостренным чувством истории, выразившимся в поисках в прошлом тех духовных ориентиров, которые соответствовали бы актуальным запросам современного общества. Историческая память явилась механизмом, помогающим постигнуть современные события в сопряжении с прошедшими великими эпохами, происходило постепенное «открытие национальной истории, неотделимое от государственной мысли» [Гулин 2020: 38]. Согласно утвержденным дополнениям к Уставу, цель живописи виделась в том, чтобы «сделать добродетель ощутительною, предать бессмертию славу великих людей, заслуживших благодарность Отечества,

и воспламенить сердца и разумы к последованию по стезям соотчичей» [Привилегия, уставы и штаты... 1843: 65]. В этом тезисе, отражающем назначение исторической живописи, очевидно смещение акцентов от классицистического идеализирования к романтической героизации, провозглашение истории Отечества как источника для обнаружения сюжетов и героев. Интерес к истории «продиктовал русскому романтизму его содержание, эстетику, стилистику» [Аношкина-Касаткина 2014: 3]. Размышления о сюжетах из истории и путях их претворения в живописи и словесности появлялись на страницах «Вестника Европы», «Московского вестника», «Московского журнала», «Московского телеграфа», «Северного вестника», отражались в программах Академии Художеств, в художественной критике и эпистолярии.

В течение первого десятилетия XIX в. выходили своеобразные продолжения к дополненному Уставу Академии художеств, в которых предлагались конкретные сюжеты из русской истории, определялись требования к этим сюжетам, выдвигались критерии соответствия самих произведений художников новому вектору развития искусства. Перечни таких сюжетов касались как изобразительного искусства, так и литературы, при этом подчеркивалась общность словесности и художеств, уже потому что «цель их есть общая: польза» [Писарев 1807: 4].

Первым таким продолжением к утвержденным дополнениям стала написанная в 1802 г. статья Н. М. Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств», опубликованная в «Вестнике Европы», и содержательно связанная с ней заметка «О любви к Отечеству и народной гордости» того же года. Статья представляет собой письмо-обращение к господину NN, под которым подразумевается Президент Академии художеств граф Строганов, и содержит рекомендации к темам из отечественной истории. В заметке же раскрываются представления писателя о патриотизме и его составляющих, служащие ключом к пониманию тех требований, которые, согласно Карамзину, необходимо предъявлять к живописным произведениям.

Уже в самом начале статьи «О случаях и характерах...» Карамзин поставил вопрос о необходимости обращения искусства к эпизодам героического прошлого Отечества в противовес сложившейся классицистической традиции создания исторических полотен на сюжеты из античности. Предметом его размышления становятся способы «до-

стойного проникновения» [Карамзин 1964: 188] истории в искусство, среди которых ведущее место отведено визуальному воздействию слова и образа. В связи с исторической живописью Карамзиным рассматривается идейная наполненность понятия патриотизм, фундамент которого связан с обращением к прошлому («Надобно знать, что любишь, а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем» [Карамзин 1964: 189]). Примечательно, что Карамзин вводит в оборот понятие «романического патриотизма» [Карамзин 1964: 198]. Патриотизм такого характера предполагает формирование «народной гордости и славолюбия» [Карамзин 1964: 197] силами «благородных искусств, литературы и наук» [Карамзин 1964: 198], воздействующих на человеческие чувства. Обращение к летописи есть наиболее верный путь воспитания патриотизма: «Я не верю той любви к Отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь» [Карамзин 1964: 189]. Одной общей задачей «приучить россиян к уважению собственного, <...> показать, что оно может быть предметом вдохновений и сильных действий искусства на сердце» [Карамзин 1964: 188] Карамзин объединяет работу поэта, живописца и историка, отдавая при этом преимущество именно живописцу, которому оказывается наиболее доступным «способ оживить для нас великие характеры и случаи» [Карамзин 1964: 188].

В своих размышлениях Карамзин указывает, что истинное произведение искусства, которое способно привести человека к достижению «цели нравственного и душевного совершенства» [Карамзин 1964: 198] должно соответствовать двум главным критериям — быть «занимательным для воображения и трогательным для сердца» [Карамзин 1964: 195]. Именно эмоциональная составляющая искусства, ответная реакция, которую оно способно вызвать, привлекает Карамзина. Подобной же формулой он определяет и сам выбор исторического сюжета, который должен быть «трогателен и живописен» [Карамзин 1964: 194]. Эти «занимательные», «трогательные» и «живописные» сюжеты для искусства писатель находит в «самом начале российской истории» [Карамзин 1964: 189] и разделяет их на две группы. Первую группу составляют сюжеты батальные, которые «действуют так сильно на воображение» [Карамзин 1964: 192], вторую группу составляют сюжеты философские, впечатление от которых «должно быть нравоучительное» [Карамзин 1964: 191]. Батальных сюжетов Карамзин

выделяет заметно меньше в сравнении со второй группой, что объясняется недостаточным развитием военной темы в русском искусстве XVIII – начала XIX вв.

В числе возможных батальных сюжетов Карамзин предлагает исторический эпизод о победоносном столкновении дружины князя Святослава Игоревича с греками, открывший дорогу на Константинополь. Писатель, задавая программу для возможной картины, создает ее развернутое описание, в центре которого оказывается сама личность князя как «мысленного образца геройства» [Карамзин 1964: 192]. Описание мыслимой картины можно рассмотреть как своеобразный экфрасис, писатель словно уподобляет себя живописцу, создавая словесную картину, иллюзорное созерцание которой обрамляет это описание. Всего в трех предложениях Карамзин создает словом живописное полотно с помещенным в центр героем, витязями вокруг и греческим воинством: «Князь, сказав: “Ляжем зде костьми; мертвые бо срама не имут”, обнажает меч свой: вот минута для живописца! Святославовы витязи (которых он изобразит, сколько хочет) в быстром движении геройского вдохновения также извлекают мечи, машут копьями, гремят щитами и проч. Вдали можно представить греческий необозримый стан» [Карамзин 1964: 192]. Обращает на себя внимание объемность описаний у Карамзина, в которых он стремится максимально задействовать силу слова как инструмент для создания батального образа. Задавая программу художнику, Карамзин воздействует на всю гамму его чувств, чтобы «воспламенить воображение» [Карамзин 1964: 190], привлекая не только визуальные, но и акустические (звук от оружия), а также синтетические эффекты (Святослав наделяется словом и представлен оратором, войско изображено в движении). И все же преимущество отдано силе воздействия визуального образа. Характерными и для этого фрагмента программы, и для всей статьи являются лексемы «воображение», «образ», «картина», «представлять», каждая создаваемая писателем картина открывается формульной фразой «я вижу» (или ее производными — «хотел бы я видеть», «желал бы видеть»). Применимая Карамзиным подобная «физиологическая фразеология» [Есаулов 2001: 54] связана с эстетизацией создаваемого образа и процесса его восприятия. Отсюда к историческому сюжету писатель использует в качестве ведущего критерия «живописность», понимаемую как зрелищность, «сосредоточение всей гаммы впечатлений от увиденных и

прочувствованных реалий» [Поташова 2020: 263]. Неслучайно, подбирая нужное слово для обозначения кульминационного события в русской истории, которое «достойно искусной кисти», писатель останавливается на лексеме «момент», поясняя при этом, что его «смысл едва ли можно выразить мгновением» [Карамзин 1964: 193]. Это облакаемое художником в визуальную оболочку существенное обстоятельство, предельно вызывающее восхищение зрителя.

В заданной программе Карамзин объединяет несколько художественных тенденций. В батальных сценах очевидна характерная для живописи классицизма нарочитая постановочность, связанная со стремлением к достижению зрелищности, чувства восторга («Святослав говорит речь, достойную спартанца и славянина» [Карамзин 1964: 192]). Заметен в статье и идиллический налет сентиментализма, проявившийся как в образной системе батального образа («прямодушный рыцарь», «добрый старец» [Карамзин 1964: 192]), так и в стремлении писателя затронуть сердце зрителя, вызвать в нем сопереживание. И все же, несмотря на всю поэтическую оболочку представленных в статье описаний, Карамзин ориентирован на историческую достоверность, при этом его привлекает не «передача этнографических особенностей общества» [Киселева, Поташова 2017: 145], но воссоздание самого исторического характера. Именно установка на достоверность образа обуславливает акцентирование писателем романтического эффекта ожившей картины. Искусный художник в понимании Карамзина способен «оживить картину» из древней истории [Карамзин 1964: 192], то есть так передать дух времени, что зритель может ощутить себя в конкретном отрезке исторического прошлого. Само же это ощущение передается в многочисленных глаголах с визуальной семантикой: «Я, кажется, *вижу* перед собою изумленного и тронутого Владимира»; «*Вижу* несчастную вдохновенною сердцем Гориславу»; «*Видны* самые простые украшения и резный образ, стоящий в углу» [Карамзин 1964: 193]. Возможность увидеть историю, то есть почувствовать ее для Карамзина и есть основа эмоционально-нравственного восприятия прошлого, подразумевающегося под «романическим патриотизмом» [Карамзин 1964: 198]. Еще более явно это обнаруживается в созвучном идеям Карамзина обобщении А. И. Тургенева в статье «Критические примечания, касающиеся до древней Славяно-Русской истории» (1804): «Чем более соблюдает живописец историческую вер-

ность в подобных мелочах, тем удачнее действие, которое будет иметь картина его на зрителя, и он поможет ему переселиться духом в те времена глубокой древности, из которой почерпнут сюжет для картины» [Тургенев 1804: 279]. Единство исторической достоверности и воображения творца становится основой нового творческого метода, в полной мере отвечающего требованиям начала XIX в.

Особенности конструирования зримого художественного образа, пути преобразования мыслимого в словесную картину, вопросы исторической живописи и словесности, аспекты визуального мышления поднимаются Г. Р. Державиным в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811), теоретической работе, в которой поэзия связывается с живописным модусом изображения. К поэтике визуального в словесности Державин обращается через размышления об интеллектуальной традиции, о познавательной сущности художественного образа. Визуальное мышление трактуется поэтом в этой работе по типичной гносеологической схеме, в противопоставлении двух типов перцепции — восприятие чувством и восприятие разумом. Ведущую роль в объяснении визуальной природы художественного образа поэт отводит понятию «картина». Сопоставляя фрагменты текстов древнегреческого эпоса и древнерусской литературы, объединенные общей целью прославления подвига, Державин приходит к заключению, близкому к оформившемуся уже в XX в. психологическому направлению о «взаимосвязи визуального и абстрактного мышления» [Шестакова, Батыр 2021: 256], на интуитивном уровне говорит об особенностях визуального мышления: «Чем народ был дичее, тем пламеннее было его воображение, отрывистее и короче слог, менее связи, распространения и последствий в идеях, но более живописной природы в картинах и более вдохновения» [Державин 1864–1871. 7: 521].

Истинным мастерством в воспевании подвига поэт называет героические песни Древней Руси, давая отсылку к только что открытому и опубликованному в 1800 г. «Слову о полку Игореве»: «Славянороссийский баян изображает ратное воспитание и ревность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеян, доспеками повит и вычерпает шлемом своим быстрые реки» [Державин 1864–1871. 7: 522]. Героическая тематика, призванная создавать высокие представления о храбрых воинах, их сражениях и победах, древнерусской и новой истории, требует особой стилистической оболочки, под которой Державин по-

нимает «картину»: «Всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, то особую краску и приятность в себе имеющее» [Державин 1864–1871. 7: 521]. В трактовке Державина под живописностью изображения — картиной — понимается цельная художественная структура, которая «поражает и восхищает слушателей, излагая мысли свои в прямом или переносном смысле, так чтобы они по сходству с употребительными, известными картинами, или самую природу, по тем или другим качествам, не взирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум» [Державин 1864–1871. 7: 524]. Рассматривая «картину» в качестве художественного приема, поэт подразумевает ее «буквальное значение, “живописное полотно”» [Немировский 2021: 165]. Визуальность у Державина состоит в порождении поэтической фантазией живописных полотен, задействующих весь спектр человеческих чувств. Яркими примерами таких картин, поражающих воображение читателей, являются введенные в поэтический текст метафорически переосмысленные образы стихий, посредством которых создаются в поэтическом слове кровопролитные сражения. Так, Державин не раз сравнивает кровопролитные битвы с Везувием:

Или, Везувия в утробе
Как споря, океан с огнем
Спирают в непрерывной злобе
Горящу лаву с вечным льдом,
Клокочут глухо в мраке бездны» [Державин 1864–1871. 2: 288].

Использование символического образа извергающегося вулкана, персонифицированного, гиперболизированного монстра, «так волновавшего Державина» [Смолярова 2001: 98], связано с восприятием происходящих событий как грозных мировых потрясений, указанный образ направлен на передачу эмоциональной достоверности, придающей происходящим событиям космический масштаб.

Державин разрабатывает целый набор критериев, которым должны соответствовать «картины» героических произведений, чтобы поразить воображение, то есть «произвести заочно фантазию (мечты), или фантастические чувства» [Державин 1864–1871. 7: 523]. Критерии картинности Державин формулирует на универсальном

языке искусства, привлекая понятия как из словаря живописи, так и литературы: «Картины <...> должны быть кратки, огненною кистью, или одной чертою величественно, ужасно или приятно начертаны» [Державин 1864–1871. 7: 549–550]. Таким образом, картинность понимается им не только как особенность языка — образность, красочность и выразительность — но и как художественный стиль оды, оказывающий воздействие на воображение. Отсюда в его батальной оде создается эффект созерцания, взгляда не на само сражение, а будто бы на историческое живописное полотно. Основным же требованием, предъявляемым к героической оде, Державин считает разнообразие картин: «Разнообразие должно всегда усиливать единство, делать главный предмет привлекательнейшим, богачейшим, блистательнейшим тем самым, когда разные лучи его, как отражения солнечные, видом или качеством своим подобные ему, от всех его окружающих картин, действий, звуков, побочных чувств и извилий обращаются на лицо единства, и в нем одном сливаясь, распространяют, украшают и усугубляют его великолепие» [Державин 1864–1871. 7: 541–542]. Таким образом, батальная ода представляет собой набор разнообразных картин, возбуждающих воображение читателя, требующих от них разгадывания, и, в конечном итоге, воздействующих на их чувства с целью утверждения мощи России как великой империи.

В создании исторических образов наследником Державина-баталиста выступает В. А. Жуковский. Именно державинские батальные образы как поэтическое новаторство Жуковский высоко оценил в «Конспекте по истории русской литературы» (1805–1811): «Державин <...> пробуждает великие и патриотические идеи, и в то же время он рисует неподражаемыми чертами» [Жуковский 1999–. 12: 364]. Вслед за Державиным и Карамзиным Жуковский в поэзии и эстетических сочинениях обращается к осмыслению «воображения живописными образами и их действия на душу» [Аношкина 2014: 74]. Сущность живописности в понимании Жуковского наиболее точно отражена в его поэтическом послании «К А. Н. Арбеновой» (1812). Поэт размышляет о соотношении зрения и воображения и о значении этих категорий:

Рассудку глаз! другой воображенью!»
Так пишет мне мой стародавний друг.

По совести, такому наставленью
Последовать я соглашусь не вдруг.
Не славно быть циклопом однооком! [Жуковский 1999–. 1: 215]

Лирический поэт размышляет о соотношении у художника-романтика рационального начала («рассудку глаз») и «воображенья», то есть эмоционально-ценностных ориентаций, которым поэт отдает предпочтение в своей эстетической концепции («Не лучший ли нам друг воображенье?» [Жуковский 1999–. 1: 215]). При этом зримость и живописность в создании романтиком этого воображаемого мира приобретает особенное значение, не случайно в послании физической возможностью воображения поэт наделяет именно глаз. Под романтическим воображением понимается наблюдение такой природы, при котором впечатления от увиденного действуют на сферу чувств человека. О том, что же составляет предмет поэтического воображения, Жуковский сообщает в работе «О поэзии древних и новых» (1811): «Перемены годовых времен, восхождение и захождение небесных светил, свирепость бурного моря, ужас сражения, бедствие, причиняемое болезнями и мором, — вот предметы изображаемые» [Жуковский 1999–. 1: 317]. Обозначенные предметы для поэтических описаний, так или иначе связанные с историческим процессом, историческими катаклизмами, уже выступают своего рода зарисовками, возможность их словесного воссоздания уяснятся Жуковским как визуальная природа литературного творчества.

Словесной оболочкой поэтического воображения для Жуковского выступает картина, о чем поэт также не раз размышляет в своих литературно-критических статьях: «Хочется занять свое воображение великими картинами, великими делами, великими характерами, которыми он [поэт. — К. П.] восхищается, изображая их и составляя из них нечто целое» [Жуковский 1999–. 1: 317: 39]. Поэт акцентирует визуальную природу мышления, понимая творческий процесс как своего рода визуальное моделирование. Примечателен и главный критерий, предъявляемый Жуковским к картине. Поэтом трижды акцентируется «великость» изображения, то есть предметом поэтических размышлений может стать только такая картина, которая способна удивить воображение и побудить его к творческому осмыслению увиденного. Именно картина становится тем понятием, через которое Жуковский

объясняет эпическое произведение: «Эпопея есть картина, на которой изображено множество разных действий, составляющих целое, но не столь живо поражающих по частям» [Жуковский 1999–. 1: 38].

О том, как художнику создать такую картину, проникнутую героическим, величественным началом, Жуковский размышляет в своих поздних дневниковых записях 1840-х гг., касающихся сути исторической живописи. Поэт выделяет три типа художников, предметом изображения у которых становится настоящее и прошлое. Первый тип художника — это «летописец», который «описывает то, что видит, то, что может обнять глазом» [Жуковский 1999–. 11: 465]. Достоинством его манеры является «верность, живость изображения, богатство легких подробностей, сходство описания с описываемым» [Жуковский 1999–. 11: 465]. Другой художник, напротив, не описывает, а творит подобно философу из деталей общую картину, «представляет события в их целом, он обнимает горизонт обширный, изображает живо, но изображает не подробности, а всю массу» [Жуковский 1999–. 11: 465], получает «величественную, сборную истину» [Жуковский 1999–. 11: 465]. Подобная манера определяет визуальную стилистику классицизма. И, наконец, третий тип художника — это творец, который не просто описывает или обобщает, но размышляет и обращается к самой сути истории, «видит причины событий и угадывает их последствия; он соединяет судьбу настоящего с намерениями Промысла; он изъясняет тайную власть неизменяемого Бога» [Жуковский 1999–. 11: 465], выступает «проводником Бога в делах человеческих», только в картинах такого художника «первенствует мысль, и он вполне удовлетворяет требованиям живописи исторической» [Жуковский 1999–. 11: 465].

К картинам Жуковский также выдвигает ряд требований, с помощью которых словесное произведение привлечет читателя. К таким требованиям относится сила изображения, то есть воздействие созданной картины: «Оно должно быть изображаемо, представлено в картине; оно должно казаться истинным только от одной силы изображения, которое, овладев человеческим воображением, представляло бы ему новый мир» [Жуковский 1999–. 12: 72]. Отмечает поэт и средства создания картин, которые должны быть «полны воображения», содержать «высокие, поэтические вымыслы» и «смелые обороты» [Жуковский 1999–. 12: 16]. Жуковский провозглашает истинного поэта живописцем («Живописец должен быть поэтом, поэт живописцем»

[Жуковский 1999–. 12: 53]), словесные картины которого должны быть настолько яркими, живыми и убедительными, что по ним угадываются «положение и наружный вид героя, которые сверх того поэт видит в описании и может вообразить с довольною ясностию» [Жуковский 1999–. 12: 53].

Размышления литераторов о живописи ярко иллюстрируют характерное для эстетики того времени переплетение государственных интересов с развитием искусства. Опубликованные ими эстетические трактаты раскрывали важные для романтической системы положения, связанные с познавательной природой творчества, особенностями художественного восприятия исторического процесса, путями претворения исторических сюжетов в искусстве. Идеино и стилистически значимыми стали статьи Карамзина, Державина и Жуковского, вносящие существенные дополнения к академической программе развития искусства, актуализирующей интерес художника к истории. Выработанная Карамзиным концепция исторической живописи основывалась на поиске героя в национальном прошлом как «наиболее полного выразителя исконного народного характера» [Аношкина-Касаткина 2014: 14]. Идеи Карамзина развивает Державин, также рассматривающий героическое прошлое как источник сюжетов для живописи и словесности, но он сосредотачивает внимание на стилистической оболочке этих сюжетов. Отказываясь от классицистической трактовки картины как приема патриотической риторики, Державин представляет ее как образ, достойный кисти художника. В центре эстетических размышлений Жуковского оказывается процесс созерцания картины. В своих суждениях поэт выступает тонким психологом, передавая в русле романтических воззрений особенности восприятия исторической живописи. Будучи представителями различных литературных течений, Карамзин, Державин и Жуковский расставляют разные акценты в своих эстетических размышлениях, а объединяющим началом в их работах становится отношение к искусству как средству постижения исторического прошлого и утверждения национальной идеи. Рассматривая эмоциональную составляющую исторической картины как верный путь формирования патриотического чувства, связанного с возвышением России «как в политическом, так и моральном смысле» [Карамзин 1964: 281], литераторы сходятся в одном стремлении — выбрать из истории самые кризисные события и уподобить их зрелищу. Во всех

трех трактовках исторической темы меняется прежний, характерный для эстетики XVIII в., статус человека, перешедшего от созерцателя картины к собственно участнику исторических катаклизмов. Подобная индивидуалистическая ориентация искусства открывает человеку возможность обратиться к истории как «мере духовно-нравственной состоятельности» [Киселева, Поташова, Ермакова 2022: 64].

Проведенный анализ эстетических трактатов 1800–1810-х гг. позволяет заключить, что в своих размышлениях, посвященных претворению исторических событий, Карамзин, Державин и Жуковский выявили и обосновали три необходимые составляющие исторической темы в живописи и словесности: русская история как источник сюжета, героическая личность в центре произведения, зрелищность. Именно эти три составляющие и сформировали тезаурус художественно-эстетической мысли начала XIX в.

Список литературы

Источники

Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. / под ред. Я. К. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1864–1871.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999–.

Карамзин Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964.

Писарев А. Предметы для художников, избранные из Российской Истории, Славенского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе. СПб.: Тип. Шнора, 1807. 21 с.

Привилегия, уставы и штаты Императорской Академии художеств с 1764 по 1840 год. СПб.: Академия художеств, 1843. 152 с.

Тургенев А. И. Критические примечания, касающиеся до древней Славяно-Русской Истории // Северный вестник. 1804. Ч. 2, № 6. С. 267–293.

Исследования

Аношкина-Касаткина В. Н. Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. М.: Московский гос. областной ун-т, 2014. 400 с.

Верещагина А. Г. Критики и искусство. Очерки истории русской художественной критики середины XVIII – первой трети XIX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 739 с.

Гулин А. В. Творчество А. С. Пушкина как державное служение // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.: Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 13–15 октября 2020 года. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 37–39.

Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 43–56.

Киселева И. А., Поташова К. А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. М.: Московский гос. областной ун-т, 2017. С. 137–146.

Киселева И. А., Поташова К. А., Ермакова А. С. Смысловая наполненность понятия «история» в художественном мире М. Ю. Лермонтова // Русская речь. 2022. № 4. С. 63–74. <https://doi.org/10.31857/S013161170021744-7>

Немировский И. О визуальности стихотворения Пушкина «Герой» // Новое литературное обозрение. 2021. № 6 (172). С. 163–179.

Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции // Научный диалог. 2020. № 8. С. 258–271. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-258-271>

Смолярова Т. Зримая лирика. Державин. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 620 с.

Шестакова М. А., Батыр Т. Б. Основные подходы к исследованию визуального мышления // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 4 (30). С. 256–272. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-256-272

References

Anoshkina-Kasatkina, V. N. *Russkii romantizm*. V. A. Zhukovskii, A. S. Pushkin [*Russian Romanticism*. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014. 400 p. (In Russ.)

Vereshchagina, A. G. *Kritiki i iskusstvo. Ocherki istorii russkoi khudozhestvennoi kritiki srediny XVIII – pervoi treti XIX veka* [*Critics and Art. Essays on the History of Russian Art Criticism in the Middle of the 18th – the First Third of the 19th Century*]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2004. 739 p. (In Russ.)

Gulin, A. V. “Tvorchestvo A. S. Pushkina kak derzhavnoe sluzhenie” [“Creativity of A. S. Pushkin as a Sovereign Service”]. *Russkaia literatura i natsional'naia gosudarstvennost' XVIII–XIX vv. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 13–15 oktiabria 2020 goda* [*Russian Literature and National Statehood of the 18th–19th Centuries. Abstracts of the International Scientific Conference, Moscow, October 13–15, 2020*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 37–39. (In Russ.)

Esaulov, I. A. “Ekphrasis v russkoi literature novogo vremeni: kartina i ikona” [“Ekphrasis in Modern Russian Literature: Painting and Icon”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 6, 2001, pp. 43–56. (In Russ.)

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. “Shliapa kak detal' kostiuma i sredstvo kharakteristiki personazha v ‘Pis'makh russkogo puteshestvennika’ N. M. Karamzina” [“The Hat as a Part of the Costume and Means of Character's Characteristics in ‘Letters of a Russian Traveler’ by N. M. Karamzin”]. *Russkii iazyk v slavianskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov* [*Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Works*]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2017, pp. 137–146. (In Russ.)

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A., Ermakova, A. S. “Smyslovaia napolnennost’ poniatiaia ‘istoriia’ v khudozhestvennom mire M. Iu. Lermontova” [“Semantic Fullness of the Concept ‘History’ in the Artistic World of M. Yu. Lermontov”]. *Russkaia rech’*, no. 4, 2022, pp. 63–74. <https://doi.org/10.31857/S013161170021744-7> (In Russ.)

Nemirovskii, I. “O vizual’nosti stikhotvoreniia Pushkina ‘Geroi’” [“On the Visuality of Pushkin’s Poem ‘Hero’”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (172), 2021, pp. 163–179. (In Russ.)

Potashova, K. A. “Poeticheskaia formula ‘ia vizhu’ v tvorchestve K. N. Batiushkova: tvorcheskoe usvoenie derzhavinskoi traditsii” [“Poetic Formula ‘I See’ in K. N. Batyushkov’s Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition”]. *Nauchnyi dialog*, no. 8, 2020, pp. 258–271. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-258-271> (In Russ.).

Smoliarova, T. *Zrimaia lirika. Derzhavin* [Visible Lyrics. Derzhavin]. Moscow, New Literary Review Publ., 2011. 609 p. (In Russ.)

Shestakova, M. A., Batyr, T. B. “Osnovnye podkhody k issledovaniiu vizual’nogo myshleniia” [“Main Approaches to the Study of Visual Thinking”]. *Praksema. Problemy vizual’noi semiotiki*, no. 4 (30), 2021, pp. 256–272. DOI: 10.23951/2312-7899-2021-4-256-272 (In Russ.)

© 2022. Лу Яо
Сучжоуский Университет
г. Сучжоу, Китай

Ф. М. Достоевский и братья Аксаковы в контексте общественно-литературной борьбы и сотрудничества

Аннотация: В 1840-х гг. Ф. М. Достоевский прославился в литературных кругах благодаря своей повести «Бедные люди», но подвергся широкой критике со стороны славянофилов в лице братьев Аксаковых за свой творческий подход и политическую идеологию. В 1860-х гг. жаркие споры между «Временем» и «Денем» подтвердили идеологические разногласия Достоевского со славянофилами. В 1880-х гг., как показывает автор статьи, намечается сближение позиции Достоевского, его художественных идей и взглядов братьев Аксаковых, что особенно хорошо ощутимо по речи Достоевского на Пушкинском празднике. В статье осмысляются основные мировоззренческие расхождения и точки соприкосновения между почвенничеством и славянофильством, прослеживаются непростые отношения Достоевского с братьями Аксаковыми, которые длились более 40 лет. Отмечается, что многочисленные несогласия в убеждениях указанных современников касались вопроса о творческом стиле, назначении литературы и идейных течениях. Достоевский верил в славянофильскую мысль, но был более прогрессивен, он развил и углубил идеалы фундаментализма второй половины XIX в.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, идеология, славянофилы, почвенничество, творческий метод.

Информация об авторе: Лу Яо, доктор филологических наук, Сучжоуский Университет, ул. Шизи № 1, район Гусу, 215006 г. Сучжоу, провинция Цзянсу, Китай.

E-mail: emailluyao@126.com

Дата поступления статьи в редакцию: 09.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Лу Яо. Ф. М. Достоевский и братья Аксаковы в контексте общественно-литературной борьбы и сотрудничества // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 54–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-54-71>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 54–71. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 54–71. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Lu Yao
Suzhou University
Suzhou, China

F. M. Dostoevsky and the Aksakov Brothers in the Context of Social and Literary Struggle and Cooperation

Abstract: In the 1840s F. M. Dostoevsky became famous in literary circles thanks to his story *Poor Folk*, but was widely criticized by the Slavophiles, namely by the Aksakov brothers for his creative approach and political ideology. In the 1860s heated disputes between *Vremnya* and *Den'* confirmed Dostoevsky's ideological disagreements with the Slavophiles. In the 1880s, as the author of the article shows, begins a convergence of Dostoevsky's position, his artistic ideas and the views of the Aksakov brothers, which is especially noticeable in Dostoevsky's speech at the Pushkin holiday. The article comprehends the main ideological differences and points of contact between *pochvennichestvo* and Slavophilism, traces the difficult relationship between Dostoevsky and the Aksakov brothers, which lasted more than 40 years. Numerous disagreements in the beliefs of these contemporaries concerned the issue of creative style, the purpose of literature and ideological currents. Dostoevsky believed in Slavophile thought, but was more progressive; he developed and deepened the ideals of fundamentalism in the second half of the 19th century.

Keywords: F. M. Dostoevsky, K. S. Aksakov, I. S. Aksakov, ideology, Slavophiles, *pochvennichestvo*, creative method.

Information about the author: Lu Yao, PhD in Philology, Suzhou University, Shizi St. 1, Gusu District, 215006 Suzhou, Jiangsu province, China.

E-mail: emailluyao@126.com

Received: August 09, 2022

Approved after reviewing: October 22, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Yao, Lu. "F. M. Dostoevsky and the Aksakov Brothers in the Context of Social and Literary Struggle and Cooperation." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 54–71. (In English) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-54-71>

With the increasing influence of Russian literary studies, the wave of conservative thought in Russia has also influenced the study of Russian literature in China. Recently, Chinese scholars have also gradually begun to study Russian authors of conservatism. Some of the conservative thinkers and critics already familiar in Russia, such as N. N. Strakhov, M. N. Katkov, K. S. Aksakov, and I. S. Aksakov, were introduced to Chinese scholars. In the middle of thinkers, the Brothers Aksakov have only recently become an attractive theme for study, although they have been familiar to Russian scholars for a long time.

The Brothers Aksakov are seen as representative of Slavophilism and contemporaries of Dostoevsky, with whom Chinese scholars are most familiar. Chinese scholars seem to have overlooked both the close and hostile relations between the Brothers Aksakov and Dostoevsky. They studied the brothers as part of the Slavophiles, paying no attention to their different characters or their unique activities.

I. S. Aksakov was probably the first person of the Slavophiles to focus on Dostoevsky. In a letter to his family in 1845 I. S. Aksakov reported on the latest developments of several St. Petersburg writers and mentioned Dostoevsky with irony: “Grigoriev is also friendly with Otechestvennye Zapiski. In the latter, they have found a new star, a kind of Dostoevsky, who was placed almost above Gogol, the Gogol of many Slavophiles’ hearts!!!” [Aksakov I. 1888: 313]. K. S. Aksakov maintained a similar attitude towards Dostoevsky. The Brothers Aksakov disapproved and even feuded with this new star of St. Petersburg.

K. S. Aksakov’s Critique of Early Dostoevsky’s Writing

The American scholar Joseph Frank commented on Dostoevsky’s debut novel like this: “No début in Russian literature has been described more vividly than that of Dostoevsky, and few, in truth, created so widespread and sensational a stir” [Joseph Frank 1976: 137]. However, Frank did not specify

that the critics and the magazine publishers in St. Petersburg cheered Dostoevsky. They are members of the naturalist, which praised the novel *Poor Folk*. Belinsky praised Dostoevsky as a new genius and his novel was a new attempt at social fiction: “He (Dostoevsky. — L. Y.) had succeeded in producing the work that Belinsky had been waiting for” [Joseph Frank 1976: 139]. On 5 February 1846, in a letter to Zhukovsky, the critic and publisher P. A. Pletnev described the situation that *Poor Folk* shook the literary world of St. Petersburg: “Our Nekrasovites (those who published articles in Nekrasov’s magazine) are crazy about it and said that now both Gogol and others are dead” [Pletnev: 570]. Another novelist, L. W. Brant, even thought that Dostoevsky’s artistic talent surpassed that of Gogol and Lermontov: “They said, a new author has appeared, like Gogol, and his story, which seems to have more merit than Gogol’s novels and being printed in a St. Petersburg almanac. It will be interesting to see!” [Dmitriev: 157].

In contrast to the St. Petersburg literary scene, the Slavophiles in Moscow were more restrictive. A. S. Khomyakov claimed that the tragedy of Devushkin, the protagonist of *Poor Folk*, was rooted in contempt for the masses and women. The criticism of K. S. Aksakov was even harsher for the following reasons.

Firstly, K. S. Aksakov disapproved of the naturalists. It was clearly unacceptable to him that the St Petersburg literary scene appreciated naturalism, and regarded Dostoevsky and his *Poor Folk* as the best representatives of the natural school. Secondly, Dostoevsky uses the mouth of Devushkin in his novel to dissent from Gogol’s *The Overcoat*, and even to critique Gogol: “they, those scumbags, no matter what you write!” [Dostoevsky 1: 68]. Thirdly, the high esteem of Dostoevsky in the St. Petersburg literary scene, like “better than Gogol,” made the Slavophiles loathe Dostoevsky. The approval of “better than Gogol” hurt the Slavophiles, because of the standards of the writers produced by the Slavophiles. In the hierarchic system of writers constructed by the Slavophiles, Gogol ranks first, followed by S. T. Aksakov and N. S. Sokhanskaya, the reasons were as follows: the Slavophiles regarded Gogol’s *Dead Souls* as a return to Orthodox ideals and harmonious patriarchy, while N. S. Sokhanskaya’s work reflected a positive, healthy picture of national life. In a letter to N. S. Sokhanskaya I. S. Aksakov wrote: “Your novel was named ‘the Russian Story’, and no other writer, not Grigorovich, not even Turgenyev, has ever been awarded by us” [Fetisenco: 235]. Nekrasov, Turgenyev and even Pushkin belonged to Westerners, which was too con-

cerned with the dark side of life. These authors were criticized by the Slavophiles for their extensive use of naturalistic creative methods.

After reading *Poor Folk*, K. S. Aksakov attacked Dostoevsky mercilessly, based on concepts of orthodoxy and the positive and the negative. He claimed that Dostoevsky borrowed the best portrayal of Civil Servant and petty people from Gogol when he created the two main characters, Devushkin and Varenka in *Poor Folk*, a failed copy of Gogol's creative motivation and character. According to traditional Slavophile theory, the creation should be "a combination of national consciousness and the truth of Orthodoxy" [Zenkovsky: 66]. Orthodoxy is the foundation of Gogol's writing, and the Slavophiles saw it as the basis of Russian Narodnost'. The creation was intended to reflect both the Orthodox faith and the Narodnost': "Russian Narodnost' is impossible outside of Orthodoxy; that Orthodoxy is that spiritual historical element, under the influence of which Russian Narodnost' was formed and developed. All attempts to isolate Orthodoxy from the Russian Narodnost', so to say, to throw out bases and create some new political Russian Narodnost' from dehumanized material" [Aksakov I. 2002: 748]. All of them are part of the Russian people's souls. The Orthodox spirit added great importance to Gogol's writing and formed the spiritual world of the Russian people. *Dead Souls* is the embodiment of Russian Narodnost'. The absence of the Orthodox in *Poor Folk* prevents the true expression of Narodnost'. K. S. Aksakov thought, that *Poor Folk* is a parody, similar in style, but does not convey Gogol's spirit, nor reflects the unique Russian Narodnost'.

K. S. Aksakov then borrowed the positive and negative elements to evaluate Dostoevsky's writing. According to the critic, genuine artworks contain a positive element, bringing light and comfort to the reader: "The profound, reconciling beauty of the artwork has embraced and meanwhile brought new life, a new beginning to your soul, brighter and purer, more cheerful in your heart" [Aksakov K. S., Aksakov I. S.: 185]. Thus, K. S. Aksakov claimed that *Poor Folk* is not a real literary masterpiece because of its naturalistic and realistic portrayal, which makes a heavy impression on the readership. For K. S. Aksakov, *Poor Folk* is a negative parody. The history of literature has proved that K. S. Aksakov's evaluation is clearly prejudiced. But the question he raised is also worth pondering: should literature emphasize denunciation and criticism? From this point of view, Gorky's works *About Karamazovshchina* (1913) and *More About Karamazovshchina* (1913) could be an answer to this question. If *Poor Folk* exposed the "lack" of Dostoevsky's creative ta-

lent so that K. S. Aksakov concluded that Dostoevsky had not shown any artistic talent in his novels. The appearance of *The Double* then undoubtedly increased K. S. Aksakov's dissatisfaction with Dostoevsky: "Then Mr. Dostoevsky has imitated Gogol's methods, his external movements, his outward looks, not knowing the truth, that Gogol's perfect creations were due to his different life... In it (i. e., *The Double*. — L. Y.) Mr. Dostoevsky constantly imitates Gogol, often to the extent of copying rather than borrowing" [Aksakov K. S., Aksakov I. S.: 189]. Much of Aksakov's scathing criticism of Dostoevsky is related to the naturalistic method.

In *Poor Folk* and *The Double*, Dostoevsky showed a realistic picture of extremely harsh life in St Petersburg, which made K. S. Aksakov uncomfortable. K. S. Aksakov did not regard accuracy as the highest criterion of art, he said: "Yes, if accuracy was an artistic virtue, the best artist would be a Daguerreotype or a stenographer" [Aksakov K. S., Aksakov I. S.: 229]. At the same time, Dostoevsky's philanthropic tendency in *Poor Folk* also displeased K. S. Aksakov. The Slavophile critic and Professor S. P. Shevyrev of Moscow University commented that: "The philanthropic tendency of the novel is more visible than the artistic" [Shevyrev: 225]. The powerful philanthropic tendency in Dostoevsky's writing awakens sympathy for the poor, but sympathy is a negative emotion that brings the reader not pleasure and peace, but pain. Moreover, the philanthropic tendency makes *Poor Folk* a tendentious novel; that cannot be called true art. Thus, according to K. S. Aksakov, Dostoevsky borrowed only the external form of Gogol's writing, but not its essence. The style of *Poor Folk* is gloomy and grey, and its achievements are limited.

Thus, K. S. Aksakov's criticism of Dostoevsky, while consistent with his Slavophile ideology, is clearly prejudiced. K. S. Aksakov merely remarks on the lack of orthodox elements in Dostoevsky's early writing and his naturalistic methods, but does not feel the humanistic spirit that forms the basis of the writer's creation. *Poor Folk* embodies Dostoevsky's humanist spirit; the author creates a perspective "that looks at the world from above, not below" [Joseph Frank 1976: 144]. A new perspective was formed by Dostoevsky's main innovation over Gogol. As opposed to Gogol, who portrayed many characteristic petty people but satirically mocked them, Dostoevsky was always sympathetic towards the petty people, ready to return to them and look at the world from their point of view. At all times Dostoevsky treated each of his characters with pity, turning the reader's attention to the poor, trying

to show the struggle between the divinity of man and the harshness of the environment using naturalistic methods, but there is no such compassion for the world in Gogol's writing.

Although Dostoevsky's early writings were under the general criticism of the Brothers Aksakov, many Slavophile concepts, such as the *Obshchina* influenced Dostoevsky from the 1840s. After the publication of *Mistress*, Dostoevsky's ideas gradually moved closer to Slavophilism. D. A. Kunilitsky believes, "It was the tragic-poetic portrayal of people's life undertaken by Dostoevsky in *Mistress* that was radically different from the sketches and negativity of the natural school..." [Kunilitsky 2013: 40]. It is in this novel that Dostoevsky changed his style from a negative portrayal of Russian society to a poetic depiction of Russian real life, attempting to show an idyllic, refreshing virtue against the unhappy social reality. Dostoevsky not only saw tragedy in reality but also found a positive element in it. Certain changes in style, of course, do not mean that Dostoevsky fully embraced Slavophile thought, because "the antiquated aspects of Slavophilism, its nostalgia for a mythical before-Petrine period, he simply dismisses as lamentations over the lost boyar privileges of the nobility, now living off the vanished glory and clinging to a few faded titles" [Joseph Frank 1986: 195]. Furthermore, attitudes towards literature and the intelligentsia defined great differences between Dostoevsky and the Slavophiles. Therefore, after his return from exile in Siberia, Dostoevsky intended to create a new trend — fundamentalism. Together with Apollo Grigoriev, he announced the creation of the newspaper *Vremya*, which was to replace Westernism and Slavophilism and put Russia on the "Third Way".

The Literary Debate Between Dostoevsky and I. S. Aksakov

From 1861, Dostoevsky engaged in a full-scale polemic with various ideologies of the Russian literary scene to promote the ideas of fundamentalism. The Slavophile newspaper *Den'*, created at the same time, naturally came into Dostoevsky's vision. To clarify his disagreement with Slavophile ideas, Dostoevsky twice expressed his views on articles by I. S. Aksakov, the editor-in-chief of *Den'*.

In the first issue of *Den'* I. S. Aksakov published an article entitled *Return to the Nation's Life through Self-Consciousness*, in which he tried to prove that the present Russian literature (mostly created by Westernism writers) was a deception of the nation and full of lies. The false literature was not

only distant from the nation, but also contained Westernism theories and ideologies while ignoring the plight of the Russian people: “...lies in literature, suffering from diseases and indifferent to national sorrows” [Aksakov I. 2008: 170]. For I. S. Aksakov, this literature with its naturalistic perspective is a scathing condemnation of the character of the people. It exaggerates the darker sides of national life, promotes decadent Westernism ideas, portrays depraved characters and becomes a lie in literature because of its excessive condemnation. The culprits of the literary lie were Westernism intellectuals who played with fanciful Westernism political theories, viciously ridiculing and censuring their own nation. “The lie is in the censure of our Narodnost’, not by fervent love, but due to wickedness, instinctively hostile to all the sanctity of honor and duty” [Aksakov I. S. 2008: 170]

Differently from Slavophilism, Westernism sought to expose social reality, focus on sensitive themes and express its political ideas through literary works to awaken revolutionary sentiments in the people. Thus, Westernism often emphasized tendency in literature, while Slavophiles resolutely rejected tendency. In literature, Slavophiles wanted to see idyllic village life, harmonious patriarchal families and pious Orthodox believers, rather than violence and revolution. The Slavophiles emphasized that “Russian literature has eternal value in fully expressing the spirit of Russian national culture. The significance of national literature lies in its being a reliable reflection of national life and the spirit of the people” [Ji Mingju: 145]. The naturalistic methods overused by the Westerners succeeded in provoking the revolt. This result contradicted the Slavophiles’ moderate improvement. The Slavophiles therefore constantly monitored the Westernism literary tendencies and tried to replace them with a positive element. He was displeased with I. S. Aksakov’s total rejection of the literature of the Natural School and the Westernism intellectuals, and he promptly published two articles, “The Last Literary Phenomena of Den’” and “Two Camps of Theorists on Den’ and Some Other Things” in order to contradict I. S. Aksakov.

Dostoevsky differed greatly from I. S. Aksakov in his attitude to the Natural School. Dostoevsky always had a realist view of art and literature, both in his literary work and in his literary criticism. He believed that ideals of art and realistic aesthetics always corresponded to each other: “And the main thing is that art is always in the highest degree true to reality — its deviations are transient; it is not only always true to reality, but it cannot be false to contemporary reality” [Dostoevsky 18: 101]. Dostoevsky claimed that Rus-

sian literature not only did not deceive the nation, but also shouldered the burden of exposing lies and self-defeating lies. The Slavophiles, on the other hand, mistook reality for a lie and regarded the legends of the before-Petrine period as reality. Dostoevsky's attitude to literature was more tolerant and he expressed an ideological view of realism, condemning the Slavophile method of creativity and criticism. It is possible to say Dostoevsky's understanding of reality was higher than the Brothers Aksakov's. However, Dostoevsky seems to have seen the two brothers' dissatisfaction with literature, not understanding the positive role of the Slavophiles in the revival of national culture and the transmission of positive ideals in literature, which reflects a certain prejudice in Dostoevsky's polemical thought.

Dostoevsky also refutes the opinion of I. S. Aksakov that literature is full of lies and hypocrisy. Dostoevsky accused this view of being extreme: "If there is a lie, if there has been one, then our literature, over the decades, has almost entirely denied this lie, not admitted" [Dostoevsky 19: 60]. According to Dostoevsky, there was no malignant condemnation of the national character in literature. I. S. Aksakov's rejection of condemnation in literature reflects that "Slavophile critics are unwilling to understand modern literature" [Kunilitsky 2013: 84]. N. N. Strakhov, also a critic of fundamentalism, explains the inevitability of self-condemnation in his journalistic essay *The Poverty of Our Literature*: "Self-satisfied and self-praise are unbearable for us, on the contrary, it is a pleasant pastime for us to punish ourselves in every possible way, to give ourselves no mercy, to apply to ourselves the highest demands" [Strakhov 1984: 45]. The present literary trend in Russia, according to Dostoevsky, is the self-condemnation of the nation by writers. Dostoevsky considered the literature of condemnation to be noble literature, and this kind of literature can only be heart-shaking if it condemns the present condition of society. Finally, Dostoevsky and I. S. Aksakov had different attitudes towards the intellectuals. According to I. S. Aksakov: the Westernism intellectuals were Russian troublemakers and creators of literary lies. Dostoevsky partly agreed with him, using the image of Nechaev in *Demons* to satirize the Westerners and their disconnection from the mainstream: "Dostoevsky's charge to the Westerners of the *Demons* lies above all in their detachment from the mainstream of their own nation. A generation that lost its cultural roots, religious traditions and the moral character of its homeland has finally bred demons which harm the nation" [Liu Wenfei: 303]. However, he believed that I. S. Aksakov's attacks on Westernism intellectuals are based on a stubborn attitude rather than on a

clearly conscious of the limitations of Westernism. Researcher Wan Haisong of the Institute of Foreign Languages of the Chinese Academy of Social Sciences agrees with this view, “the new generation of Slavophiles, led by I. S. Aksakov, after more or less careful research, but in their theoretical development has made few significant intellectual advances, and their perspective is still limited to the framework established by the older Slavophiles” [Wan Haisong: 105]. Dostoevsky observed that both Slavophiles and Westerners were obsessed with their own ideas and blindly hostile to the other’s theory. Therefore, he resolved to love and pity all intellectuals, urging them to return to the mainstream and unite at the feet of Christ.

As scholar Y. I. Zakiev said, “He (Dostoevsky. — L. Y.) did not hate the intellectuals, he only wanted to re-educate them in a nationalistic way” [Zakiev: 53]. A return to the mainstream was identified by Dostoevsky as the only possible way. Dostoevsky was not alone in striving for a return to the mainstream. N. N. Strakhov also called for reconciliation with the Westernism intellectuals: “I have known this world for a long time, since 1845, when I went to university. Petersburg people with their mind as well as their heart and seminary spirit, which gave us Chernyshevsky, Antonovich, Dobrolyubov, Blagosvetlov, Eliseyev, etc., the main preachers of Westernism. — I know all of them intimately, I have seen their development, I have followed the literary movement, I have ventured into this arena myself, etc.” [Strakhov 2003: 606]. The fundamentalist’s appeal for reconciliation was relevant to the social needs of the time. After more than 40 years of disagreement and polemics, Slavophiles and Westerners were deeply exhausted, and the terror of the Narodniks had brought Russian society to a stalemate. In this oppressive atmosphere, Dostoevsky believed that the intellectuals needed to return to the mainstream and choose reconciliation.

Dostoevsky continued to call for reconciliation until the 1880s. The Pushkin Speech in 1880 elevated Dostoevsky to the pinnacle of fame, and he made a strong appeal at the celebration for the reconciliation of Slavophiles and Westerners, for the reconciliation of all mankind. As V. V. Zenkovsky said: “Dostoevsky struggled passionately against modern ‘seclusion’ and ‘isolation’ and called for ‘human commonality’, for genuine brotherhood, for overcoming national egoisms, all his life he dreamed of reconciling all peoples” [Zenkovsky: 227]. Dostoevsky regarded Slavophilism and Westernism intellectuals with the same fraternal and humanistic spirit with which he had always regarded the entire nation and humanity.

The Literary Collaboration Between Dostoevsky and I. S. Aksakov

Pushkin's celebration in 1880 was a cultural sensation in Russia, bringing together leading writers, playwrights, publishers, critics, journalists, scientists, actors, artists and musicians; Conservatives, Slavophiles, fundamentalists, Westerners and Narodniks. M. N. Katkov, I. S. Aksakov, N. N. Strakhov, I. S. Turgenev and G. I. Uspensky were present. The celebration was called by I. S. Aksakov: "a true event in the historical development of Russian society. — A great act of our people's self-consciousness, a new era, a turning point for our younger generations..." [Aksakov I. 1891: 91]. The influence of the celebration was felt far into the future: Pushkin's allure and the participation of many stellar writers were only superficial factors; the ideological struggle between Conservatives and Westerners, Slavophiles and Westerners, is the real reason why the celebration has such an impact. The Russian writer V. O. Mikhnevich, who was present, said: "It was not at all about Turgenev and Dostoevsky or their readings, not even about Pushkin, but about the idea which they all became an expression to the public and about those unspoken, but clearly — more clearly than ever — felt intellectual's aspirations which were in the atmosphere of Pushkin's celebrations and formed the living soul of the event that we lived through" [Levitt: 9]. Thus, Pushkin's celebration was not only a ceremony to unveil a sculpture of Pushkin but also an ideological arena for intellectuals of different trends.

The winner of this struggle, Dostoevsky, shone with his infectious speech and won the palm award. In his speech Dostoevsky endowed Pushkin with the value of all mankind and sought to make all Russian people, Slavophiles and Westerners, unite as a community of destiny at the feet of Christ. Dostoevsky, satisfied with the effect of his speech, wrote in a letter to his wife: "A cloud was encircling the horizon, and here the word of Dostoevsky, like the sun rises, dispelled everything, illuminated everything. From this time comes brotherhood and there will be no perplexity" [Dostoevsky 1988: 184–185]. Dostoevsky's triumph is recognized, G. I. Ouspensky, I. S. Aksakov and N. N. Strakhov give the same answer. As N. N. Strakhov recalled: "I. S. Aksakov had to speak to the public afterwards... But instead of starting his speech he suddenly announced from the pulpit that he would not speak. 'I cannot speak,' he said, 'after Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky's speech; everything I have written is only a weak variation on some of the themes of this genius speech" [Strakhov 1990: 513–514].

Such an ending is surprising, since I. S. Aksakov expressed his strong dislike for Dostoevsky and his *Vremya* in a letter to N. S. Sokhanskaya in the 1860s, during the polemics between *Den'* and *Vremya*: “This journal is a Slavophile in the most desperate way and berates us at every opportunity, saying that Slavophilism is obsolete and wants to create a theory about Russian *Narodnost'* — without faith and morality!” [Kunilitsky 2015: 88]. After the Pushkin memorial day, I. S. Aksakov recalled Dostoevsky’s speech: “He read it, read it masterly, such an excellent, original speech, which captures the question of *Narodnost'* even wider and deeper than my speech, not in the form of a logical exposition, but in vivid, realistic images, with the skill of a novelist, and the impression was truly amazing” [Aksakov I. 1891: 96]. Dostoevsky was surprised at the change in the attitude of this ex-enemy: “Aksakov came in and announced that he would not read his speech, because everything had been said and everything had been resolved by the great word of our genius — Dostoevsky” [Dostoevsky 1988: 185]. In fact, that I. S. Aksakov thought so highly of Dostoevsky and reconciled with him was directly connected with I. S. Turgenev and the Westernism he represented.

N. N. Strakhov commented on I. S. Turgenev’s role in this celebration: “It was now felt that the majority had chosen Turgenev as the signal on which all the accumulated enthusiasm could be poured out” [Strakhov 1984: 170]. The majority means a large number of intellectuals and students of Westernism. The purpose of Turgenev’s attendance was, according to Dostoevsky, to deprive Pushkin of the title of the national poet: “for the hostile party (Turgenev, Kovalevsky and almost the entire university) resolutely wants to belittle Pushkin as the exponent of Russian *Narodnost'* by denying *Narodnost'* itself” [Dostoevsky 1988: 169]. At that time I. S. Aksakov was not only the leader of Slavophiles, but also the defender of *Narodnost'*: “Opponent of them (Westerners. — *L. Y.*), from our side, is only Ivan Sergeevich Aksakov (Yuryev and others of no importance), but Ivan Aksakov is both obsolete and bored in Moscow” [Dostoevsky 30: 169]. Thus, to protect Pushkin’s reputation and *Narodnost'*, Dostoevsky hoped to unite with I. S. Aksakov against the Westernist slander of Pushkin.

I. S. Aksakov did not disappoint Dostoevsky. After Dostoevsky’s speech, I. S. Aksakov gave his lecture, despite his repeated refusal. At the beginning of his speech, I. S. Aksakov called Pushkin the first love of the Russian people. In his opinion, the first awakening of the Russian people occurred after reading Pushkin’s poetry, the *Narodnost'* in the poetry awakened the

self-consciousness of the slumbering Russian, and therefore Pushkin was a firm exponent of Russian Narodnost'. Although in Aksakov's early years, like the older Slavophiles, accepted the idea of praising Gogol and devaluing Pushkin, with the changes of the 1860s he gradually realized Pushkin's importance and accepted his status as a national poet. Dostoevsky's appreciation of Pushkin was even higher. He considered Pushkin to be the first who formed such an artistic image of Russian beauty: "This ability is entirely Russian and national, and Pushkin only shares it with all our people" [Dostoevsky 30: 131]. It was Pushkin who found the beauty of Russia from the ideas of the Russian people and showed the sensitive and perceptive character of the Russian. From Dostoevsky's point of view, Pushkin's most important talent is not the expression of the Narodnost' or the profound revelation of the beauty hidden in the hearts of the Russian people, but his empathy for all humanity. Dostoevsky saw in Pushkin's poetics common humanity. Pushkin was not only a Russian poet, but a poet of all mankind because of his ability to sympathize with other peoples in the world: "I just say that of all peoples, the Russians, with their hearts and talents, are probably the most adept at uniting all of humanity and being in solidarity with all of them" [Dostoevsky 30: 131].

I. S. Aksakov emphasized the connection of Pushkin's writing with the nation and Narodnost', while Dostoevsky stressed the issue of literature and religion, Narodnost' and universal humanity in his speech. Although each litterateur had a different focus, both sides had the same starting point — to protect Pushkin's reputation.

I. S. Turgenev drove out the Conservative representative M. N. Katkov before the start of the celebration to secure victory. But I. S. Turgenev did not anticipate the accession of Dostoevsky and I. S. Aksakov. As a typical moderate Westerner, I. S. Turgenev was prepared to admit Pushkin's linguistic talents, but refuse to admit the title of Pushkin's national poet and the Narodnost' in Pushkin's poetry: "In art, poetry and literature, only a weak nation, immature or still in a state of subjugation or oppression, would come up with the slogan of Narodnost'... Thank God, Russia is not in such a position ..." [Turgenev: 215]. I. S. Turgenev doubted whether Pushkin was a national poet: "In a word... But can we properly call Pushkin a national poet in the sense of worldwide significance (the two expressions often match), the way we call Shakespeare, Goethe, and Homer? Pushkin apparently did not succeed in reaching it" [Turgenev: 217]. I. S. Turgenev's

rejection of Pushkin's title of national poet and the concept of Narodnost' was due to his own reasons. Based on Westerner's conception, Narodnost' contradicts common humanity. In order to actively integrate into Western European society, Russian Narodnost' had to be eliminated. For this reason, the denial of Narodnost' in Pushkin's writing was of particular importance to the Westerners. This act of I. S. Turgenev was clearly disapproved of by Dostoevsky and I. S. Aksakov. Believing that I. S. Turgenev had offended Pushkin, I. S. Aksakov refused to speak after I. S. Turgenev. Dostoevsky mentioned: "Today, due to clique, Ivan Aksakov refused to read his speech after Turgenev (in which he humiliated Pushkin by taking away from him the title of the national poet) during the morning reading of his speeches" [Dostoevsky 30: 182]. Although the process was turbulent, in the end, Slavophiles won: "Dostoevsky's success allowed Aksakov to describe the Pushkin celebration as a 'triumph' of the Russian trend" [Kunilitsky 2013: 133]. I. S. Aksakov exclaimed after the memorial day: "All in all, the celebration of our trend, represented by Dostoevsky, was perfect, while the speeches of the others could all be regarded as the nonsense ramblings of the 1840s" [Aksakov I. S. 1891: 97]. Dostoevsky's victory renewed the glory not only for himself but also for the Slavophiles. Amidst a climate of Westernism and Narodnik's ideology as well as Conservative dependence on the government to suppress intellectuals, Slavophiles once again returned to the public eye and breathed new air into the climate of opinion. N. N. Strakhov evaluated the end of the celebration: "Slavophiles should have recognized our poet as a great expresser of the Russian spirit, and Westerners, although praising Pushkin, have to confess that they had not seen all his worth" [Strakhov 1984: 176].

For the fundamentalists, the truth of Russia is not on the side of the Slavophiles alone, or the side of the Westerners. To achieve truth, it is necessary to reconcile both sides, as well as the whole nation, all of humanity. It was Dostoevsky's Orthodox fraternal ideas and his relentless pursuit of humanism that brought him the palm award.

Conclusion

The tortuous relationship between Dostoevsky and the Brothers Aksakov lasted for more than 40 years. It is easy to notice that creative style and ideological trends were a constant source of disagreement between them. In the early years, Dostoevsky chose naturalism, trying to reflect the plight of the

nation and arouse the concern of all classes, while the romanticist K. S. Aksakov could not accept such a straightforward denunciation and opposed it; twenty years later, Dostoevsky chose to advocate Westernism literature with a condemnatory tendency, which was again rejected by I. S. Aksakov; it was not until the 1880s that I. S. Aksakov gradually broke away from the profoundly Slavophile influence and made his own theoretical progress, coming to terms with Dostoevsky's artistic ideas. The Brothers Aksakov chose to reject the Naturalists because of their Slavophile ideology; for them, the nobility of national life and the greatness of the national spirit could not be tainted. Dostoevsky also believed in Slavophile thought, but he was more progressive. In the Russian national mainstream, Dostoevsky developed and deepened the ideals of Fundamentalism in the second half of the nineteenth century.

Список литературы

Источники

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.

Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. Ч. 1. 466 с.

Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России. М.: РОССПЭН, 2002. 1008 с.

Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. 640 с.

Аксаков И. С. Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. № 5. С. 90–99.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полн. собр. переписки: в 2 т. М.: Гос. музей Л. Н. Толстого, Группа славянских исследований при Оттавском университете, 2003. Т. 2. 1080 с.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. Т. 3. XII. 746 с.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 432 с.

Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1990. С. 513–514.

Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1956. Т. 11. 572 с.

Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004. 304 с.

Исследования

Дмитриев А. П. К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф. М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 1. С. 154–167. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-154-167>

Закиев Ю. И. Славянофилы и Ф. М. Достоевский // Аксаковские чтения: духовное и литературное наследие семьи Аксаковых. Уфа: Изд-во Башкирского ин-та развития образования, 2001. С. 51–53.

Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: Критика Европейской культуры у русских мыслителей. Париж, YMCA-PRESS, 1955. 283 с.

Кунильцкий Д. А. Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 152 с.

Кунильцкий Д. А. Славянофилы и «Время»: к истории запрещения журнала // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 6. С. 87–90.

Левитт Маркус Ч. Литература и политика: пушкинский праздник 1880 года. СПб.: Академический проект, 1994. 263 с.

Фетисенко О. Л. «Истина-живая сила»: братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 г. // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 232–252.

Frank Joseph. Dostoevsky. The Seeds of Revolt (1821–1849). Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1976. 401 p.

Frank Joseph. Dostoevsky. The Stir of Liberation (1860–1865). Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1986. 395 p.

Ji Mingju. Slavophilistic Literary Theory and Cultural Criticism. Beijing: China Society Press, 2015. 251 p.

Liu Wenfei. The Slavophiles' Position in Dostoevsky's Demons. Chinese and Foreign Culture and Literature, 12th series. Sichuan: Sichuan University Press, 2005. P. 288–305.

Wan Haisong. Discussion of the Fundamentalism as the “Third Way”: Focusing on Fyodor Dostoevsky // Russian East European and Central Asian Studies. 2018. № 3. P. 94–107.

References

Dmitriev, A. P. “K otsenke ‘Bednykh liudei’ i ‘Dvoinka’ F. M. Dostoevskogo v sem’e Aksakovykh (po perepiske V. S. Aksakovi i M. G. Kartashevskoi)” [“On the Assessment of ‘Poor People’ and ‘Double’ by F. M. Dostoevsky in the Aksakov Family (According to V. S. Aksakova and M. G. Kartashevskaya)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 1, 2020, pp. 154–167. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-1-154-167> (In Russ.)

Zakiev, Iu. I. “Slavianofily i F. M. Dostoevskii” [“Slavophiles and F. M. Dostoevsky”]. *Aksakovskie chteniia: dukhovnoe i literaturnoe nasledie sem’i Aksakovykh [Aksakov Readings: the Spiritual and Literary Heritage of the Aksakov Family]*. Ufa, Bashkir Institute for the Development of Education Publ., 2001, pp. 51–53. (In Russ.)

Zen’kovskii, V. V. *Russkie mysliteli i Evropa: Kritika Evropeiskoi kul’tury u russkikh myslitelei [Russian Thinkers and Europe: Criticism of European Culture among Russian Thinkers]*. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1955. 283 p. (In Russ.)

Kunil’tskii, D. A. *Dostoevskii i bra’ia Aksakovy: spor o russkoi literature [Dostoevsky and the Aksakov Brothers: a Dispute about Russian Literature]*. Petrizavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 152 p. (In Russ.)

Kunil’tskii, D. A. “Slavianofily i ‘Vremia’: k istorii zapreshcheniia zhurnala” [“Slavophiles and ‘Vremya’: on the History of the Magazine’s Prohibition”]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, 2015, pp. 87–90. (In Russ.)

Levitt, Markus Ch. *Literatura i politika: pushkinskii prazdnik 1880 goda [Literature and Politics: Pushkin’s Holiday in 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 263 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “‘Istina-zhivaia sila’: bra’ia Aksakovy i Kokhanovskaia (N. S. Sokhanskaia) v 1860 g.” [“‘Truth is a Living Force’: Brothers Aksakov and Kokhanovskaya (N. S. Sokhanskaya) in 1860”]. *Khristianskoe chtenie*, no. 3, 2017, pp. 232–252. (In Russ.)

Frank, Joseph. *Dostoevsky. The Seeds of Revolt (1821–1849)*. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1976. 401 p. (In English)

Frank, Joseph. *Dostoevsky. The Stir of Liberation (1860–1865)*. Princeton, N. J., Princeton University Press, 1986. 395 p. (In English)

Ji, Mingju. *Slavophilistic Literary Theory and Cultural criticism*. Beijing, China Society Press, 2015. 251 p. (In English)

Liu, Wenfei. “The Slavophiles’ Position in Dostoevsky’s Demons.” *Chinese and foreign culture and literature, 12th series*. Sichuan, Sichuan University Press, 2005, pp. 288–305. (In English)

Wan, Haisong. “Discussion of the Fundamentalism as the ‘Third Way’: Focusing on Fyodor Dostoevsky.” *Russian East European and Central Asian Studies*, no. 3, 2018, pp. 94–107. (In English)

© 2022. М. С. Федосеева
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С. В. Максимова

Аннотация: Статья посвящена путешествию писателя-этнографа С. В. Максимова по Владимирской губернии, состоявшемуся летом 1855 г. в ходе его первой большой экспедиции — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям. Несмотря на то, что впечатления Максимова не сразу были отрефлексированы и сложились в оформленный текст, они оказали значительное влияние на творчество писателя. Сопоставление впервые публикуемой архивной рукописи Максимова, посвященной промыслам Судогодского уезда, и книг «На Востоке» (1864), «Сибирь и каторга» (раздел «Тюремный словарь») (1871), «Бродячая Русь Христа-ради» (1877), «Крылатые слова. Непроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится» (1899), а также привлечение источников, которыми пользовался Максимов, демонстрируют особенности творческой лаборатории писателя, превращение фактографического материала в художественный текст. Исследование результатов путешествия Максимова позволяет говорить о значительной роли поездки как для творчества писателя (в части накопления материала, к которому он будет неоднократно обращаться, формирования принципов писательской и этнографической работы), так и для краеведения Владимирского края.

Ключевые слова: С. В. Максимов, Владимирская губерния, Судогда, этнография, промыслы, офени, путешествие.

Информация об авторе: Мария Сергеевна Федосеева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.07.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 20.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Федосеева М. С. Экспедиция во Владимирскую губернию 1855 г. в творческой биографии С. В. Максимова // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 72–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Maria S. Fedoseeva**
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S. V. Maksimov

Abstract: The article is devoted to the journey of the writer-ethnographer S. V. Maksimov in the Vladimir province, which took place in the summer of 1855 during his first large expedition — in the Vladimir, Nizhny Novgorod and Vyatka provinces. Despite the fact that Maximov's impressions were not immediately reflected and formed into a framed text, they had a significant impact on the writer's work. Comparison of the first published archival manuscript of Maximov, dedicated to the crafts of Sudogodsky district, and the books "In the East" (1864), "Siberia and penal servitude" (section "Prison Dictionary") (1871), "Wandering Russia for Christ's Sake" (1877), "Winged Words. It is not for nothing and not for nothing that the word is said and will not break until the century" (1899), as well as the involvement of sources used by Maximov, demonstrates the features of the writer's creative laboratory, the transformation of factual material into an artistic text. The study of the results of Maksimov's journey allows to speak about the significant role of the trip both for Maksimov's creativity (in terms of the accumulation of material to which he will repeatedly refer, the formation of the principles of writing and ethnographic work, etc.) and for the local history of the Vladimir Region.

Keywords: S. V. Maksimov, Vladimir province, Sudogda, ethnography, crafts, ofen, travel.

Information about the author: Maria S. Fedoseeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6051-3949>

E-mail: makanja@list.ru

Received: July 29, 2022

Approved after reviewing: September 20, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Fedoseeva, M. S. "Expedition to the Vladimir Province 1855 in the Creative Biography of S. V. Maksimov." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 72–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-72-101>

Обстоятельства ряда экспедиций писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова хорошо известны, будучи задокументированными в художественных текстах и воспоминаниях. Другие путешествия, предпринятые Максимовым, будто «растворяются» в его жизненной и творческой биографии. Не подытоженные отдельной книгой, они, тем не менее, были закреплены в очерках и стали плодотворным материалом, необходимым для написания его больших обобщающих книг («Бродячая Русь Христа-ради», «Куль хлеба и его похождения», «Нечистая, неведомая и крестная сила», «Крылатые слова. Неспроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится»). К таким путешествиям Максимова можно отнести его последнюю поездку — в Северо-Западный край (1868)¹, а также первую экспедицию — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям.

Предыстория и обстоятельства первой экспедиции в общих чертах известны, они восстанавливаются по художественным и документальным источникам. Уроженец Костромской губернии Максимов в 1852 г., переехав в Петербург, поступил в медико-хирургическую академию, хотя его интересы лежали в области литературы и гуманитарных наук. В том же 1852 г. Максимов познакомился с журналистом А. В. Старчевским — редактором журнала «Библиотека для чтения». На страницах этого издания в январе 1854 г. состоялся литературный дебют Максимова: был напечатан очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Вслед за ним один за другим в 1854 г. были опубликованы очерки «Извозчик», «Швецы», «Маляр», «Сергач», тепло принятые и высоко оцененные читателями, среди которых были И. И. Панаев, И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский.

---

¹ Попытка соединения материалов об этом путешествии С. В. Максимова предпринята в книге: *Максимов С. В. Очерки о Белорусской земле*. См.: [Максимов 2018].

Ободренный Максимов решил целиком посвятить себя изучению народного быта и литературному труду, оставил учебу в академии и в мае 1855 г. [Максимов 1860: 220] отправился в свое первое литературно-этнографическое путешествие — по Владимирской, Нижегородской и Вятской губерниям.

Программа экспедиции предполагала, во-первых, написание для двенадцатитомного «Справочного энциклопедического словаря», издававшегося Старчевским, статьи о В. И. Дале и, в этих целях, встречу с ним в Нижнем Новгороде; во-вторых, изучение на Нижегородской ярмарке условий книжной торговли; в связи с этим Максимов планировал ближе познакомиться с офенями-книгоношами в их родных местах Владимирской губернии.

Энциклопедическая статья о Дале вышла в 1855 г. в Прибавлении (в 4 томе — приложении) к «Справочному словарю», очерк «Нижегородская ярмарка» — в октябрьской книжке «Библиотеки для чтения» [Щербакова 2002: 132–137]; очерк «Вотяки» — в 12 номере «Библиотеки для чтения» за 1855 г. Однако собственно «владимирские» впечатления Максимова, по всей видимости, оказались на этот период неотрафлексированными (Максимов вспоминал, что новые впечатления «в тот выход» были «остаточными» [Максимов 1908–1914. 5: 112]).

Между тем, впечатлений от первого путешествия, предпринятого по интересной самобытной местности, было много. «Теперь всего много в запасе, но кучей и бестолку», — писал Максимов Старчевскому 10 июля 1855 г. из Слободского, предполагая отложить написание текстов «до приезда, когда все уложится и переварится» [Письма: 29].

Первой опубликованной работой по результатам исследования Владимирского края стал очерк «В дороге. Из путевых записок», опубликованный в 1860 г. в журнале «Отечественные записки». В несколько переработанном виде он вошел в книгу «На востоке» (1864). Большое место в нем уделено офеням — торговцам вразнос.

Офенская торговля играла значительную роль в экономике дореволюционной России [Дубровский П.С., Дубровский С.П.: 104]. В годы расцвета она охватывала пространства от Европы до Дальнего Востока. Особенно многочисленны были офени во Владимирской губернии с ее сезонностью и неравномерностью крестьянского труда, а «обилие лиственных лесов (липа, дуб), наличие водных торговых путей (Ока, Клязьма, Теза и др.), <...> а главное религиозно-исторические особен-

ности формирования и становления Российского государства» [Дубровский: 40] создали благоприятные условия для появления здесь обширного иконописного промысла и соответствующей производству по масштабам торговли. Помимо иконного «обмена» офени осуществляли торговлю «красным товаром, сыром, каперсами, колбасами — всем тем, что успело залежаться и прогнить в московских лавках Ильинского ряда, всем тем, на что падок и помещик, и деревенская девка и баба, и сельский поп, в чем нуждается и богатый, и грамотный крестьянин, и щеголиха-попадья, и помещица, и волостная писарша, и почтальонша и проч.» [Максимов 1860: 220]. В их мешках и коробах можно было найти «сукна, плис и разные мелочные товары: серьги, кольца, пуговицы, помаду, духи и т. п., а также книги, которые при помощи их достигают иногда нескольких изданий: у любого офени вы непременно найдете сочинения: “Гуак, или непоколебимая верность”, “Битва русских с кабардинцами”, “о милорде английском” и “Анекдоты о Балакиреве”, которых у каждого наверно есть десятки экземпляров» [Офени Владимирской губернии: 115–116].

Для начинающего исследователя офени были очень притягательны: в силу своеобразия ремесла, быта и языка, достоверные сведения об этом явлении к середине XIX в. были немногочисленны¹, несмотря на распространенность и повсеместность офеней.

---

¹ Существует ряд публикаций об офенях и офенском языке, которые Максиму, судя по всему, не были известны. Это, например, «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» П. С. Палласа (СПб., 1790–1791; суздальское наречие), «Письма к другу» Федора Глинки (СПб., 1816), Труды Общества любителей Российской словесности (за 1820, 1822, 1828 гг.), «Опыт русского словонародного толковника» М. Макарова (1840-е гг.). К середине XIX в. увеличилось число публикаций об офенях и их языке, в частности, появились статьи Ф. Карпова «Особенности торгового быта и торгового языка в Угличе» (1843), Ф. Кисселя «История города Углича» (1844), Т. Боричевского «Искусственный офенский язык» (1850), в 1847 г. в Рязанских губернских ведомостях была напечатана подборка тайных слов рязанских нищих, сообщенных А. И. Пискаревым — «Офенские слова, употребляемые в разговорах рязанским простонародьем»; есть офенские слова и в «Опыте областного великорусского словаря» (сост. под руководством А. Х. Востокова, 1852). Подробный обзор публикаций об офенях и офенском языке см.: [Бондалетов: 2–24, 58, 234; Приемышева: 335–336].

В очерке «В дороге (Из путевых записок)» Максимов упоминает «какие-то из номеров “Владимирских губернских ведомостей”» [Максимов 1860: 220], которые офенскому материалу «еще меньшее количество слов уделили». Ко времени поездки Максимова на Владимирщину в этом издании, не считая незначительных упоминаний, вышли две специальные статьи об офенях: «Офени» в № 6 от 8 февраля 1847 г. (с. 25–27) и «Офени Владимирской губернии» в рубрике «Материалы для статистики и этнографии» части неофициальной «Ведомостей» от 9 апреля 1855 г. (с. 113–121). Автором этих публикаций был Константин Никитич Тихонравов (1822–1879) — видный исследователь Владимирской губернии, редактор (с 1853 г.) неофициальной части «Ведомостей».

Очерк 1847 г. имеет ряд пояснительных подзаголовков, отражающих его содержание («Происхождение Офень вообще. Офени Владимирской губернии, начало торговли их, развитие и упадок. Нынешняя торговля их, Дуван, домашняя жизнь Офень и искусственный язык их»), примечание «По материалам И.Г. Дунаева¹» и словарик из 115 русских слов, которым подобраны офенские соответствия. Статья 1855 г. [Офени Владимирской губернии: 113–121]² отчасти повторяет статью 1847 г., однако она значительно больше по объему, глубже по содержанию (в частности, содержит обширный экскурс в историю торговли на Руси и сведения о происхождении офеней, привлекает исторические документы), а офенский словарь включает уже 260 слов.

Максимов активно пользовался материалами данных статей³ — сведениями о самоназвании офеней («масыки» или «мазыки»), о причинах их появления, об истории промысла, в частности, о крупных торговых домах Дунаева, Синильникова и Юсова. Так, упоминание в статье 1847 г. о том, что «в самом цветущем состоянии офенская торговля находилась до 1820 года, но с этого времени она начала постепенно упадать, потому что крестьяне-капиталисты записались большею частью

---

¹ Городской голова Коврова, который был связан с офенской торговлей и хорошо осведомлен о языке и быте офеней.

² Статья повторяет статью «Офени Владимирской губернии», напечатанную в «Журнале Министерства внутренних дел» (1854. Ч. 9. С. 104–119).

³ Отметим, что вычленить собственноручно собранные Максимовым и «вычитанные» сведения о быте и языке офеней представляется затруднительным.

в купечество и переселились на житье в разные губернии» [Офени: 25], переключается с беседой максимовских героев очерка «В дороге (Из путевых заметок)»: «У Дунаевых, сказывают, офенские артели десятков до двух доходили; и где-где работники ихние не таскались! Потом ведь уж вас на место-то усадили да велели к городам приписываться и торговать там, где указ застал» [Максимов 1860: 229] (речь идет о гильдейской реформе Е. Ф. Канкрина 1824 г., после которой торговавшие крестьяне стали активно записываться в оседлое купечество). Географическая привязка к «Вязниковскому, Ковровскому и частью Шуйскому уездам Владимирской губернии» [Офени Владимирской губернии: 113] могла, во-первых, сформировать маршрут Максимова, а также войти, например, в такой его текст: «Селениями своими они [офени] преимущественно группируются в Вязниковском и Ковровском уездах Владимирской губернии, очень мало их в Шуйском, почти нет в Гороховецком и положительно нет в Суздальском» [Максимов 1860: 220]. Фрагмент статьи 1855 г.: «Почва земли в том краю большею частью болотистая и песчаная, а потому неудобная для хлебопашества, естественно побудила жителей Шуйской и Холуйской волостей искать для себя и семейств своих пропитания на чужбине и заставила их заняться, при недостатке капиталов, ходебщинскою-офенскою торговлею» [Офени Владимирской губернии: 114] мог, будучи художественно переработан, воплотиться в следующем фрагменте очерка «В дороге (Из путевых записок)»: «Печальный, сиротливый вид дороги и окрестной местности <...> Все-то здесь песок, все-то одно божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю <...> Не сеют совсем почти. <...> Много мест на святой Руси видел я, а таких печальных, таких горемычных, Богом обиженных не видывал. <...> все болота, все зыбуны, все заводи. <...> Оттого народ и ходит в чужие люди, что дома жить нельзя: ничего ты с нашей горемычной землей не поделаешь, хоть зубами ты ее борони да слезами своими поливай. Так-то!» [Максимов 1860: 227–228] (ср. почти буквальные повторы в книге «Бродячая Русь Христа-ради»: «Под всеми и повсюду лежит земля комлем и ничего не родит, кроме песчаного червя и ни к чему непригодного, отшибающего от листьев камфарным запахом божьего дерева (*artemisia abrotanum*) [попыни] <...> земля наотрез отказалась кормить. Стала почва бесплодною, малопроизводительною. Куда ни посмотришь — песок да камни» [Максимов 1908–1914. 5: 174–175]).

Статья 1855 г. выражает определенное отношение к офенскому промыслу: «Нередко он берет за полтину то, что сбывает потом за рубль» [Офени Владимирской губернии: 116], которое не раз повторится в описании Максимовым «картавых проходимцев»¹ офеней. Характерно, что офенский язык в «Тюремном словаре» Максимова примыкает к тайным языкам других групп, прикрывающим «преступные замыслы и преимущественно мошенничество» [Максимов 2002: 445].

Из известных Максимову публикаций, которыми он пользовался при изучении офеней и написании своих текстов («В дороге (Из путевых заметок)» и «На Востоке», «Тюремный словарь»), назовем также статью И. И. Срезневского «Афинский язык в России» [Срезневский]. Срезневский серьезно работал над этой темой, в составленном им, но неопубликованном русско-офенском словаре содержалось 579 русских слов и соответствующих им 1053 офенских, в упомянутую статью же вошло 249 офенских слов и словосочетаний [Приемышева: 338–339], а также размышления о природе и происхождении офенского языка (они были продолжены в более поздней статье «Мысли об истории русского языка» (1849)). Также можно с уверенностью говорить о том, что Максимов был хорошо знаком со статьей В. И. Даля «О наречиях великорусского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук» (1852). Материалы этой статьи Максимов использовал (вплоть до буквального сходства текстов) в очерке «Нижегородская ярмарка» (1855) [Щербакова 1997: 110, 111]. Также очевидно влияние статьи Даля на описания владимирского говора в очерке «В дороге (Из путевых заметок)», книге Максимова «Бродячая Русь Христа-ради». Так, наблюдения Даля «в Судогде много старинных и особенных слов — хотя она населена поздно, — например, листопад — октябрь, густарь — август; неточию, не толико, пажить — ярый, вопить, мышлявый (хитрый), огуряться, пудкий (робкий) и проч. Затем, цокают², чвакают и даже местами дзекают, а вместо щ произносят двойное шш» [Даль: 55], «в двух <...> губерниях, Владимирской и Нижегородской,

---

¹ В очерке «Булыня»: «владимирские картавые проходимцы»; в «Тюремном словаре»: «картавые проходимцы офени»; в книге «Бродячая Русь Христа-ради»: «всесветные проходимцы, картавые торговцы — офени».

² Ср. также: «Это владимирское наречие, с легким цоканьем» [Даль: 57].

на весьма ограниченной местности, к цоканью и чавканью присоединяется род дзеканья» [Даль: 53–54] нашли отражение в следующих текстах Максимова: «разговор его был резко отличен от обыкновенного и не всегда понятен по множеству новых слов. <...> Я их записал тогда и теперь помню <...> “припоромить” (приютить). <...> бажает (жаждет), и кружку с квасом назвал “ручкой”: заведай (покушай, отведай), Трухни солью-то! <...> “непыратый” (худой), “незагнойчивый” (ласковый) <...> “пудок” (робок) <...> Это был один из судогодских лесовиков, которые и пастбища до сих пор зовут “пажитями” и вместо посетить говорит “назрит”, вместо толстый — “дебелый”, вместо горячий — “ярый” — словом еще продовольствуются многими старинными оборотами и словами из глубокой древности» («Бродячая Русь Христа-ради») [Максимов 1908–1914. 5: 113–114]; «судогодские всегда, сверх того, приметны, потому что в разговорах, в отмену прочим, прицокивают и приздекивают» [Максимов 1908–1914. 5: 201], «“опять мужицек пойци хоцет” на такой же промысел и сам “отец не сышшет”, куда забрался сын, и “где его найци не ведать” (говоря их же своеобразным наречием)» [Максимов 1908–1914. 5: 217]. К материалам Даля и своим наблюдениям над офенским языком и речью Максимов вернется позже, в книге «Сибирь и каторга», в очерке «Тюремный словарь и искусственные байковые, ламанские и кантюжные языки». Там он, в частности, сделает попытку проследить связи между этими языками и объяснить лингвистические явления историческими процессами — например, существование отверницкой речи он объясняет привлечением Потемкиным-Таврическим в дарованные ему в Белоруссии земли (Кричев, Дубровну, Усвят в Витебской губернии) «русских людей в виде ремесленников и торговцев»: первые принесли сюда ремесла и промыслы, среди вторых были офени, «которые ходили сюда торговать и, при поощрениях владельцев, оседали с большою охотою» [Максимов 2002: 462].

Надо отметить, однако, что в ряде вопросов мнения Максимова и Даля расходились: так, в отличие от Даля, который полагал, что офенский язык «далеко не полон и ограничивается нужнейшим в быту ходебщиков» [Даль: 58], Максимов позже (в «Тюремном словаре») писал об «известного рода оконченности и богатстве» [Максимов 2002: 467] офенского языка, по крайней мере, по сравнению с другими искусственными языками.

Личное знакомство Максимова с Далем состоялось в Нижнем Новгороде летом (скорее всего, в начале августа) 1855 г. Интересно, что в это время Даль довольно плотно занимался офенской темой. В начале 1854 г. к Далю — он на тот момент (с 1849 г. по 1859 г.) занимал должность управляющего удельной конторой в Нижнем Новгороде и активно занимался составлением Толкового словаря — обращается министр уделов и управляющий кабинетом Его Величества, глава учрежденного в 1853 г. при Министерстве внутренних дел Российской империи Особого секретного комитета граф Л. А. Перовский с просьбой составить словарь «искусственного» языка офеней, который «может иметь интерес не только этнографический, но и правительственный, потому что на офенском языке производится часто переписка наших раскольников» (официальное письмо от 9 января 1854 г.) [Бондалетов: 27]. Далю сообщалось главное местопребывание офеней — юго-восточные уезды Владимирской губернии. Даль охотно взялся за дело, тем более что в его арсенале уже были некоторые запасы офенской лексики: так, в своей известной статье «О наречиях русского языка» (опубл. в «Вестнике Императорского Русского Географического Общества», 1852. Ч. 6, кн. 1, отд. IV) в разделе «О языках искусственных» он приводил «образчик» речи владимирских офеней¹. Чтобы словарь был полнее, Даль запросил материалы из мест, где проживали офени — Владимирской, Костромской, Калужской губерний. К концу 1854 г. офенско-русский словарь был готов; в начале 1855 г. был завершен и обратный — «Русско-офенский словарь» [Бондалетов: 4–32]. Словари включают более 5 тысяч слов. Однако они не заинтересовали правительство, поскольку практически не содержали религиозной лексики. Более того, Даль указывал, что слово «офени» является производным от слова «офест», то есть крест, а сами офени поэтому даже по имени своему — христиане [Даль: 58–59]. Данного вопроса Максимов коснется в предисловии к «Тюремному словарю»: «На языке офеней переписывались белокрыничские (австрийские) раскольники с московскими и вообще живущими внутри Империи» [Максимов 2002: 477].

Для нас история создания Далем офенских словарей интересна тем, что проливает свет на отношение офеней к Максиму как к возмож-

---

¹ Даль приводит текст и перевод из «Трудов Общества любителей российской словесности» за 1822 г.

ному «сыщику-фискалу» [Максимов 1860: 240]: подозрения, выведенные писателем в очерке «В дороге» (и в книге «На Востоке»), в этом свете представляются небеспочвенными.

Можно предположить, что в ходе личной беседы Даль и Максимов могли коснуться офенской темы, интересной и актуальной для обоих. Даль мог поделиться своими материалами и наработками, в том числе и в области офенского словаря.

Однако многие слова офенского языка, которые приводит Максимов, не совпадают с прописанными в указанных публикациях. Очевидно, писатель пользовался собственными записями. По его утверждению, более тысячи слов было записано им в Холуе [Максимов 1860: 233]. Это был центр иконописного промысла, в разных этапах которого были заняты все жители. Поскольку промысел ориентировался на ремесленное производство дешевых икон (в отличие от промысла «других, богатейших сел Мстеры и Палеха», где он позже побывал), окрестности Холуя были заселены «исключительно одними офенями» [Максимов 1860: 223], поскольку иконописный и офенский промыслы были тесно сопряжены. Этнограф И. Пантюхов в описании селения Холуй в 1870-е гг. пишет: «Хотя в списке населенных мест Владимирской губернии число офеней показано всего 5000, но, по обеим сторонам дороги от Вязников через Мстеру, Холуй до Палеха, на протяжении 75 верст живут офени. Из 545 населенных мест Вязниковского уезда, по крайней мере, в 200-х большая часть взрослого мужского населения занимаются торговлею» [Пантюхов: 87]. В Холуе Максимов прожил две недели в ожидании Тихвинской ярмарки (начиналась 26 июня (9 июля по новому стилю)), на которой мелкие офени оптом закупались товаром на сезон. В течение этого времени Максимов собрал много сведений об иконописном промысле, быте холуйцев, которые позже опубликовал в очерке «В дороге (Из путевых записок)». Много сведений он собрал от офени-хозяйчика, с которым познакомился на базаре и от которого, в обмен на хмельное угощение, «писалось уж слов за тысячу» [Максимов 1860: 233]; также, от скуки, он «повадился ходить на мельницу <...> где молодой парень мельник <...> охотливо за штоф пива сказывал офенские слова новые и исправлял *прежде пойманные и записанные* (курсив мой. — М. Ф.)» [Максимов 1890: 375]. Эти ремарки говорят о том, что на момент пребывания в Холуе (июнь) Максимовым уже был собран (скорее всего, в купе с вычитанным в литературе) значительный корпус офенских слов.

М. И. Щербаковой установлено, что большой корпус офенских слов и их значений был записан Максимовым в июне 1855 г. в селе Ландех [Щербакова 1997: 37–38] (уточним — Нижний Ландех): «адрес» записи сохранился в первой журнальной публикации отрывка — в «Отечественных записках» (1860, кн. VIII, с. 238 и 246)¹, а в последующих публикациях «по причинам, понятным из содержания рассказа, село окazyвалось безымянным» [Щербакова 1997: 38]. Пешком придя из Холуя в Ландех, Максимов пробыл там 8 дней и добыл такие сведения о быте и языке, которых он «не мог доспроситься в трезвые минуты и никогда бы не добыл их прямым путем» [Максимов 1860: 237]. Дело в том, что время экспедиции — «три вакационных месяца» по «отпускному билету от медико-хирургической академии» [Максимов 1860: 240] — было выбрано удачно²: Максимов застал возвращение офеней в родные места «на побывку», в частности, праздник «дуван», связанный с расплатой хозяина с работавшими на него офенями, а также увидел Нижегородскую (Макарьевскую) ярмарку, на которой жизнь офеней была завязана: «Прогостишь-то ты, чай, до макарьевской ярмарки, а там тебе велено в Нижний ехать, товары принять да к везти их на место, к хозяину» [Максимов 1860: 227], — говорит офене ямщик в очерке «В дороге (Из путевых заметок)»; «Теперь офени, перед Нижегородской ярмаркой, домой поплелись <...> Расчет получили — им весело» [Максимов 1890: 375], — будто бы вторит ему мельник в книге «Крылатые слова» (очерк «Песни играть»); «взянниковец — мелкий офеня в дальнем городе, <...> во все лето <...> только шатается по соседям и пирует с досужими и охочими до начала нижегородской ярмарки. Здесь он заручается у хозяина новым товаром и едет на свое место

¹ «... налетело темное, дождливое облачко, которому суждено было омрачить ясный горизонт моей жизни в Ландехе» (с. 238), «На другой день, на ранней заре, я выбрался из Ландеха <...> околицей Ландеха <...> попал мне один из моих знакомых офеней» (с. 246).

² Возможно, не без влияния статьи Тихонравова «Офени», где сообщалось, что офени «каждый год на Нижегородской и Холуйской ярмарках, а частью и в Москве закупают первоначально товары, а с 20 августа по 10 сентября начинают отправляться из домов своих в Малороссию, польские и западные губернии и в самые отдаленные края Сибири, производя торг везде развозкою и разноскою по домам и на ярмарках, — а возвращаются домой к 1 мая и июня, последние, так называемые изо-стачи, приезжают к 1 июля» [Офени: 26].

опять года на три — на четыре», — говорит рассказчик в книге «Бродячая Русь Христа-ради» [Максимов 1908–1914. 5: 178].

Пробыв во Владимирской губернии немногим более месяца, Максимов от «вязниковцев (офеней и богомазов)» по нижегородской дороге через Пурех отправился к «бурлакам» (в Нижегородскую губернию) [Письма: 29]. Но начало дальнейшей работе над темой было положено. Писатель встретил офеней на Нижегородской ярмарке («на одном из постоянных дворов на нижнем базаре, потом в ресторациях на мосту и на песках» [Максимов 1860: 248]). Позже он наблюдал их в Москве на Ильинке, на Никольской — в книжных лавках, в проходных воротах у торговцев лубочными картинками и в ближайших с городом трактирах [Максимов 1860: 248]; об этих же офенях вспомнит Максимов в книге «Крылатые слова»: «“Петушками”, как известно, издавна принято называть в книжной торговле все те дешевые лубочные книжки, которые стаями нарождаются в Москве на Никольской улице и разносятся в коробах владимирскими офенями по всей деревенской России» («Четвертая правда. “У воскресенья в Кадашах”») [Максимов 1890: 122]. Офени встретятся ему в путешествии по Архангельской губернии — в Кеми и Мезени, в Пензенской, Тверской, Костромской, Вятской губерниях, в Сибири, на Кавказе, в Западном крае, а также в Петербурге [Максимов 1860: 248].

«Следы» путешествия к офеням встречаются в более поздних текстах — книге «Бродячая Русь Христа-ради», «Тюремном словаре». В качестве примера приведем фрагменты, касающиеся разных названий офеней в разных регионах России: «В большей части случаев они известны под общим прозвищем *офеней, ходебщиков, корабейщиков, разнощиков*; в Малороссии называют их *варягами*, в Белоруссии — *маяками*, на севере Великой России — *торгованами*, в Сибири — *суздалами*, на Кавказе — *вязниковцами*; сами себя зовут они *мазыками*», — отмечается в очерке «В дороге (Из путевых заметок)» [Максимов 1860: 220]; в «Тюремном словаре» Максимов повторяет, что «в различных местностях России офеней называют различно: варягами, торгованами, корабейниками, ходебщиками, разносчиками, суздалами, офенями, маяками и проч.» [Максимов 2002: 461]; в книге «Бродячая Русь Христа-ради» также упоминаются «офени, у которых за великое их мастерство и известность в разных странах России существуют разные прозвища (и таких названий больше десятка)» [Максимов 1908–1914. 5: 174].

Однако постепенно, в силу разных причин, некогда повсеместный промысел претерпевал изменения. С 1820-х гг. торговавшие крестьяне записывались в оседлое купечество. Создавалась сеть государственных дорог (так, в 1858–1862 гг. была построена Московско-Нижегородская железная дорога), и, как следствие, подконтрольная государству торговая сеть, что в итоге и привело к нарушению и распаду структуры офенской торговли. Таким образом, Максимов оказался бытописателем малоизученного явления, постепенно уходящего с исторической сцены. Так будет еще не раз. М. И. Щербакова, анализируя весь творческий путь Максимова-этнографа, среди его заслуг особенно выделила эту способность освещать «те пласты русской культуры, которые уже при нем исчезали из национальной исторической памяти», «тех ее сторон, которые традиционно оставались в тени» [Щербакова 1997: 6, 16].

Описание промыслов края является чрезвычайно значимым для этнографии результатом путешествия Максимова по Владимирской губернии. В своих первых, «костромских» очерках, печатавшихся в журнале «Библиотека для чтения» в 1854 и 1855 гг. (то есть в период владимирской экспедиции), Максимов уже обращался к неземледельческим отхожим промыслам, описав в одноименных очерках таких промышленников, как грибовник, сергач, булыня, пастух, повитуха, знахарка, маляр, колдун, сотской, дружка, швецы, извозчики, строитель (в очерке «Питерщик»). Владимирская губерния с ее природными особенностями (болотистая местность и плохие почвы при наличии хороших лесов) давала большую пищу для его пера. Основной массив наблюдений, сделанных в экспедиции в 1855 г., оказался востребованным два десятилетия спустя, в книге «Бродячая Русь Христа-ради» (1877).

«Хлеб», по мнению Максимова, — это то фундаментальное начало, которое определяет быт и мировоззрение крестьянина, соответственно, отсутствие этого начала определяло жизнь населения в регионе. Несмотря на то, что местные крестьяне старались еще «сохранять старинный и заветный характер земледельческого народа» [Максимов 1908–1914. 5: 112], Максимов неоднократно повторяет, говоря о Владимирской губернии, что «даже полный урожай круглый год не прокормит; без прикупки чужого хлеба не обойдешься» [Максимов 1908–1914. 5: 124], своего хлеба на семью хватает едва до Святков [Максимов 1908–1914. 5: 124, 130, 181, 199]. «Если же и родит земля, то очень скудно:

и хорошо удобренная, при десяти четвериках посева, самое большое сам-шесть, а того чаще сам-четверть и даже сам-друг» [Максимов 1908–1914. 5: 175], — пишет Максимов о Судогодском уезде. Потому с незапамятной старины в этих местах приобрели промысловый навык, и по их разнообразию у «промысловой Владимирской губернии» [Максимов 1908–1914. 5: 112], по мнению Максимова, «нет уже соперников на всем пространстве русской земли» [Максимов 1908–1914. 5: 186].

Приведем пространный фрагмент из книги «Бродячая Русь Христа-ради» (без многочисленных интересных подробностей жизни промышленников), где Максимов пытается охватить взглядом и отразить движение промышленников по Владимирской земле:

Вот, не больше месяца тому назад, ехали мы по той же Клязьме «аргунами»¹, где — по пословице — и лапшу топором крошат: весь народ уходит плотничать. Из 550 деревень, имеющих в центре волость Аргуново, а на стороне — старинный город Киржач, не уходят в дальнюю сторону только 40 деревень, <...> только несложившиеся в полную силу ребята, да совсем рассыпавшиеся старики. <...> По правую сторону верховья Клязьмы, действительно, живут настоящие каменщики <...> Шерстобитным мастерством всех больше прославились фетиньевцы. С реки Вязьмы бродят по чужим деревням швецы-портные очищать ту статью в деревенских хозяйствах, которая не попала в руки шерстобитов: овца нестриженная и в племя пущеная, а в шерсти зарезанная для зимней шапки и полушубка. Эти — мастера опять на две руки: и песни петь, и сказки врать. Недалеко, в стороне, и Алексино со всесветными проходимцами, картавыми торговцами — офенями <...> Эти уходят торговать красными и разными товарами, а петроковские мужики — жить в пастухах, чужой скот пасти, на рогу играть. <...> Целое село — колодезники: ходят только колодцы рыть. <...> он сквозь землю видит и по опрокинутой сковороде воду смотрит, и жилу находит. Сруб тебе сделает, так что никогда не осыплется. Словом, мы попали в настоящую бродяжью сторону, где живут все выходцы и мастера на все руки. Здесь даже и те промыслы (как скорняжий, кузнечный и

---

¹ Основным занятием жителей Аргуновской волости была плотницкая работа. Аргуновские плотники были известны не только в своей губернии, но и в Москве, Ярославле, Костроме и Санкт-Петербурге. Слово «аргун» стало именованьем всех плотников из Владимирской губернии и вошло в словарь Даля.

кожевенный), которые всюду и все привыкли считать и видеть оседлыми, носят бродяжий, подвижной характер. <...> От <...> беды побежали вразброд и вразпуски в разные стороны: кузнецы — за сбором старых серпов по окольным губерниям <...> каждый — в свой участок, ни за что не позволяя себе переступить в чужой. В своем, который достался по наследству, серповщик собирает старые и испорченные серпы, раздает исправленные и продает новые, самим выкованные и вызубренные <...>; скорняки и кожевники «на низ» (на юг России). <...> Вязниковский богомаз <...> круглый год, сидя дома, пишет иконы <...> Наламывая спину и грудь за ткацкими станами, в низких и смрадных светелках и на фабриках, на всякую руку: и ручной миткаль, и красную пестрядь, и набивной ситец, сарпинку и холстинку <...>. В Хрионовщине делают известные на всю Русь косы: с осени до заговенья куют, с Благовещенья отделявают и точат <...>. Иной и телеги сколачивает¹ <...>. По торфяным берегам, в поймах Клязьмы-реки и по маленьким речкам, растет козья ива, чернотал (*salix pentandra*); забираясь туда, судогодские мужики после Покрова кору дерут с этого чернотала и высматривают для того самое ненастное время, когда эта кора лучше отстает, и тем Бога хвалят: почитают святой труд и не гнушаются работой, которую ценят и хвалят на кожевенных заводах, и деньги платят с пучка. <...> другие роют ямы и морят в них уголья — тоже продажный и ценный товар. <...> Дальше — по той же тореной дорожке тянутся артелями пильщики <...> сплошь и рядом двор о двор лепят горшки... [Максимов 1908–1914. 5: 173–183].

Появление и существование промыслов обуславливалось природными причинами: «Жившим в лесах нетрудно было сделаться плотниками <...> Потруднее и позднее привелось сидевшим на глине стать горшечниками и вблизи болотных железных руд — кузнецами» [Максимов 1908–1914. 5: 186].

В архиве Пушкинского Дома в фонде Максимова среди недатированных черновых заметок и планов статей хранится интересная руко-

---

¹ О тележном и ямщицком промысле у владимирцев Максимов вспомнит и в очерке «Нижегородская ярмарка»: «владельцев лошадей и длинных телег, жителей или подгородных деревень, или, по большей части, Муромского уезда Владимирской губернии. <...> по нужде и по обычаю отцов и дедов» [Максимов 1908–1914. 13: 288–289].

пись¹. Это данные списком промыслы Судогодского уезда Владимирской губернии. Приводим этот лист:

Судогодский (далее следуют расчеты. — М. Ф.)

Скорняжный (Мордасово, Дмитриевское): выделка овчин и вообще мехов, шитье тулупов, шуб, полушубков.

Тележный (19 селений): колеса, сани, телеги (особенно деревня Высокая река — первое место в губернии). Поставляет эта деревня сани почти на всех ямщиков между Влад., Моск., Муромом и Вязниками. С ранней осени до Пасхи. 35 руб. в зиму. Телеги от 25–35 руб. с марта до Петровок.

Бондарный: 13 селений и вообще: в Бережковской волости до 180 бочаров. Бочки, кадки, улья, ведра, коромысла, обручи.

Деревянные изделия: 9 селений и волость (Бережковс.). Лопаты. Грабли — (д. Климовская)

Столяр. и плотниц. изделия: Бережковская волость: укладки и сундуки

Деревян. посуда: 46 селений и Бережк. вол. Деревян. посуда. Корыта. Бураки.

[37.46] Мелкие дерев. поделки: Черенки для серпов из осины в неделю на 40 коп. а занято 130 семей в Бережк. вол. всего требуется

21 милл. на 4,000 руб. Семья заработает 33 руб.

Кузовья из бересты и лыка

Гончарное все деревни по верховьям рр. Кестомы, Нерехты, Колпы, Тетрухи и Ушны. Село Новлянское. Горшки. 15 руб. в год до 30 и 40 руб. (и то при усиленной работе: дешевизна изделий).

[14.18.21] Стекло: шлифовка и гранение стекла: с. Мошок. д. Колычево. всего на 54 шлифовал. колесах, привод. конными приводами.

Распродажа в год на 75 т.р. см. ниже знак z

Обделка камня: жернова надгробные камни (из известняка) сплав по Клязьме. Из белого камня

Кузнеч. изд. Скребницы. Подковы. Гвозди. Заслонки. Кочерги. Сковороды (и т. д) в 20 селениях

Ножовый товар: ножи. вилки. Ножницы. в 4 местах (Ножницы для овец)

Землед. орудия: Сошники. Лемехи. Бороны. Кирки. Косы. Серпы. Заступы. (с. Авдотьино). Косы в особенности.

---

¹ ИРЛИ. Ф. 565. № 17. Л. 3.

знак z с. Мошок серебрение и золочение хрустальн. посуды))

Серповидные чистый доход в год 88 р.

Список населенных пунктов и распространенных в них промыслов дополняют в нескольких местах расчеты Максимова.

Источник этих сведений — были ли они почерпнуты из литературы или же являются результатом наблюдений самого Максимова — пока установить не удалось. Соответственно, данный лист можно датировать периодом между 1855 г. (временем подготовки и участия в экспедиции) и 1876 г., когда в книге X «Отечественных записок» за 1876 г. был опубликован очерк Максимова «Нищоброды и калуны» с почти буквальными совпадениями с текстом недатированной заметки.

Любопытно проследить, как документальные сведения и расчеты включаются в художественный текст. Конспективная строчка о гончарном промысле: «Гончарное. Все деревни по верховьям рр. Кестомы, Нерехты, Колпы, Тетрухи и Ушны. Село Новлянское. *Горшки. 15 руб. в год до 30 и 40 руб. (и то при усиленной работе: дешевизна изделий)*» у Максимова преобразуется в художественный текст: «Как уж за Судогдой в глине круто пляшут и на всякую статью эту глину месят! И какие славные горшки лепят, кувшины делают, на занятные игрушки детские стираются, и посягают на всякое дело: бусы, государь мой, мастерят на украшение девичьих шеек! Хорош и горшок в продаже и в деле. Веселые и проворные руки делают их в день до полусотни: эка масляница! А горшок-от стоит копейку, самый большой покупают за гривенник. *Как ни надседайся на горшках, больше 15 рублей в год не навертишь и больше 30 рублей не выручишь на самых больших и красивых (курсив мой. — М. Ф.)*» [Максимов 1908–1914. 5: 179].

Подробно описывает Максимов промысел серповщиков, якобы «самый богатый» и «самый барышный», и развенчивает этот миф, приводя расчеты: «Самым богатым надо полагать серповщика. Много он ходит, громко стучит, рублей на девяносто в год нагремит и набегает. Кажется, сильнее его и быть невозможно: такой богач! А станешь учитывать, по делам его деньги разбирать, и раздавать, и нехотя скажешь: беги-ка, брат, и в четвертый раз» [Максимов 1908–1914. 5: 179]; «Тупой серп надо выправить, отточить и вызубрить; на то и зубрильчики в соседях живут. Ему за сотню надо дать полтора, а не то и два цалковых. Себе серп обойдется в две копейки — дадут четыре, пять копеек.

За зиму надают рублей до ста, да 60 проездишь, проешь: 30 рублей дома останутся на ков, на соль, на государеву подать» [Максимов 1908–1914. 5: 132]. Здесь прослеживается ход мысли Максимова, зафиксированный и в недатированном документе, который имеет буквальные сходства с художественным текстом. Художественный текст «Если взять четвертную за те деньги, что наши мастера выручают, то и будет это так точно и про овчинников, и про тележников, хоть бы пускались эти и на хваленую работу: на черенки для серпов и на мелкие деревянные поделки (по 20 копеек за сотню)» [Максимов 1908–1914. 5: 179–180] очевидно вытекает из строки «[37.46] *Мелкие дерев. поделки: Черенки для серпов из осины* в неделю на 40 коп. / а занято 130 семей в Бережк. вол. всего требуется / 21 милл. на 4,000 руб. Семья заработает 33 руб. (курсив мой. — М. Ф.)» и расчетов, приведенных в самом начале документа: 4000/130 790 33. Этот документ наглядно демонстрирует отмеченные исследователями свойства прозы Максимова — «органичное художественное единство живого материала наблюдений писателя в сочетании с письменными документами» [Щербакова 1997: 408, 15], фактографичность его творчества, которое диктует необходимость изучения материалов и источников его книг, «в результате которого проясняются многие секреты творческого процесса» [Щербакова 1997: 10].

Важно отметить большое значение данной рукописи для этнографии Владимирского края. Сведения о промыслах Судогодского уезда в литературе XIX в. скудны и неподробны. Так, в «Статистическом обозрении состояния Владимирской губернии в 1817 году», опубликованном во Владимирском историко-статистическом сборнике в 1869 г., отмечалось, что жители занимаются рубкой леса, нанимаются работниками на стекольные заводы, а в некоторых селениях «занимаются кузнечною работою, деланием повозок, колес, саней и разной посуды», но в целом «в Судогодском уезде крестьяне почти никакими ремеслами не занимаются и этот уезд по всем предметам можно почесть самым бедным во Владимирской губернии» [Благовещенский: 36, 50]. Максимов уточняет и детализирует данные сведения на середину XIX в.

В книге «Бродячая Русь Христа-ради» подробно освещен еще один промысел, не упомянутый в рукописи Максимова среди промыслов Судогодского уезда, — нищенство в разных его видах — вынужденное или профессиональное: «"Христа-ради" <...> бывает разное» [Максимов 1908–1914. 5: 135]. Максимов отмечает повсеместность этого яв-

ления на Руси и пытается определить его природу. В корне нищенского промысла здесь, «в центре Великой России» [Максимов 1908–1914. 5: 185], он видит природные, экономические, религиозные факторы. «Безрасчетное хозяйство беспутных детей расточило богатое наследство отцов: исчезли леса, а за ними обмелели реки и затошала почва в стране, где и самые города получили название от лесов <...> (*древний Стародуб — нынче Кляземский Городок; гор. Ярополч с урочищем на Вязех, нынешние Вязники*) и от плодородия почвы (*Меленки, Гороховец*)» [Максимов 1908–1914. 5: 174]. Эта «неблагонадежная земля» не могла ни привязать к себе, ни дать волю в силу «не знавшего милосердия крепостного права» [Максимов 1908–1914. 5: 188], которое здесь, по замечанию Максимова, налегло «раньше всех и тяжелее прочих и за то, что владимирскому краю привелось попасть в руки первых строителей северорусской земли, и за то, что именно здесь и в крайней близости одновременно совершался акт великого государственного объединения» [Максимов 1908–1914. 5: 184–185]. Максимов описал невеселые «проселки унылых заклязменных мест» [Максимов 1908–1914. 5: 120], где он видел «одну лишь неизбывную бедность» [Максимов 1908–1914. 5: 128]: в крае, где пишут тысячами иконы и запасают на всю Россию и Азию фабричный миткаль, в офенском крае, он увидел «тягло с образами, почернелыми и источенными тараканами», порты и рубахи из домашней пестряди [Максимов 1908–1914. 5: 127–128]. Находит он и другие сильные образы, во всей полноте выражающие нищету края, — в частности, образ «грязной осенней дороги» [Максимов 1908–1914. 5: 170]: «На дворе все еще та же осень, сырая и дождливая, с холодком и грязью, и с отчаянною бездорожицею, какая захватила меня на р. Клязьме и ее притоках» [Максимов 1908–1914. 5: 172]¹. Дорога эта ведет, в частности, в «Адовщину»² («Черную Сторону», «Черный угол») — к группе деревень в северной оконечности Судогодского уезда Владимирской губернии, где «весь народ сплошь, и старый и малый,

¹ Это описание вызывает в памяти картины, увиденные Максимовым в ходе пешего хождения с офеней-хозяйчиком на торжок и описанные в книге «В дороге (Из путевых заметок)»: «безутешная, тоскливая местность»: «пыльная дорога, в деревнях ломаные гати, прорезывающие дорогу по болотам; ржавые болота эти — топкие, сырые» [Максимов 1860: 234].

² Искаженное «Одоевщина», по фамилии землевладельцев.

и сильный и немогутный, все нищие. И нищенствуют они не от нужды, а ради промысла» [Максимов 1908–1914. 5: 170].

Максимов подробно описывает это большое и древнее «нищенствующее государство» [Максимов 1908–1914. 5: 184], населяющий его народ, который (в особенности из судогодского села Маринина) «расходился в разные стороны на добрые места, не пугаясь даже дальней Америки и неближней России и Африки» [Максимов 1908–1914. 5: 184], называет причины появления «судогодских нищebroдов» [Максимов 1908–1914. 5: 210]. Неблагоприятные природные условия, которые могли бы вызвать к жизни кустарные промыслы, были осложнены здесь тяжелыми экономическими факторами («жителям сначала, как и всем, по выражению знаменитого крестьянина Посошкова¹, не давали обрастать, но стригли, яко овцу до года» [Максимов 1908–1914. 5: 190]), а также «людской слабостью — ленью» [Максимов 1908–1914. 5: 123]. Были и специфически местные условия развития промысла: твердость края в христианской вере (Максимов отмечает, что христианство «успело пустить здесь глубокие и надежные корни. Поверяя результаты прошлого наличным наследием, мы видим владимирскую страну во главе и в первых по числу церквей и по количеству духовенства» [Максимов 1908–1914. 5: 187], «в редком селе нет <...> чудотворной иконы. Почивают по городам <...> святые угодники, и князья, и святители...» [Максимов 1908–1914. 5: 180]), для которой помощь неимущим является законом, а также «ближнее соседство богатейшей нижегородской ярмарки» [Максимов 1908–1914. 5: 190]. «Перепробовал наш народ все промыслы: надо, знать, быть на земле и такому!» [Максимов 1908–1914. 5: 182], — подытоживает Максимов. Упоминание о судогодских нищebroдах встретим мы и в книге «Сибирь и каторга» в очерке «Тюремный словарь»: «Подмечен искусственный [кантюжный, нищенский — М. Ф.] язык у нищих, где нищество превратилось в правильно организованный промысел (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерниях). <...> {Кантюжить — нищенствовать. Наглухо

---

¹ Иван Тихонович Посошков (около 1652–1726) — первый русский экономист-теоретик, мыслитель, публицист, предприниматель и изобретатель. Основное сочинение — социально-экономический трактат «Книга о скудости и богатстве» (1724, опубликован в 1842 г.). Впервые выступил с инициативой законодательной регламентации повинностей крепостных крестьян.

заколачивают избы и уходят собирать на мнимое погорелое место множество деревень под самую Москву и почти весь Судогодский уезд Влад. губ.}]» [Максимов 2002: 477].

Наряду с профессиональными нищими Максимов описывает и нищих «временных» — просящих по деревням милостыню погорельцев. В книге «Бродячая Русь Христа-ради» в разделе «Нищая братия. Побирušки и погорельцы» пожарам, испепеляющим целые деревни, их причинам и последствиям уделено значительное место [Максимов 1908–1914. 5: 115–118]. Пожары были обычным, но оттого не менее бедственным явлением повсеместно, и во Владимирской губернии особенно. Ознакомление с «Таблицами, следующими к извлечению из отчета Министерства внутренних дел за 1833 год» и «Табелью о происшествиях, более или менее замечательных, в 1833 году» [Журнал] показывает, что Владимирская губерния была в лидерах по количеству пожаров. По нашему предположению, информацию о пожарах Максимов мог почерпнуть, листая подборку «Владимирских губернских ведомостей», где регулярно публиковались сведения о пожарах, мерах предосторожности, средствах тушения и спасения угоревших людей.

Путешествие по Владимирской губернии Максимова было сопряжено с разного рода сложностями. Дело было не только и не столько в трудностях физических, хотя были и они: длительные пешие переходы с котомкой, утомительные тряские переезды по распутице и беспокойный сон в крестьянской избе. «Дорога так далека и дорога, что чуть-чуть дотащился» [Письма: 29], — жаловался Максимов в письме к Старчевскому. Гораздо большую проблему представляла неосвоенность приемов и методов полевой этнографической работы. Несмотря на подъем народоведения в России, Максимов во многом оказался на этом пути первопроходцем. А. Н. Пыпин в труде «История русской этнографии» писал: «Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта в молодом поколении того времени» [Пыпин: 70].

Ориентирами для Максимова в его работе были В. И. Даль и П. И. Якушкин, обоим он посвятил по очерку. К работе Даля Максимов относился с полным уважением. В очерке «В дороге (Из путевых заметок)» (1860) он писал: «Почти двадцать лет раздастся в бесприветной пустыне один голос Владимира Ивановича Даля, голос сильный, заслуживший почетный авторитет, авторитет взятый с боя без уступок, без апелляций». Этот голос «для этнографии и за этнографию <...> не

остался без приветов и ответов» [Максимов 1860: 221]: стало появляться больше этнографической литературы. В 1840–1850-е гг. очерки Даля «были образцом того, как исследование народного быта и культуры можно сделать достоянием литературы» [Щербакова 1997: 108].

Очерк «Павел Иванович Якушкин» создавался много позже экспедиции, в 1884 г., но за каждым словом стоит, по справедливому замечанию М. И. Щербаковой, «огромный собственный опыт полевых этнографических исследований» [Щербакова 1997: 373]. Излагая биографию Якушкина, Максимов будто проводит незримые параллели между ним и собой. Описывая приход Якушкина в народоведение, «на ту дорогу, которая оказалась потом настоящею и на которой Якушкин и получил литературную известность», он упоминает о своеобразном «благословении» его П. В. Киреевским — как это некогда произошло и с ним со стороны Тургенева, Писемского, отчасти Скабичевского: «Чуткий к способностям Якушкина, Петр Васильевич на собственный счет задал ему такую работу, которая наиболее соответствовала дарованиям неудавшегося математика» [Максимов 1884: 5]. Опишет Максимов и сложности и даже опасности работы собирателя «на местах», им самим изведенные: «Он [Якушкин] производил одну из труднейших работ изучения русского народа, встречался глаз на глаз с ним в самых источниках, где тихо и скромно струятся они, в густых зарослях, едва приметные глазу и с трудом доступные (доступные только после многих усилий и при известном искусстве)» [Максимов 1884: 3]; «Путь был темен, приключений бездна; и жердочка тонка, и речка глубока: опасность на ней велика, если не предусмотреть мелкого пустяка, какого-нибудь сучка, даже задоринки» [Максимов 1884: 4]; «в пешем хождении во Владимирской губернии Павел Иванович попал в зажору по пояс, промок до костей и прозяб до тифозного воспаления» [Максимов 1884: 6]; упоминает Максимов и «подозрения захоластных властей», в частности, случай на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, откуда Якушкин был выслан в Петербург, а также предостережения «одной доброй души» — случилось подобное и с Максимовым в его странствии по Владимирской губернии: он вызвал подозрения у офеней, и только вмешательство местного священника уберегло этнографа от неприятностей. В очерке Максимов пишет о том, как «торговец Якушкин по грязи и бездорожице, под защитой случайной угревы, присаживаясь на облучок встречной и попутной тележки, шел к сво-

ей цели прямо. Крюки и уклонения в сторону он позволял себе только по задаче интересной местности — разумеется, всего охотнее в глушь, по диким проселкам» [Максимов 1884: 6]. Так путешествовал и Максимов: в письме к Старчевскому он, описывая свое первое путешествие, сообщал о «разъездах далеко в сторону от торного пути, по проселкам и закоулкам» [Письма: 29]. Упомянул Максимов и об исследовательских приемах:

Якушкин взвалил на плечи лубочный короб, набитый офенским товаром на крестьянскую руку <...> взял в руки аршин и пошел под этим незамысловатым видом торговца-сумошника на исследование народности и для изучения и записывания песен. Взятый товар, подобранный больше в расчет на слабое девичье сердце, предназначался не на продажу, а на вымен на песни и на что подойдет из подходящего этнографического материала [Максимов 1884: 6].

По примеру Якушкина, Максимов для своего путешествия по Владимирщине выбрал подходящий, по его мнению, для успешного сбора материала костюм — представился семинаристом, отыскивавшим место учителя, а затем, вместе с офеней, некоторое время путешествовал на торжок в виде офени — «с коробком за плечами» и «с аршином в руках» [Максимов 1860: 234]. Подобный же «маскарад» («русский костюм торговца средней руки») будет использовать он в третьем крупном путешествии — поездке в 1858 г. по земледельческим губерниям черноземной России, «где преимущественно приводилось иметь дело с торгующим классом и на рынках» [Максимов 1860: 258]. Такие нехитрые способы не должны удивлять современного читателя: Максимов неоднократно пишет об отсутствии методики, разработанных приемов сбора этнографических материалов: «Приемам учиться было негде; никто еще не дерзал на такие смелые шаги <...> Тогда с “мужиками” водилась только литература, да и то благодаря вмешательству И. С. Тургенева» [Максимов 1884: 7], — пишет он в очерке «Павел Иванович Якушкин» об эпохе своей первой экспедиции, повторив то, о чем с горечью писал в очерке «В дороге (Из путевых заметок)»:

Новое дело, непривычное, затеянное первый раз в жизни. Позади — ничтожная практика, сложившаяся из цепи случайностей, когда смотре-

лось на дело с точки зрения фланера, дилетанта и никак не работника, обязанного известным делом и непреложным обетом. <...> никакой школы и поучения: масса путешествий — и в них конечные результаты, последние выводы и ни одного намека на закулисные, так сказать, рудниковые работы <...> почти ни одного слова для этнографии и за этнографию. <...> И тут, и там, и в литературных журналах стали часто появляться этнографические статьи, но везде с конечным итогом, с последним выводом <...> Оставалось идти по заветному русскому обычаю на авось; положиться на случай, попытаться придумать свои средства и запастись возможно большим терпением <...> собирать сведения не по обдуманному плану, а наугад [Максимов 1884: 220–221, 232].

Максимов психологически достоверно рисует ход мысли исследователя, которому нужно «подойти к нему [человеку] осторожнее и выпытать правду, но так, чтоб он не замкнулся в своей толстой раковине, а распустился бы, как цветок на весеннем солнышке, всецело до последнего, самого мелкого лепестка» [Максимов 1884: 226]. Количество и качество написанного Максимовым говорит о том, что он вполне освоил доступные ему приемы собирательской работы. «Помогли общительность молодого литератора, артистизм, бойкий язык, чувство народного юмора, интуиция этнографа и художественная одаренность» [Щербакова 1997: 38]. В итоге, по словам М. И. Щербаковой, Максимов «был в числе первых, чей практический опыт полевых экспедиций заложил основу будущей методики сбора этнографического материала» [Щербакова 1997: 408].

Не менее важным делом, чем методика, был сам подход к предмету. Следующие поколения этнографов оценили в произведениях Якушкина «совершенно иное отношение к народу <...> не идеализация народа и не глумление над ним, а объективное и беспристрастное отношение наблюдателя, глубоко постигшего народную жизнь и народное мирозерцание, его живую душу» [Русский биографический словарь: 128]. Максимов поддержал этот изменившийся вектор в народоведении: «Уже в первых экспедициях <...> созерцательность исследовательских методов этнографов старой школы (Снегирева, Сахарова) уступила место планомерной и методической работе» [Щербакова 1997: 107, 239–240]. Так, благодаря точным записям Максимова мы имеем научные сведения по этнографии Владимирской гу-

бернии (в том числе, например, уникальный материал по промыслам Судогодского уезда).

Максимов провел во Владимирской губернии немногим более месяца. Однако, судя по следам его путешествия, «разбросанным» по разным текстам, он объездил значительную часть края и многое увидел. «Владимирские» впечатления не сразу сложились в оформленный текст. Но они оказали значительное влияние на творчество писателя, вошли в состав таких книг, как «На Востоке» (1864), «Сибирь и каторга» (раздел «Тюремный словарь») (1871), «Бродячая Русь Христа-ради» (1877), «Крылатые слова. Неспроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится» (1899).

Собранные материалы стали существенным вкладом (иногда — первоначальным) в работу над темами, которыми Максимов будет заниматься, в той или иной степени, всю жизнь. Такой темой, в частности, стала тема артельного единения и объединения людей, проходящая через всю русскую историю [Щербакова 1997: 245, 248]. В ранних очерках Максимов изобразил профессиональные артели отходников, на Русском Севере познакомился с жизнью охотников и рыбаков, староверов, инородцев, соловецких монахов, в путешествии по Сибири материалом для изучения коллективных форм народного жизнеустройства стали арестантские артели, золотопромышленники, рудодобытчики, заводские рабочие, каменотесы и др., в Нижнем Новгороде он наблюдал быт бурлаков, купцов разных гильдий, ярмарочных торговцев, балаганщиков, раешников, артистов и т. п. В путешествии по Владимирской губернии ему открылась жизнь офеней, нищих (от калик переходящих до профессиональных нищелюбов), артелей иконописцев.

По справедливому замечанию А. Л. Фокеева, в ранних очерках, которые позже составили книгу «Лесная глушь», в поле зрения писателя находились частные судьбы, отдельные социальные типы, а в следующей по хронологии книге — «Год на Севере» — воссоздана народная жизнь целого края. Таким образом, очевидно стремление Максимова «к поискам новых путей очерковой типизации» [Фокеев: 177], и экспедиция стала в этом отношении поворотной. С одной стороны, очерки, вышедшие из-под пера Максимова по результатам владимирской экспедиции, посвящены отдельным социальным типам — нищим, офеням. Интерес представляют наблюдения Максимова за их подгруп-

пами, жизнью, поведением. С другой стороны, произведения писателя посвящены одновременно и Владимирской губернии и содержат порой бесценные сведения о жизни края в середине XIX в., являются «выверенными источниками редких материалов для дальнейших исследований в области литературы, языка, фольклора, этнографии, истории, культуры, религии, краеведения, экономики и других отраслей знаний» [Щербакова 1997: 408].

Путешествие по Владимирскому краю имело для самого Максимова немалое значение потому, что внесло свой вклад в выработку методологии сбора материалов, которая вскоре пригодилась ему в «литературной экспедиции» 1856 г., триумфально для него завершившейся: книга «Год на Севере», написанная по следам поездки, была удостоена малой золотой медали РГО и обеспечила Максиму крепкую репутацию. Его практический опыт полевых исследований стал также существенным вкладом в складывающуюся методiku сбора этнографического материала.

Список литературы

Источники

- Даль В. И.* О наречиях русского языка. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 72 с.
- Максимов С. В.* В дороге (Из путевых записок) // Отечественные записки. 1860. № 7–8. С. 219–271.
- Максимов С. В.* Каторга империи. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 480 с.
- Максимов С. В.* Крылатые слова: не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится: по толкованию С. Максимова. СПб.: А.С. Суворин. 1890. 486 с.
- Максимов С. В.* Очерки о Белорусской земле. М.: Индрик, 2018. 576 с.
- Максимов С. В.* Павел Иванович Якушкин. Биографический очерк // *Якушкин П. И.* Собр. соч. СПб.: В. Михневич, 1884. С. 1–30.
- Максимов С. В.* Собр. соч.: в 20 т. СПб.: Т-во «Просвещение», 1908–1914.
- Офени // Владимирские губернские ведомости. № 6. 8 февраля 1847 г. С. 25–27.
- Офени Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. 9 апреля 1855 г. С. 113–121.
- Письма С. В. Максимова к А. В. Старчевскому. (Подготовка текста, вступительная статья и комментарий А. Павлова) // Альманах «Костромская земля». Кострома: Б. и., 1990. Вып. 1. С. 28–33.
- Прибавление к Владимирским губернским ведомостям. № 43. 24 октября 1842 г.
- Срезневский И. И.* Афинский язык в России // Отечественные записки. 1839. Т. V, август. Отдел VII. Смесь. С. 1–12.

Исследования

- Благовецкий В. С.* Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 году // Владимирский историко-статистический сборник / под ред. К. Тихонравова. Владимир: Изд-е Владимирского губернского статистического комитета, 1869. С. 1–50.
- Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М.: Флинта, 2017. 455 с.
- Дубровский П. С.* Народные промыслы как форма мелкого товарного производства (экономико-теоретический очерк с историческими вставками). Иваново-Шуя: Весть, 2005. 128 с.
- Дубровский П. С., Дубровский С. П.* Офени-икончики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. Ковров: Маштекс, 2008. С. 104–109.
- Пантюхов И.* Селение Холуй // Пожарский юбилейный альманах: Вып. 3. К 460-летию первого письменного упоминания села Холуй / ред.-сост. А. Е. Лихачев. Иваново: Талка, 2007. С. 82–100.
- Приемьшева М. Н. И. И.* Срезневский об офенском языке («Офенско-русский» и «русско-офенский» словари И. И. Срезневского 1839 г. из собрания ПФА РАН) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. Т. 3, № 3. С. 335–360.
- Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1891. Т. 2: Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. 428 с.

Русский биографический словарь. СПб: Имп. русское ист. о-во, 1896–1913. Т. 25. Яблоновский – Фомин. 1913. 493 с.

Срезневский И. И. Афинский язык в России // Отечественные записки. 1839. Т. V, август. Отдел VII. Смерь. С. 1–12.

Фокеев А. Л. Сергей Васильевич Максимов // Знамение времени. Проза XIX века. Саратов: Лицей, 2005. 208 с.

Щербакова М. И. В. И. Даль и С. В. Максимов // Филология в системе современного университетского образования. М.: УРАО, 2002. Вып. 5. С. 132–137.

Щербакова М. И. Проза С. В. Максимова: Текстология и вопросы поэтики: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1997. 418 с.

References

Blagoveshchenskii, V. S. “Statisticheskoe obozrenie sostoianiiia Vladimirskoi gubernii v 1817 godu” [“Statistical Review of the State of the Vladimir Province in 1817”]. Tikhonravov, K., editor. *Vladimirskii istoriko-statisticheskii sbornik [Vladimir Historical and Statistical Collection]*. Vladimir, Izdanie Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta Publ., 1869, pp. 1–50. (In Russ.)

Bondaletov, V. D. *V. I. Dal’ i tainnye iazyki v Rossii [V. I. Dal and Secret Languages in Russia]*. Moscow, Flinta Publ., 2017. 455 p. (In Russ.)

Dubrovskii, P. S. *Narodnye promysly kak forma melkotovarnogo proizvodstva (ekonomiko-teoreticheskii ocherk s istoricheskimi vstavkami) [Folk Crafts as a Form of Small-scale Production (An Economic and Theoretical Essay with Historical Inserts)]*. Ivanovo-Shuia, Vest’ Publ., 2005. 128 p. (In Russ.)

Dubrovskii, P. S., Dubrovskii S. P. “Ofeni-ikonshchiki vo Vladimirskoi gubernii” [“Ofen-icons in the Vladimir Province”]. *Rozhdestvenskii sbornik [Christmas Collection]*. Kovrov, Mashteks Publ., 2008, pp. 104–109. (In Russ.)

Pantiukhov, I. “Selenie Kholui” [“The Village of Kholui”]. Likhachev, A. E., editor. *Pozharskii iubileinyi al’manakh [Pozharsky Jubilee Almanac]*, issue 3: K 460-letiiu pervogo pis’mennogo upominaniia sela Kholui [To the 460th Anniversary of the First Written Mention of the Village of Kholui]. Ivanovo, Talka Publ., 2007, pp. 82–100. (In Russ.)

Priemysheva, M. N. “I. I. Sreznevskii ob ofenskom iazyke (‘Ofensko-russkii’ i ‘russo-ofenskii’ slovari I. I. Sreznevskogo 1839 g. iz sobraniia PFA RAN)” [“I. I. Sreznevsky about the Offen Language (‘Ofen-Russian’ and ‘Russian-Ofen’ Dictionaries of I. I. Sreznevsky 1839 from the Collection of the PFA RAS)”]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichestkikh issledovaniĭ*, vol. 3, no. 3, 2007, pp. 335–360. (In Russ.)

Pypin, A. N. *Istoriia russkoi etnografii [History of Russian Ethnography]*, vol. 2: Obshchii obzor izuchenii narodnosti i etnografiiia velikoruskaia [General Overview of Studies of Nationality and Great Russian Ethnography]. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1891. 428 p. (In Russ.)

Russkii biograficheskii slovar’ [Russian Biographical Dictionary], vol. 25. St. Petersburg, Imperatorskoe russkoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1896–1913. Iablonovskii-Fomin Publ., 1913. 493 p. (In Russ.)

Fokeev, A. L. "Sergei Vasil'evich Maksimov" ["Sergey Vasilyevich Maksimov"]. *Znamenie vremeni. Proza XIX veka* [*Sign of the Times. Prose of the 19th Century*]. Saratov, Litsei Publ., 2005. 208 p. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. "V. I. Dal' i S. V. Maksimov" ["V. I. Dal and S. V. Maksimov"]. *Filologiya v sisteme sovremennogo universitetskogo obrazovaniia* [*Philology in the System of Modern University Education*], issue 5. Moscow, University of the Russian Academy of Education Publ., 2002, pp. 132–137. (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. *Proza S. V. Maksimova: Tekstologiya i voprosy poetiki* [*Prose of S. V. Maksimov: Textual Criticism and Questions of Poetics: DSc Dissertation*]. Moscow, 1997. 418 p. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>
<https://elibrary.ru/MAVROA>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. Е. В. Николаева

Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия

Петр I и его время в творчестве Л. Н. Толстого

Аннотация: В статье рассматривается творческое осмысление Л. Н. Толстым личности Петра Великого и его эпохи. Упоминание имени Петра I, оценка его значения, роли в отечественной истории в произведениях и письмах Толстого прослеживается на протяжении всей творческой жизни. К эпохе Петра I писатель чувствовал живой непосредственный интерес, что определило его отношение к этому времени как «узлу» русской жизни и начало работы над несостоявшимся романом из времени правления первого русского императора. К фигуре Петра I Толстой обращается также в детских рассказах из «Азбуки» и книжки-приложения к журналу «Ясная Поляна». Авторство рассказа из книжки для чтения точно не установлено. Сопоставительный анализ языка и содержания рассказа с черновыми вариантами к ненаписанному роману позволяет с большой долей очевидности предположить авторство Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Петр I, роман, рассказы для детей, творческая история, замысел, авторство.

Информация об авторе: Евгения Васильевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 03.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 06.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Николаева Е. В. Петр I и его время в творчестве Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 102–111. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Evgeniya V. Nikolaeva
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russia

Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy

Abstract: The article deals with Leo Tolstoy's creative understanding of the personality of Peter the Great and his era. The mention of Peter I, assessment of his personality, his role in national history in the works and letters of Tolstoy can be traced throughout his creative life. The writer felt a lively direct interest in the era of Peter I, which determined his attitude to this time as a “node” of Russian life and the beginning of work on a failed novel from the reign of the first Russian emperor. Tolstoy also refers to the personality of Peter I in children's stories from the “ABC” and the book-supplement to the magazine “Yasnaya Polyana.” The authorship of the story from the reading book has not been definitely established. A comparative analysis of the language and content of the story with draft versions of the unwritten novel makes it possible to assume with great certainty the authorship of Tolstoy.

Keywords: L. N. Tolstoy, Peter I, novel, stories for children, creative history, design, authorship.

Information about the author: Evgenia V. Nikolaeva, DSc in Philology, Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-0621>

E-mail: alkonost.n@mail.ru

Received: August 03, 2022

Approved after reviewing: October 06, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Nikolaeva, E. V. “Peter I and His Era in the Works of Leo Tolstoy.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 102–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-102-111>

Среди нереализованных творческих замыслов Л. Н. Толстого есть два исторических: это роман о декабристах, которого долго, но безуспешно ожидали почитатели писателя, и роман из времен правления Петра Великого. От этих замыслов остались обширные подготовительные материалы, которые время от времени становятся предметом пристального внимания исследователей [Гулин; Ковалева], однако сохраняют еще немало творческих загадок. Оба эти замысла объединяет обращение писателя к отечественной истории и его довольно протяженные во времени попытки вернуться к продолжению этих работ.

В произведениях, рукописях, материалах Толстого, имя Петра I встречается, причем в первую очередь оно появляется среди рассуждений и замечаний исторического характера. Так, в «Записке о дворянстве» Толстой разбирает проекты освобождения крестьян и выкупа земли у помещиков и, к слову, вспоминает Петра I, с которым льстецы сравнивают императора, пытаясь убедить его, что он «великий преобразователь России»: «Ежели некоторые в порыве излишнего восторга, а другие избрав великое дело поприщем подлой лести, умели убедить Государя Императора в том, что он 2-ой Петр I и великой преобразователь России, и что он обновляет Россию и т. д., то это совершенно напрасно, и ему надо поспешить разувериться; ибо он только ответил на требование дворянства, и не он, а дворянство подняло, развило и выработало мысль освобождения» [Толстой 5: 268]. В черновых редакциях «Войны и мира» среди рассуждений историко-философского характера о возможности влияния великих лиц и героев на волю миллионов людей наряду с Наполеоном, Фридрихом, Екатериной, Потемкиным писатель также неоднократно вспоминает имя Петра I [Толстой 13: 32, 808; 15: 215]. В «Анне Карениной», в контексте разговора о ведении хозяйства в усадьбе в пореформен-

ное время¹, один из персонажей романа называет Петра I, равно как Екатерину и Александра, в числе реформаторов в сельском хозяйстве: «Возьмите реформы Петра, Екатерины, Александра. Возьмите европейскую историю. Тем более прогресс в земледельческом быту. Хоть картофель — и тот вводился у нас силой...» [Толстой 18: 350]. Подобных примеров можно привести еще немало, они сопровождают всю творческую жизнь писателя, даже в последние годы в разговорах с близким окружением Толстой по разным поводам вспоминает о Петре, особенно часто в 1906 г., что скрупулезно отмечает в своих записках домашний врач Д. П. Маковицкий [Маковицкий: 8, 50, 87, 107, 129, 207, 298].

Большинство подобных упоминаний не носит личного характера до тех пор, пока Толстой не обращается непосредственно к работе над романом из времен Петра I. В письме к А. А. Толстой, с которой писатель всегда делился литературными замыслами, ходом работы над их реализацией, он справляется о своих предках, Петре Андреевиче Толстом и его сыне Иване, сосланных в Соловецкий монастырь и умерших там. Это письмо датировано 5 июня 1872 г. — временем, когда Толстой был уже глубоко заинтересован новым историческим замыслом. В этом же письме он сообщает о намерении летом съездить на Соловки: «Если Бог даст, я нынешнее лето хочу съездить в Соловки. Там надеюсь узнать что-нибудь. Трогательно и важно то, что Иван не захотел вернуться, когда ему было возвращено это право. Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, — в нем конец» [Толстой 61: 290–291]. Заданные писателем вопросы лишний раз иллюстрируют одну из отличительных особенностей его художественного мира: использование судеб, характеров своих предков, автобиографических черт в качестве материала для создания образов героев произведений. При намерении написать о Петре, его окружении и его времени он, конечно же, не мог обойтись без включения в «портрет» этой эпохи одного из ярчайших сподвижников императора, первого в ряду графов Толстых.

Такое же глубоко личное отношение у писателя сформировалось не только к людям того времени, но и к самой эпохе. В середине 1880-

---

¹ О хозяйствах помещиков и усадьбах в романе «Анна Каренина» см. подробнее: [Андреева: 30–42].

х гг., давно оставив работу над романом о Петре I, в вариантах к статье «Николай Палкин», Толстой признается, что какими бы ни были времена Ивана Грозного, Михаила, Алексея, они далеки от него и отмечает: «...с Петра так называемого великого начиналось для меня что-то новое живое. Я чувствовал, читая ужасы этого беснующегося, пьяного, распутного зверя, что это касается меня, что все его дела к чему-то обязывают меня» [Толстой 26: 564]. Глубоко личностное, пропущенное через собственный внутренний мир ощущение времени, судя по завершённым произведениям писателя, — совершенно необходимое условие творческой работы Толстого и успешного результата труда.

Из этого довольно позднего по отношению ко времени работы над романом отрывка видно, что имя Петра I связано в сознании писателя с резко отрицательной характеристикой. Оценка личности Петра I складывалась у Толстого на основании детального изучения исторических трудов, в процессе размышлений и на основании непосредственных жизненных впечатлений, полученных в разное время. Осмысление личности Петра I, его роли в истории продолжалось буквально до последних лет жизни. Так, например, в Дневнике за 1906 г. Толстой замечает: «О раскольниках при Петре. Дело для них не двуперстное сложение, а то, что властвует антихрист» [Толстой 55: 221]. В Записной книжке 1870 г. (по поводу спора славянофилов и западников) Толстой отмечает справедливость каждой из позиций, указывает на то, что «время Петра сделало великое, необходимое дело, открыв себе путь к орудиям Европейской цивилизации, не нужно было брать цивилизацию, а только ее орудия, для развития своей цивилизации» [Толстой 48: 123]. В Дневнике 1889 г. в контексте записи о славянофильстве высказана мысль, что благодаря Петру русское высшее сословие усвоило себе всё, что сделал запад, стало на тот путь, где видно, что идти дальше некуда...» [Толстой 50: 146].

Сложившееся у Толстого представление о Петре повторяется практически без изменений многократно в беседах, письмах, вариантах к публицистическим произведениям, к повести «Хаджи-Мурат»: «И еще больше был уверен в своем превосходстве над всеми людьми тот, всегда пьяный, развратный сифилитик, безбожник Петр, собственноручно для забавы рубивший головы стрельцов, с ящиком для штофов водки, сделанным в виде Евангелия, и с крестом, сделанным из чубуков <...>, ездивший по народу кощунственно славить Христа, тот,

считавший себя совершенно уверенно благодетелем своего народа» [Толстой 35: 552]. Наиболее полно эту характеристику сохранил также в своих воспоминаниях С. А. Берс, отмечавший, что Толстой оценивал свое мнение о Петре как «диаметрально противоположное общему», добавляя, что государь был лукав и жесток. Также Толстой «возмущался гибелью царевича Алексея, замученного и наконец убитого собственными руками отца — императора» [Берс: 188–189].

Толстой был уверен, что нашел своеобразный ключ к характеру Петра I. Об этом он также упоминает неоднократно, но наиболее подробно пишет В. Г. Черткову 7 ноября 1884 г., объясняя злодейства Петра I его постоянной страстной занятостью, «горячечной», «спешной деятельностью», лежащей в основе постоянного недовольства собой и людьми [Толстой 85: 114].

Обращение Толстого в начале 1870-х гг. к петровской теме лучше всего объясняется его словами из письма к Н. Н. Страхову, в котором писатель сообщает, что он «обложился книгами о Петре I и его времени», кропотливо собирает материал, очень хочет, но не может писать: «Но что за эпоха для художника. На что ни взглянешь, всё задача, загадка, разгадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут» [Толстой 61: 349]. Письмо написано в 1872 г., в первый период работы над романом, и свидетельствует о том, что она идет трудно, без уверенности автора в успехе («Я не огорчусь, если ничего не выйдет») [Толстой 61: 349].

Как представляется, в определении петровской эпохи как «узла» русской жизни кроется главное в понимании Толстым этого времени. Подготовка к написанию романа не ограничивалась выяснением только главных вопросов. Для автора было важно все, до мелочей, без которых общая картина не оживала, не приобретала необходимой художественной убедительности. По свидетельству Софьи Андреевны, он собирал и выписывал все, «что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья и всего, что касается обыденной жизни» [Толстая: 500]. В письме к В. К. Истомину, приятелю братьев Софьи Андреевны, Толстой просит также сообщить подробности о том, как выглядит местность недалеко от Азова: его интересует не только рельеф, но и то, какие там растут травы, какая водится дичь. Все это свидетельствовало о серьезнейшей подготовке к работе.

Еще до обращения к роману личность Петра I и время его правления оказывались в центре внимания Толстого, но в литературе для детей. Закономерным было появление этой темы в книжках-приложениях к журналу «Ясная Поляна», так как там давались первоначальные исторические сведения. Эти тоненькие книжечки карманного формата выходили ежемесячно, предназначались для начального детского чтения и носили такое же название, как и педагогический журнал Толстого.

В июньской книжке 1862 г. помещен рассказ «Петр Первый», а также ряд небольших исторических анекдотов в разделе «Истории про Петра». В написании рассказов для книжек принимал участие не только Толстой, но и его помощники, однако авторство этого рассказа точно на сегодня не определено. Некоторые детали в его содержании позволяют предположить, что авторство этого небольшого рассказа принадлежит именно Толстому, а не кому-то из его помощников.

Во-первых, в пользу этого предположения свидетельствует начало произведения. На фоне довольно небольшого общего объема рассказа, в котором упоминается и объясняется даже раскол, довольно много внимания уделено обстоятельствам второй женитьбы царя Алексея Михайловича и рождения Петра. «Давно, назад тому лет двести, жил на Руси царь. Звали его Алексей Михайлович. У этого царя было два сына: одного звали Федор Алексеевич, а другого Иван Алексеевич. Царевичи оба были *слабые, непроворные*. Царь стал об них печалиться и думает про себя: “Как я умру, на кого оставлю свое царство? Сыновья мои хворые и с народом им не справиться. А жена моя померла и детей у меня больше не будет”. Он еще пуще запечалился и говорит: “Если б у меня была жена, она, может, родила б мне сына получше этих и я бы оставил ему после себя царство”. Так царь долго думал, и задумал взять себе другую жену. А у него был друг, Матвеев. Матвеев роду был небольшого, богатства у него тоже не было, а ума было много» (курсив мой. — Е. Н.) [Ясная Поляна: 5–6]. Дальше описывается, хоть и коротко, роль боярина Матвеева в женитьбе царя, появление новой невесты, Натальи Кирилловны Нарышкиной.

Среди сохранившихся вариантов начала романа времен Петра I вариант № 1 под названием «Стрельцы» построен Толстым на этом же материале. Повествование начинается с подробного рассказа о семье царя Алексея Михайловича, о его чадах и домочадцах. Потом переходит к событиям после смерти царицы Марьи Ильиничны: «Не прошло

года после смерти жены, как он сошелся в любовь с 18-летней незамужней девкой Натальей и через два года, чтобы прикрыть грех, женился на ней. Женился он на ней 22 января, а в мае она родила незаконного сына» [Толстой 17: 152]. Вероятно, негативное отношение к Петру I сложилось у Толстого окончательно уже к началу работы над романом. Иначе трудно объяснить, почему так скрупулезно в этом отрывке писатель излагает в манере, близкой к сказу (как в детском рассказе), практически все ходившие в то время скверные слухи о молодой царице, о роли Матвеева в женитьбе царя.

Второе предположение об авторстве детского рассказа опирается на словоупотребление: в рассказе упоминается о том, что сыновья у Алексея Михайловича были «слабые, непроворные». Предваряя работу над языком рассказов для будущей «Азбуки», Толстой много внимания уделял в период своей активной педагогической деятельности размышлениям о языке, на котором нужно писать для детей. Среди выработанных им требований были точность и выразительность языка. В контексте рассказа слово «непроворные» воспринимается совершенно естественно, оно понятно, образно. В статье «О языке народных книжек» Толстой как раз этот пример разбирает, показывая, почему слово «непроворные» легко объяснит для русского человека суть образа царевича Ивана Алексеевича по сравнению с «ловким» младшим царевичем. Представляется, что приведенные наблюдения над текстами позволяют предположить авторство Толстого в маленьком рассказе о Петре из книжки-приложения к журналу «Ясная Поляна».

В другой раз сюжет о Петре для детского чтения был включен Толстым во вторую книгу «Азбуки» и назывался «Петр I-й и мужик». Вся история носит характер исторического анекдота фольклорного происхождения о мужике, который подвез царя, не узнав его [Толстой 22: 238]. Предполагались и другие рассказы такого же характера о петровском времени, но они не были включены в «Азбуку».

Несмотря на глубокую погруженность Толстого в материал, на вторую попытку вернуться к работе над этим историческим замыслом (1879), увлекательно написанные фрагменты текста, во многом проработанные планы и сюжетные линии, обещавшие эпический размах повествования, роман не состоялся. Причины на самом деле могут быть различны. В одной из последних по времени выхода статей, посвященных этой проблеме, указывается на то, что время Петра удаляло творческую

мысль Толстого от его духовных и поэтических принципов, на «неясность для него психологии людей слишком отдаленной эпохи и жестокий, кровавый ее характер», на «отсутствие сформированного философского “ядра” повествования» [Гулин: 111–112]. Частично с этим мнением исследователя можно согласиться, но представляется, что есть и другая весьма веская причина оставления Толстым этой работы.

Написанные фрагменты текста несостоявшегося романа обнаруживают широкий подход к изображению петровской эпохи: здесь и сюжетная линия самого Петра I, и царевны Софьи, и братьев князей Голицыных, и жизнь простых крестьян, и раскол, и военные походы, и многое другое, что действительно могло бы обеспечить произведению настоящий эпический размах.

Но последовательно и упорно Толстой работает над ключевой метафорой повествования. В ней, как представляется, сосредоточена главная мысль этого произведения, раскрывавшая для Толстого объяснение характера петровской эпохи. В сохранившихся вариантах есть образ весов, которые долго не приходят в движение, несмотря на все усилия [Толстой 17: 163–164]. Наконец, наступает такой момент, когда последняя подброшенная горсть зерна приводит к тому, что все переворачивается: «Твердо — не двинется, сидит на земле гиря на одной стороне весов, пока сыплют зерно на другую сторону. Насыпят полную насыпку и все не двигается гиря; но вот подсыпали от совка горсть зерна и, покачиваясь, поднимается гиря и висит, дрожит, и дитя пальцем качнет, поднимет и опустит ее» [Толстой 17: 164]. Толстой постепенно оттачивает описание, стараясь сделать его более емким, лаконичным и выразительным. Когда описание весов приобретает необходимую выразительность, появляется эпизод пробуждения князя Василия Голицына, который вдруг почувствовал, что вся жизнь перевернулась.

Главная мысль, основная метафора были найдены. Не в отсутствии концепции романа, как думается, была причина оставления замысла, а в том, что тема «переворота» жизни оказалась гораздо более важной и животрепещущей применительно к современной Толстому действительности, к годам непосредственного начала работы над романом. Этот вопрос был главным как для Толстого-землевладельца, так и для крестьянина — переворот жизни и отношение к земле. И решаться эта проблема в художественном творчестве должна была не на историческом, а на самом что ни на есть животрепещущем современном материале.

Список литературы

Источники

Берс С. А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит. 1978. Т. 1. С. 174–193.

Маковицкий Д. П. «Яснополяние записки». У Толстого. 1904–1910. М.: Наука, 1979. Книга вторая: 1906–1907. 687 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Толстая С. А. Дневники: в 2 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1: 1862–1900. 606 с.

Ясная Поляна. Книжка для детей. 1862. Июнь. М.: В тип. Каткова, 1862. 63 с.

Исследования

Андреева В. Г. Помещики и землевладельцы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 30–42. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-30-42>

Гулин А. В. Несбывшийся эпос (Л. Н. Толстой в работе над романом из времени Петра I) // Два века русской классики. Т. 2, № 3. С. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117>

Ковалева Г. Н. К вопросу о фактических источниках незавершенного исторического романа Л. Н. Толстого о Петре I и его времени // Лев Толстой и мировая культура. Материалы Третьего международного Толстовского конгресса «К 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого». М.: Ин-т языков и культур им. Л. Толстого, 2010. С. 70–76.

References

Andreeva, V. G. “Pomeshchiki i zemlevladel'tsy v romane L. N. Tolstogo ‘Anna Karenina.’” [“Squires and Landowners in the Novel ‘Anna Karenina’ by L. N. Tolstoy”]. *Usad'ba real'naiia — usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia* [Real Estate — Literary Estate: Vectors of Creative Transformation]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 30–42. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-30-42> (In Russ.)

Gulin, A. V. “Nesbyvshiiisya epos (L. N. Tolstoi v rabote nad romanom iz vremeni Petra I)” [“An Unrealised Epic (Leo Tolstoy Busy with a Novel of the Days of Peter I)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 3, pp. 86–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-86-117> (In Russ.)

Kovaleva, G. N. “K voprosu o fakticheskikh istochnikakh nezavershennogo istoricheskogo romana L. N. Tolstogo o Petre I i ego vremeni” [“To the Question of the Actual Sources of L. N. Tolstoy’s Unfinished Historical Novel about Peter I and His Time”]. *Lev Tolstoi i mirovaia kul'tura. Materialy Tre'tego mezhdunarodnogo Tolstovskogo kongressa “K 180-letiiu so dnia rozhdeniia L. N. Tolstogo”* [Leo Tolstoy and World Culture. Materials of the Third International Tolstoy Congress “On the 180th Anniversary of the Birth of Leo Tolstoy”]. Moscow, Institut iazykov i kul'tur imeni L'va Tolstogo Publ., 2010, pp. 70–76. (In Russ.)

© 2022. Н. Г. Михновец, М. Р. Копосова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Предыстория и значение сцены на пароме в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00102

Аннотация: В статье сцена на пароме из романа «Воскресение» впервые стала предметом специального исследования. Ее рассмотрение в историко-культурном аспекте показало, что старообрядческая тема, инициированная письмом бегуна А. В. Власова, задала завершающим главам произведения эпический масштаб в осмыслении судьбоносных перемен, происходящих в России конца XIX столетия. В статье выявлено, что в центр рассуждений старика-старовера, которые имеют протестный характер, автор романа вклинил диаметрально противоположные представления, принадлежащие народному мыслителю В. К. Сютаеву. Вследствие этого писателем была намечена перспектива для согласования разнонаправленного в суждениях старика, она предполагает «непротивление злу насилием». Сцена на пароме вырастает из истории государственности допетровского и петровского времени, утрачивающей к концу XIX столетия свои основания и вырождающейся в насилие, а также из истории народного движения в поисках истины — как в искомой перспективе обретения любовного единства всех, так и в реальной опасности борьбы и протеста.

Ключевые слова: эпичность, старообрядчество, бегуны, Л. Н. Толстой, роман, воскресение, А. В. Власов, В. К. Сютаев.

Информация об авторах:

Надежда Геннадьевна Михновец, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Мария Руслановна Копосова, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: koposovamr@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 12.06.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 26.08.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Михновец Н. Г., Копосова М. Р. Предыстория и значение сцены на пароме в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 112–137. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-112-137>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 112–137. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 112–137. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Nadezhda G. Mikhnovets, Maria R. Koposova
Herzen University
St. Petersburg, Russia

Background and Meaning of the Scene on the Ferry in L. N. Tolstoy's Novel *Resurrection*

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00102.

Abstract: In the article, the scene on the ferry became the subject of a special study for the first time. Consideration of this scene in the historical and cultural aspect showed that the Old Believer theme, initiated by the letter of the runner A. V. Vlasov, set the final chapters of the novel *Resurrection* on an epic scale in understanding the fateful changes taking place in Russia at the end of the 19th century. The article reveals that the author of the novel wedged diametrically opposite ideas belonging to the folk thinker V. K. Sutaev. As a result, the author outlined a perspective for coordinating the old man's differently directed judgments, it implies “non-resistance to evil by violence.” The final conclusion is made that the scene on the ferry grows out of the history of the statehood of pre-Petrine and Peter the Great times, which by the end of the 19th century was losing its essential foundations and degenerating into violence, as well as from the history of the original popular movement of the people in search of truth — as in the desired the prospect of finding a loving unity for all, and in the real danger of struggle and protest.

Keywords: epic, Old Believers, runners, L. N. Tolstoy, novel, resurrection, A. V. Vlasov, V. K. Syutaev.

Information about the authors:

Nadezhda G. Mikhnovets, DSc in Philology, Professor, Herzen University, Emb. of the Moika River 48, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Maria R. Koposova, Herzen University, Emb. of the Moika River 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

E-mail: koposovamr@gmail.com

Received: June 12, 2022

Approved after reviewing: August 26, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Mikhnovets, N. G., Koposova, M. R. “Background and Meaning of the Scene on the Ferry in L. N. Tolstoy's Novel *Resurrection*.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 112–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-112-137>

6 октября 1899 г., во время завершающего этапа работы над романом «Воскресение», Толстой получил письмо от бегуна Андрея Васильевича Власова, принадлежавшего к странническому согласию в старообрядчестве¹, потом написал ему ответ. Текст власовского письма был использован романистом для создания сцены на пароме, а автор послания послужил одним из прототипов старика, дважды беседующего с Нехлюдовым — на пароме, а затем в тюремной камере.

Сцена на пароме может быть рассмотрена в нескольких аспектах: биографическом, историко-культурном, текстологическом, индивидуально-творческом и проблемно-тематическом. Обозначив выше первый, обратимся ко второму и — в конечном итоге — попытаемся понять, почему и в каком содержательном объеме старообрядческая тема, инициированная власовским письмом, дважды вошла в заключительные главы романа, какое освещение обрела в их проблемно-тематической структуре.

---

¹ А. В. Власова будем называть не только бегуном, но и странником, беспоповцем, раскольником. Дело в том, что ранее в отдельных исследовательских работах, о которых идет речь в нашей статье, этот старообрядец и восходящий к нему литературный персонаж были определены как сектанты. Вопрос о различиях в понимании современными исследователями «старообрядчества» и «сектанства» нами не рассматривается.

Необходимо учесть, что в XIX в. тенденция разграничивать старообрядчество и сектанство еще не была актуальна. К примеру, в статье из Толкового словаря В. И. Даля: «СЕКТА ж. франц. братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь» [Даль 4: 171] — понятие «секта» соотносится с понятием «согласие». Н. И. Ивановский (1840–1913), профессор Казанской Духовной Академии, известный специалист по расколу в Церкви, писал о бегунах (странниках) как о секте [Ивановский]. И это важно учитывать при знакомстве с отдельными высказываниями Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

В середине XIX столетия усилился интерес к народной истории и культуре, в частности, к старообрядчеству. Рецензент¹ журнала братьев Достоевских «Время» писал в 1861 г.: «В последнее время особенно как-то развилась у нас охота заниматься расколом. Вопрос о русском расколе чуть не сделался модным вопросом, о котором толковать у всякого пробудилась охота. Так вот явилось много и печатных толкований о нем». Правда, ситуация, с его точки зрения, заключила в себе парадокс: «Но главное-то дело в том, что, за немногими исключениями, никто не постарался заглянуть в дело поглубже» [Страхов: 83]. В начале 1860-х гг. существенный вклад в понимание раскола внес историк А. П. Шапов. Его двухчастный труд «Земство и раскол. I» и «Земство и раскол. II (Бегуны)» тоже был опубликован братьями Достоевскими. Тема религиозного раскола в их журнале «Время», а также работы А. П. Шапова рассмотрены современной исследовательницей Е. Н. Агашиной [Агашина: 5–7].

А. П. Шапов писал: «Основной мотив всех этих движений и физических, и нравственных сил податного, крепостного и служилого народа составляла — месть за угнетенье и жажда воли. В то время под знаменем раскола грянула пугачевщина <...> В это же время, под знаменем беспоповщинского раскола, появились бегуны. В бегунах преимущественно выразилось отрицанье ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великороссийской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой» [Шапов: 506].

Согласье бегунов, отмечал А. П. Шапов, «прямо и твердо стало на землю, даже говорило *о владении землями, реками, усадьбами* — в пользу народа. Оно указывало податным, крепостным и служилым массам путь спасения не отвлеченный, не мистический, а чисто *земной*, и притом уж указанный народной историей путь *бегства, странничества, скрыватья*» [Шапов: 547].

Согласье бегунов руководствовалось «принципом постепенного и постоянного, личного и общесогласного отрицания этого (политического и церковного) порядка, бегства от него, принципом постепен-

---

¹ В. С. Нечаева предполагает, что в этом качестве выступил Н. Н. Страхов [Нечаева: 197].

ной подготовки простого народа к политической борьбе, посредством странствующей пропаганды, странствующих наставников масс народных» [Щапов: 547]. Бегство от мирской жизни прямо объявлялось историком «бранью с антихристом»: «Братся [т. е. бороться. — Авт.] подобает с антихристом, говорили бегуны, но до времени открытой брани с ним братся нельзя, а подобает только братся протиплением его воле и неисполнением его законов; а, когда придет время открытой брани, тогда всяк, иже убиен будет, получит венец, какой не получал никто из мучеников» [Щапов: 547–548]. Завершая свой труд, автор утверждал: «Все учение бегунов есть всецелое, решительное, деятельное или фактическое отрицание всех основных начал и учреждений империи, всей государственной системы» [Щапов: 574].

В общественных настроениях второй половины XIX столетия тема «русского бунта», включающая в себя тему социального протеста, обрела особую актуальность. Как пишет современная исследовательница О. Б. Леонтьева, «в исторической культуре России второй половины XIX в. сюжеты, связанные с массовыми протестными движениями, сыграли особую роль. Неотъемлемой частью пантеона народных героев стали персонифицированные образы лидеров протестных движений — Степана Разина, протопопа Аввакума, боярыни Морозовой, а также образы социально-типические, собирательные: “стрельцы, раскольники, казаки, разбойники”» [Леонтьева: 204]. Именно с церковным расколом и народным бунтом стали связывать представление об «истинном лице русского народа» [Леонтьева: 210].

Однако в старообрядческом движении была и другая сторона: способность «к сознательному самопожертвованию, к мученичеству во имя убеждений». И она — помимо религиозных идеалов раскольников и их апокалиптических чаяний — привлекала внимание пореформенной интеллигенции [Леонтьева: 205].

Осмысление феномена старообрядчества русскими писателями было разносторонним. Ф. М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» отреагировал на протестный характер движения старообрядцев, осветив историю старика-раскольника, а в романе «Преступление и наказание» создал образ другого героя, бегуна Миколки, который был готов добровольно встать на путь мученичества.

Писатель настаивал на самобытности русского народа, на его способности в петровский и послепетровский периоды в истории России

самостоятельно и неуклонно продвигаться по пути духовных исканий. Еще в 1860 г. в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1861 г.» Достоевский осмыслял историю русского народа, в том числе и раскола, в ее петровский период: «Реформа Петра Великого ... разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался. <...> Но, разойдясь с реформой, народ не пал духом. Он неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял ее с чрезвычайными, судорожными усилиями, потому что был один и ему было трудно. Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. Невозможно было более отшатнуться от старого берега, невозможно было смелее жечь свои корабли, как это сделал наш народ при выходе на эти новые дороги, которые он сам себе с таким мучением отыскивал. А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства» [Достоевский 18: 36].

В статье «Два лагеря теоретиков» (1862) Достоевский вступил в спор со славянофилами и западниками, предложив свое понимание раскола. Он увидел в нем «страстное стремление к истине, глубокое недовольство действительностью» и оценил его как «самое крупное явление в русской жизни и самый лучший залог надежды на лучшее будущее в русской жизни» [Достоевский 20: 21].

Позднее Достоевский горячо откликнулся на переход отдельных представителей старообрядчества, например К. Голубева, в единоверие. В 1870-е гг. писатель был твердо уверен, что раскол должен быть преодолен переходом в единоверие, что русский народ должен объединиться на основе православной веры¹. Для писателя мысль о «русском бунте» была глубоко чуждой, главная черта русского народа заключалась, по его мнению, в «смиреннолюбии» [Достоевский 20: 229].

Л. Н. Толстой с вниманием отнесся к движению старообрядчества. Еще в начале 1860-х гг. его привлекла яркая личность протопопа Аввакума [Шмелева: 606]. В повести «Казачи» Оленин оказался среди

---

¹ Вопрос о степени изученности темы старообрядчества и сектанства в творчестве Ф. М. Достоевского освещен в диссертации С. Д. Снигиревой [Снигирева: 4–10]. Кроме С. Д. Снигиревой историю старообрядца К. Голубева рассмотрел и Н. Саису [Саису].

«староверческого русского населения, называемого гребенскими казаками» [Толстой 6: 15]. Одним из трех главных героев позднего рассказа «Божеское и человеческое» стал беспоповец. В предпоследней, XV главе, «Исповеди» Толстой определяя свое отношение к власти и православной Церкви, отсылал к духовному и историческому опыту движения старообрядчества. Интерес к старообрядчеству писатель проявлял до конца своей жизни. Параллельно с работой над романом «Воскресение» Толстой вел переписку с представителями различных вероучений, в том числе со старообрядцами.

Обратимся к текстологическому и проблемно-тематическому аспектам, и начнем с письма Андрея Васильевича Власова. Послание малограмотного 54-летнего бегуна открывается почтительным «Многоуважаемому старцу Лву Николаевичу Глубочайшие потчение» [Толстой 72: 223]: Власов адресовался к Толстому как к духовному наставнику.

Письмо Власова композиционно делится на несколько фрагментов: указание на базовые религиозные представления с опорой на Евангельский текст; первый суд, допрос судебного следователя; допрос в окружном суде; встреча в лечебнице; тюремный допрос. Тематика этого письма перекликается с таковой в последнем романе Толстого: во второй части послания Власов критически освещает, опираясь на личный опыт, темы современной российской власти, законодательства, суда, наказаний и осуждения невинного, сумасшествия.

Толстой вскоре ответил своему корреспонденту. Текст послания Власова и толстовский ответ были опубликованы В. Г. Чертковым в Лондоне уже в следующем году в «Листках свободного слова» [Толстой 72: 222–223]. В. Г. Черткова не мог не привлечь обличительный, антигосударственный пафос второй части власовского письма.

Действительно, тема радикального отрицания основных форм современной государственной жизни России — основная в письме Власова. Первоначально бегун процитировал евангельские строки, а затем изложил историю своих мытарств с исходного тезиса: опираясь на Евангелие он «отказался от всякаго земнаго общество и отвсѣхъ рилигіозныхъ убежденій от имяни отечества и фамелій. Стал один сам себѣ и сказалъ такъ я Невашѣ. (один сам себѣ) ...» [Толстой 72: 223]. На допросе Власов отказался снять шапку перед судебным следователем, встать, выражая свое уважение к закону («у меня нетъ закона»), назвать свое имя («у меня нетъ имени»), возраст («невсѣ рождено, не всѣ

и сотворено невсѣ и умирает»), родителей («неково неть меня я один сам себѣ»). Бегун заявил следователю, что не принадлежит ни к какому государству («у меня неть никово государства»), не признает царя («у меня неть царя») и не собирается платить налоги. Власов, придерживающийся *радикальной* позиции и адресующийся к представителям государственной власти, уверенно провозгласил, что он — «Невашѣ».

Во время допроса бегуну были заданы вопросы, верует ли он в Бога? Следователь услышал в ответ: «Асли у тебя Есть бог то покажи и мнѣ я буду вѣровать». И представитель власти указал, что Бог «на небесахъ». На это Власов парировал: «Аты былъ тамъ нанебесахъ. ... Акто же тебе сказал что богъ на небѣ. Если ты небылъ на небѣ». Власов опирается, не цитируя, на фрагмент из стиха Евангелия от Иоанна: «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1: 18).

Толстовское понимание власовского письма, безусловно, шире и глубже чертковского. Толстой написал два текста в ответ Власову: черновой вариант и окончательный. Представляется, что в целом исходное отношение писателя к духовным поискам народа выражено в черновом варианте статьи «Конец века» (1905 г.): «Как ни старалось правительство заслонить ... христианское мировоззрение русского народа, православно-государственным учением, христианский дух жив и продолжает жить во всем сером русском рабочем народе, в огромном большинстве его. Поддержанию этого духа содействовали и содействуют подвижники-старцы в монастырях, странники строгой жизни, монахи и монашки православных монастырей и в особенности так называемые сектанты, почти все горячо верующие в христианскую истину люди, несогласные с существующим нехристианским устройством жизни и отыскивающие и устанавливающие новые формы христианской жизни» [Толстой 36: 483]. Речь идет о сектантах как *горячо* верующих, деятельно ищущих и устанавливающих «новые формы христианской жизни» — и *одновременно горячо* не принимающих современное устройство жизни. В понимании Толстого за этой горячностью открываются разные перспективы.

На их разнонаправленность писатель и отреагировал в своем ответе Власову, заканчивая черновик письма многоговорящим: «Любящий вас брат по духу». Итоговый текст открывался обращением: «Уважаемый брат Андрей Васильевич!» и завершился фразой «Любящий вас

брат Лев Толстой» [Толстой 72: 221]. Толстой настаивал, что в основе их общения лежит любовь (он дважды завершает свои тексты формулой «любящий вас брат»).

В итоговом тексте письма, с одной стороны, Толстой поддержал своего корреспондента («Только те люди служат делу Божьему, устанавливая Его царство на земле, которые обличают обманы князя мира и несут за это гонения. — Помогай Вам в этом Бог»). Но, с другой стороны, Толстой счел необходимым разграничить тему протеста против официальной власти — и тему братской любви. В горячности заявленного Власовым протеста писатель уловил опасность. И Толстой предостерег: «Одно могу посоветовать, то, чтобы в обличении не терять любви к заблудшему брату...» [Толстой 72: 221]. Всех тех, кому весьма резко отвечал Власов, Толстой предложил увидеть как заблудших братьев.

Ранее, в «Исповеди», Толстой описал свою беседу с одним из представителей Православия, в которой поставил вопрос о необходимости «выше принимать учение, так, чтобы с высоты учения исчезали бы различия» и указал при этом на старообрядцев, поставивших, как ему представлялось, «существенное в вере выше несущественного» [Толстой 23: 54–55]. Однако поддержки от собеседника не получил, а затем обобщил историю отношения власти и Церкви к сектантам, начиная со времен царя Алексея Михайловича: с одной стороны, в тех, кто не хочет «блюсти во всей чистоте греко-российскую православную веру», видели «заблудших братьев» [Толстой 23: 55], но с другой, отвечали им жестоким насилием.

Спустя годы, в письме бегуну Власову, Толстой акцентирует внимание на другой грани в истории двухсотлетнего конфликта: в решительном противостоянии власти и Церкви старообрядцы-бегуны тоже рискуют утратить «любовь к заблудшему брату».

Вторая проблема, актуализированная письмом бегуна, виделась Толстому в ситуации встречи человека с сакральным словом. Она предстает для позднего Толстого как неоднозначная и сложная.

В начале 1880-х гг. Толстой заинтересованно отнесся к фактам, свидетельствующим о стремлении его современников понять евангельский текст. При этом, с одной стороны, он отмежевался от великосветских увлечений (например, от всего того, что было связано с английским проповедником лордом Редстоком, посетившим Россию

в середине 1870-х гг., и с его последователями в кругу петербургской аристократии). Но, с другой, Толстой внимательно приглядывался к духовным поискам народа. К примеру, в письме к С. А. Толстой от 24 июля 1881 г. отмечал: «Интересны молоканы в высшей степени. Был я у них на молении, присутствовал при их толковании Евангелия и принимал участие, и они приезжали и просили меня толковать, как я понимаю; и я читал им отрывки из моего изложения и серьезность, интерес, и здравый, ясный смысл этих полуграмотных людей удивительны» [Толстой 83: 296]. В начале 1880-х гг. и у самого Толстого сложился свой опыт интерпретации евангельского текста во время работы над «Соединением и переводом четырех Евангелий» (1880–1884).

Однако в последующие годы Толстой задумался над другой стороной факта интенсивного толкования сакрального текста современниками. На первый взгляд может показаться, что его привлекло и насторожило многообразие разночтений. Рассмотрим письмо бегуна под этим углом зрения.

Первый — евангельский — фрагмент письма Власова указывает на базовые для него представления. Зачин этого фрагмента состоял из соединенных Власовым цитат из Евангелия от Матфея (за 24 стихом из гл. 16 следовал 38 стих из главы 10). С опорой на сакральный текст Власов опосредованно выразил мысль о необходимости «отвергнуть себя», затем — мирскую жизнь, определяемую современным государством и православной церковью; принять «крест свой».

Далее в евангельской части письма Власова следует фраза «А кто отвѣргнитсѣ отрода сего лукаваго и прелюбодейнаго, и грядѣтъ помнѣ тотъ падобинѣ мнѣ» [Толстой 72: 223], где упоминается «род лукавый и прелюбодейный» (Мф. 16: 4). В этой фразе Власов начинает перелаживать сакральный текст на свой лад. Ранее библиист А. П. Лопухин, поясняя стих 4 из главы 16 из Евангелия от Матфея и опираясь на толкование богослова Иоанна Златоуста, обращал внимание на то, что на просьбу фарисеев и саддукеев о знамении с неба Иисус отвечает, сдерживая гнев, «с выражением глубокого сожаления и глубокой скорби по поводу ослепления и заблуждения фарисеев и саддукеев» [Толковая Библия]. Старообрядец же трактует евангельский стих в другой смысловой и эмоциональной тональности. Он опирался на значение слова «лукавый», актуальное в середине XIX в. Слово «лука» зафиксировано словарем В. И. Даля, где указано одно из значений «лукавый»: «Лукавый,

хитрый и умышляющий, коварный, скрытный и злой, обманчивый и опасный, криводушный, притворчивый, двуличный и злонамеренный. В виде сущ. бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух» [Даль 2: 271].

Напомним, что бегуны, или странники, — это представители одного из беспоповских направлений русского старообрядчества. Одной из черт беспоповства была уверенность в том, что в настоящее время на земле царствует Антихрист. Слова Власова: «А кто отвѣргнется отрода сего лукаваго» — отвечают странническому учению о решительном отказе от мирской жизни, которая тесно связана с дьяволом. Не случайно далее в письме Власов представляет допрашивающего его следователя как слугителя дьявола: «Авы знайти кто отъ Христа требоволь поклонения и почести тотъ названъ діаволомъ» [Толстой 72: 225].

Завершается фрагмент словами: «Христось сказалъ[:] ученикъ невъшы учителя доволно для учиника такъ какъ быть и учитель Его т. е. чтобы каждый ученикъ Его Был совѣршенъ въ одну меру познай возрастъ Иисуса Христа Мужа совѣршеннаго такъ сказалъ Христось будти совѣршенны такъ какъ совѣршенъ отецъ вашъ небѣснай» [Толстой 72: 223]. В высказывании Власова совмещены три цитаты: «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего» (Мф. 10: 24), «доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4: 13) и «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48).

Согласно А. П. Лопухину, в стихе 10 главы 24 из Евангелия от Матфея выражена мысль о распространении на учеников всего того, что испытывает на своем пути их учитель, в том числе ненависти и гонения. Кроме того библиист ссылается на толкование Феофилакта Болгарского: ученик, усовершенствовавшись, может стать «как учитель его» [Толковая Библия]. Часть высказывания Власова в основном отвечает этим рассуждениям.

Стих 13 главы 4 из Послания к Ефесянам А. П. Лопухин трактует следующим образом: «Деятельность всех этих служителей Церкви и их преемников закончиться может только тогда, когда будет достигнута последняя высшая цель самого существования Церкви, т. е. когда все члены ее будут иметь веру во Христа одинаковой ясности и чистоты и когда, следов., прекратятся всякие споры о вере, не будет ни в ком из членов Церкви никаких колебаний в отношении к самому существован-

ному. Это состояние Ап. [Апостол. — А. П. Лопухин] определяет как состояние “человека совершенного”, т. е. с совершенно окрепшим взглядом на жизнь, и еще точнее — как достижение “меры полного возраста Христова”, т. е. такого состояния, в котором христиане наполнятся всеми благодатными силами, исходящими от Христа (ср. Еф 3: 19)» [Толковая Библия]. Показательно, что Власов опускает из новозаветного стиха зачин «доколе все придем в единство веры».

Если сравнить эти процитированные бегуном строки с таковыми из толстовского «Соединения и перевода четырех Евангелий», то выясняется, что Толстой специально не остановился на первых двух цитатах, а строку из 5 главы Евангелия от Матфея (Мф. 5: 48) перевел следующим образом: «Будьте же вы добры ко всем людям, как добр ко всем Отец ваш на небе» [Толстой 24: 247]. По мнению Толстого, слово «совершен» необходимо было уточнить: «здесь, очевидно, совершенство значит доброта» [Толстой 24: 254]. Понятно, что ко времени чтения евангельского вступления в письмо Власова Толстой уже выработал свое понимание Евангелий.

Власовское письмо напомнило Толстому о другом крестьянине — М. М. Максимове, который перешел из православия в старообрядчество, примкнув к согласию бегунов. С этим крестьянином Толстой был лично знаком. М. М. Максимов предпочитал толковать Апокалипсис, в котором видел «полное предсказание о всех судьбах человечества» [Толстой 55: 450]. Именно этого бегуна вспоминает Толстой, когда пишет Власову: «Писания дело рук человеческих, в них могут быть ошибки, и толковать, особенно Апокалипсис, каждый может по-своему» [Толстой 72: 221].

Возникает вопрос, что именно глубоко заинтересовало Толстого в письме Власова?

С одной стороны, Толстой понимал насущную необходимость духовного постижения современным человеком слов Писания. С другой стороны, в толкованиях священных текстов Толстой увидел стремление людей усвоить их истины на свой лад. Однажды Толстой рассуждал о мужике Василии Кирилловиче Сютаеве, о котором еще пойдет речь ниже: «Сютаев: “Бог в тебе” признает одно вечное, истинное, свойственное человеку миропонимание, и вместе с тем признает писание. И чтоб соединить одно с другим — перетолковывает духовно — евангелие. То же делают все не только сектанты, но и либералы, разъясня

материализм так, чтоб он совпал с единым истинным мирозерцанием» [Толстой 53: 242].

С третьей стороны, власовское письмо в очередной раз подтвердило его мысль о проблеме толкований священного текста и отдельным человеком, и религиозным или общественным движением: толкование становилось руководством к действию, выступало в качестве обоснования определенных, индивидуальных жизненных позиций и поведения, не способствовало единению людей.

Итак, проблемная ситуация встречи бегуна Власова с сакральным словом заключалась для Толстого не в разночтениях и не в «перетолковываниях» (и то, и другое прежде всего свидетельствовало о напряженном духовном поиске человека), но в тенденции опереться на него «в обличении лжи». Толстой дает совет Власову: «в обличении лжи больше упирать и полагаться на разум и любовь, а не на стихи из писания» [Толстой 72: 221]. Это высказывание — ключевое для понимания позиции писателя в отношении письма от старообрядца.

В ответном письме Толстой указал своему корреспонденту Власову: высоко над рознью людей в понимании Божественного стоит разум. Если учесть содержание главы «Разум» из толстовского труда «Круг чтения» [Толстой 41: 83–85], то под разумом в обращении к Власову имеется в виду способность избегать заблуждений.

«Разум же, — пишет Толстой, — нам дан прямо от Бога и всем: и татарам, и китайцам, и всем народам один и тот же, и в то, что говорит разум, нельзя не верить» [Толстой 72: 221]. В последнем случае писатель указывает на необходимость связи «всех народов» с Богом *напрямую*, минуя уже существующее разобщение по национальному признаку и вероисповеданиям.

Рассмотрение последующего материала предполагает не только текстологический, проблемно-тематический аспекты, но и индивидуально-творческий. Так, за ответом Власову последовало незамедлительное решение романиста включить в последнюю шестую редакцию романа «Воскресение» сцену на пароме, в которой Нехлюдов встречает старика-старообрядца.

Как указано в комментариях 90-томного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, в сцене на пароме А. В. Власов и М. М. Максимов выступили в качестве прообразов этого персонажа [Толстой 52: 365; 72: 223]. Позднее К. Н. Ломунов [Ломунов: 121], а за ним и современ-

ная исследовательница Е. А. Масолова ограничились указанием на М. М. Максимова [Масолова: 430–431]. Однако на наш взгляд, для сцены на пароме большое значение имеет письмо А. В. Власова, а для тюремной сцены встречи Нехлюдова со старообрядцем — сам М. М. Максимов, отличающийся повышенным вниманием к Апокалипсису.

К теме старообрядчества и сектантства в творчестве Толстого и в романе «Воскресение» в разное время обращались В. А. Жданов [Жданов: 371–375], К. Н. Ломунов [Ломунов: 121], С. С. Бытко [Бытко: 221–234]. В 1960–1970-е гг. В. А. Жданов и К. Н. Ломунов, рассматривая финальные главы романа, не придавали большого значения встрече старика-старовера с Нехлюдовым (позднее подобную точку зрения стала разделять Е. А. Масолова), а также не изучали ее евангельский план. С конца XX в. ситуация отчасти изменилась: проявился интерес к евангельскому плану последних глав романа, начиная с XX-й. Об этом свидетельствуют работы Е. Г. Новиковой [Новикова: 171–186] и Е. А. Масоловой. Кроме того, исследователей стала привлекать сцена на пароме [Бытко: 223–226], и они обратились к образу старика в ней [Тарасов: 28; Густафсон: 217]. Однако предметом специального внимания эта сцена до сих пор не стала.

Известный толстовед В. А. Жданов предпринял сопоставительный текстологический анализ письма Власова и эпизодов романа, где показан старик-старовер, и пришел к выводу, что письмо бегуна (исследователь определяет его как сектанта) «играет большую роль», однако его значение для финала романа было «не так велико, как можно было предположить» [Жданов: 374]. Не бунтарь-одиночка, но революционеры заняли, по его мнению, «видное место, сыграв значительную роль и в судьбе главных героев романа, и в развитии его социальной проблематики» [Жданов: 375]. Однако эта позиция В. А. Жданова, на наш взгляд, нуждается в корректировке.

В тексте письма Власова не цитируется евангельский стих: «Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин 1: 18), он лишь входит в контекст высказывания. В толстовском же романе (и в черновом варианте [Толстой 33: 309], и в итоговом тексте) этот стих цитируется стариком-раскольником: «Бога никто же не видел нигде же. Едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» [Толстой 32: 418]. Отметим, что на евангельскую цитату в романе указала Е. А. Масолова [Масолова: 423].

Важно, что далее романист вводит в рассуждения старообрядца то, что не присутствовало во власовском письме. Другими словами, предлагает продолжить осмысление этого направления в народном движении и намечает один из возможных путей его дальнейшего развития.

В черновом варианте рассматриваемой сцены автор романа — по резкому контрасту с письмом Власова, в котором обличительный план доминирует, — ввел религиозную тему единства всех людей. Толстовский старик заявил: «Никакой веры в меня нет. Никому я не верю, акроме себе». Далее пояснил: «Кабы себе верили, они не раскололись бы, потому дух один. А потому раскололись, что верят другим, а не себе. И я верил. И так запутался, что не чаял выбраться. И старове-ры, и новове-ры, и поповцы, и беспоповцы, и австрияки, и молокане, и субботники, и хлысты, и скопцы. Где истина? А истина в тебе. В тебе Бог и во мне. А Бог истин один. Значит, верь своему Богу и будешь в истине и со всеми съединен» [Толстой 33: 309]. Таким образом, героем утверждается, истина заключена в самом человеке («истина в тебе»), что в каждом человеке есть Бог («В тебе Бог и во мне»). И все это лежит в основе единства всех людей.

Старик говорит, весьма свободно перечисляя старообрядческие толки и согласия, не о церковном расколе XVII века, но о развернувшемся в истории России двух последних столетий процессе раскалывания, распада связей между людьми и утрате ими христианской истины. Здесь можно усмотреть противоречие: старообрядец говорит слова, направленные против него самого. Однако романист не делает акцент на этом противоречии. По-видимому, он предполагает здесь другую смысловую перспективу: от разъединения начинается едва заметное движение к единению. И потому старик решительно отвечает на определение ямщика в свой адрес: «Я не бродяга, знаю куда иду. Кто не знает куда идет, тот бродяга. Вот вы не знаете, вы и бродяги» [Толстой 33: 308].

В итоговом тексте пассаж о старообрядцах и сектантах не повторен буквально, но смысл в основном сохранен. Однако прежде всего нас интересует следующий фрагмент: в черновом варианте «Где истина? А истина в тебе. В тебе Бог и во мне. А Бог истин один. Значит, верь своему Богу и будешь в истине и со всеми съединен» [Толстой 33: 309], а в окончательном тексте «Вер много а дух один. И в тебе, и во мне, и в нем. Значит, верь всяк своему духу, и вот будут все соединены. Будь всяк сам себе, и все будут заедино» [Толстой 32: 419].

И в этом фрагменте (как в черновом варианте, так и в окончательном тексте) романистом введена тема единства людей в христианской истине с опорой на «сютаевскую философию». С простым мужиком Сютаевым, самобытным народным мыслителем, писатель, как известно, познакомился еще в 1881 г. В трактате «Так что же нам делать?» (1882–1886) Толстой подчеркнул: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мирозозерцание. Люди это были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два живущие теперь замечательные человека, оба всю жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев» [Толстой 25: 386].

Именно от Сютаева Толстой впервые услышал: «Всё в тебе». Бог, по мнению этого народного мыслителя, заключен в самом человеке, в каждом человеке. Это сютаевское высказывание, по свидетельству современников, Толстой часто повторял. Оно входило в его дневники и записные книжки. Знаменательна, к примеру, запись: «“Все в тебе”, говорил он, “в любви”. И все, что нужно и можно сказать, было сказано» [Толстой 38: 288]. 29 ноября 1907 г. Толстой пометил: «Записать нужно довольно много, но нынче не буду. Запишу только самое существенное, то, что испытываю сейчас уже благотворность той душевной деятельности, которой я отдался. В самом телесно дурном состоянии и расположении духа — мне хорошо. Мало того, что хорошо, — радостно. Как удивительно, *de gaieté de coeur*¹ губят свои жизни люди, попуская себя на раздражение. Все в “табе”, как говорил Сютаев. Смотри с любовью на мир и людей, и он так же будет смотреть на тебя» [Толстой 56: 82]. Квинтэссенция сютаевских мыслей выражена в следующей дневниковой записи Толстого от 11 августа 1908 г.: «Да, “все в тебе и все сейчас”, как говорил Сютаев, и все вне времени. Так что же может случиться с тем, что во мне и что вне времени, кроме блага» [Толстой 56: 144]. Сютаевское «Все в тебе» в земной жизни объединяет человека и Бога, человека и других людей, в основе этого любовь. Толстой добавляет: не только в земной жизни, но и за ее пределами, где нет времени.

Введение в роман отсылки к «сютаевской философии» намечает и для старика-старообрядца, и для его слушателей, в том числе для Нехлюдова направление на пути духовных исканий. Следующие со

---

¹ *de gaieté de coeur* — с легким сердцем (франц.).

стариком на пароме вряд ли откликнулись на его размышления, среди них ямщик как человек дороги. «Так, бродяжка непутевый», — заключает он [Толстой 32: 419]. Однако Нехлюдов поддерживал разговор со стариком, задавая вопросы.

Итак, Толстой в сцене на пароме как бы соединил в образе раскольника как «странствующего наставника» (вспомним определение, принадлежащее историку А. П. Щапову) двух мужиков: А. В. Власова и В. К. Сютаева. Это, на первый взгляд, не лишено парадоксальности: в одном образе были сведены два противоположных характера — протестный и миролюбивый. В одно сложное целое (по воле романиста) сошлись, с одной стороны, мысли о горячей вере и деятельном протесте, об одиноком отпадении от окружающих (не только от представляющих государственную власть, но и от других мужиков) — а с другой, об искомом единстве всех людей (поверх их национальностей и их вероисповеданий).

Однако парадоксальность снимается тем, что исподволь в тематическую структуру сцены введена тема духовного пути. Включение сютаевских мыслей во власовский текст не предполагает их контрастного соотнесения, но — сопряжения: старик уже приблизился к пониманию того, что необходимо преодолеть рознь между верующими, а также прийти к пониманию того, что «Все в тебе». Сценой на пароме власовско-сютаевский путь намечен как путь «непротивления злу насилием».

Одновременно, однако, необходимо обратить внимание, что после размышлений старика в сютаевском духе в его же речах вновь заявило себя протестное настроение.

При этом отметим, что это настроение отчасти было стусеновано романистом от черновика к итоговому тексту. Так, в черновой записи сцены на пароме романист обратился к основной части власовского письма, почти точно воспроизводя его. Это относится, к примеру, к следующей части в черновом варианте: «Какого ты государства?» — «У меня нѣтъ государства». — «Признаешь царя?» — «Какого царя?» — «Александра Александровича». — «Онъ себѣ царь, а я себѣ царь. Мнѣ до него нѣтъ надобности никакой». — «Ты присягалъ ему?» — «Нѣтъ. Я ему не присягалъ, и онъ мнѣ не присягалъ». Вместе с тем, уже в черновом варианте некоторые формулы из власовского письма были сняты: толстовский персонаж не отрезает себя от других именованьем «Неваш», ограничиваясь определением «стал сам себе» [Тол-

стой 33: 310]. В окончательном тексте речь старика-старообрядца уже не столь резка по своему тону, герой спокойно отвечает на вопросы ямщика и Нехлюдова и не пытается идти с ними на конфликт. Эпатажное во власовском письме именование «Неваш» сменено на «человек». Однако в целом протестный дух высказываний и поведения старовера романистом не снят.

По существу, в финале романной сцены на пароме актуализирована тема идеала, сложности и возможности его достижения. Согласно Толстому, для человека открыт путь жизни, он писал: «Цель жизни есть ... проникновение всех ее явлений любовью, есть медленное, постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни, (потому что истинная жизнь есть только любовная)» [Толстой 53: 22]. На пароме встретились два путника: старообрядец и Нехлюдов, находящиеся на разных этапах восхождения к истине.

Сцена на пароме архетипична в своей основе: между двумя берегами устанавливается связь, связь между старым и новым, прошлым и будущим, известным и неизвестным, своим и иным; на новом берегу начинается новая жизнь, открываются иные горизонты. Эта сцена символична, в ней сочетаются ближний зримый земной план и дальний, раскрытый к искомому человеком христианскому идеалу любви: моста над рекой времени еще нет, но паром движется, и переправа в неведомый новый мир возможна. Эта сцена выходит за пределы сюжета беседы-перепапки между случайно встретившимися людьми и разворачивается в область бытийного, где нет времени.

Сцена на пароме имеет свою историю в творчестве Толстого: она напрямую соотносится с подобной в романе «Война и мир». Беседуя на пароме, Пьер и князь Андрей обращались к вечным вопросам жизни [Бочаров: 391–397]. Пьер поделился с другом итогом своих нынешних представлений: «На земле, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — всё ложь и зло; но в мире, во всем мире есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно дети всего мира» [Толстой 10: 116]. Весь мир оказался противопоставлен земной жизни человека, но с этим не может согласиться ни Пьер, ни князь Андрей.

В сцене на пароме из романа «Воскресение» важна тема расхождения между современной земной жизнью как разъединением людей и устремлением человека к истинной жизни, объединяющей всех любовью, при этом актуализирована тема предельной сложности пути чело-

века к истине. Если в «Войне и мире» сцена на пароме — один из этапов на пути духовных исканий главных героев, то в «Воскресении» она поставлена в завершение всего произведения. Эпическая мысль о необходимости единства всех словно выходит из стихии народной жизни, динамично разворачивающейся в поисках истины между протестом, в том числе в крайних его проявлениях, и любовным отношением к миру.

Далее постараемся ответить на вопрос, какова роль сцены на пароме в проблемно-тематической структуре финальных глав романа «Воскресение». Осветим два тематических плана.

По отношению к завершающим роман главам Е. Г. Новикова совершенно справедливо заключила: «Специфика толстовской позиции во многом связана с критикой идеи посредничества между человеком и христианским текстом» [Новикова: 175]. Вместе с тем исследовательница не рассматривает сцену на пароме.

Если принять сложившуюся в толстоведении точку зрения, что в состав финальной части романа «Воскресение» входят главы с XXV по XXVIII-ю, то интересующая нас сцена на пароме в романский финал не включена. Однако необходимо учесть, что в трех последних главах романа важна проблема понимания новозаветного слова современным человеком, и она, с нашей точки зрения, в финальных главах романа задана и актуализирована сценой на пароме.

Нехлюдов встречается со стариком дважды: в сцене на пароме, а также в одной из камер тюремного острога. Между одной и второй сценами с участием старика и Нехлюдова дана сцена с американским миссионером, обратившимся к заключенным. После этих трех сцен идет завершающее роман повествование о Нехлюдове, раскрывшем Евангелие и начавшем его читать. В этом контексте сцены последнего свидания Нехлюдова с Масловой, а также посещения им генерала на данный момент нами не рассматриваются.

Все упомянутые четыре части финальных глав, начиная со сцены на пароме, имеют общее. Их объединяет новозаветный контекст и то, что каждый раз сакральное слово стоит в центре. Однако при этом существует разница. Она выражена, во-первых, в составе участников, а во-вторых, избранием определенным героем конкретного фрагмента из Нового Завета. На пароме старообрядец отсылает к стихам из Евангелий от Матфея и Иоанна, американский миссионер основной акцент

сделал на Нагорной проповеди, тот же старообрядец, но уже в тюремной камере, оперирует образами из Откровения св. Иоанна Богослова. Возвратившийся из тюрьмы в гостиницу Нехлюдов читает главы из Евангелия от Матфея, а затем Нагорную проповедь.

Отличие обусловлено и разными формами общения человека с евангельским текстом: в сценах со многими участниками сакральный текст *вслух* цитируется (включая лишь отсылки) определенным героем для окружающих его слушателей, а также интерпретируется на тот или иной лад; в повествовании, завершающем роман, Нехлюдов читает текст *про себя и в одиночку* [Новикова: 175]. Нехлюдов сам — напрямую — восходит к пониманию Евангелия. При этом читатель должен принять условность этой ситуации: за читающим Нехлюдовым, как справедливо полагает Е. Г. Новикова, стоит автор, отслеживающий и направляющий контакт своего героя с евангельским текстом.

Во всех этих сценах (а не только в сцене на пароме) присутствует, повторим, общий проблемный план — посредничества (между сакральным словом и слушателями есть посредник, так или иначе воздействующий на них).

Старик в сцене на пароме, а также в тюремной сцене отсылает к сакральному тексту, частично его цитируя. На этой основе строится его поведение и обращенное к слушателям высказывание. *Англичанин* — еще один посредник, однако в случае с ним евангельское слово дано в двойном преломлении: сначала его на английском языке толкует миссионер, а затем сказанное им переводит на русский Нехлюдов. В таком случае понятно, что активное неприятие услышанного со стороны заключенных обусловлено не столько смыслом привлеченных миссионером стихов из Нагорной проповеди (Мф. 5: 39), сколько самой этой ступенчатостью толкования (по сути, дана сцена двойного перетолкования сакрального текста, которая носит театральный характер, заключенные же становятся ее зрителями). *Автор романа*, направляющий чтение Нехлюдова, выведен за пределы собственно сюжетно-фабульного плана романа.

И старик в сцене на пароме, и миссионер, как кажется, потерпели неудачу. Ямщик, сходящий с парома, охарактеризовал старика, повторим, «бродяжкой непутевым». Англичанину заключенные ответили «общим неудержимым хохотом», в результате в жанровом отношении сцена была оформлена как комическая (развернуто эту сцену проана-

лизировала Е. Г. Новикова [Новикова: 174–175]). Однако ранее старик в сцене на пароме не осмеян, он оказал-таки воздействие на Нехлюдова, и это произошло благодаря включению в его речь сютаевской мысли.

Если англичанин глубинных корней в русской культуре не имеет, то старик и его миропонимание — как в сцене на пароме, так в тюремной сцене — вырастают из многонаполненной народной жизни.

В целом тема посредничества под сомнение не поставлена, о чем уже написала Е. Г. Новикова [Новикова: 175]. Однако важно указать и на тот тематический компонент, который был едва намечен контекстом сцены на пароме, а конкретно — ответом Толстого Власову: над расхождением представителей разных направлений, толков, согласий в старообрядчестве, а также разных вероисповеданий должен возвышаться Разум, идущий всем и напрямую от Бога.

Второй тематический план включает в себя тему насилия и ответных тем — протеста или любви.

После миссионерской сцены, в центре которой стоят стихи из Нагорной проповеди, следует другая, в которой вновь появляется старик-старообрядец. В двух этих тюремных сценах тема протеста развивается по нарастающей. И у этого есть свои объяснения. Изначально важно помнить, что Толстой полагал: народ сознательно не принимает участие в насилии и, как следствие, подчиняется ему. Вспомним и слова Достоевского о «смиреннолюбии» русского народа. Вместе с тем сцены в остроге, который после светского приема у генерала посетили Нехлюдов и англичанин, свидетельствуют, что у стоической, смиренной, многовековой мудрости народа есть предел: если народу не дадут жить его христианской жизнью, то русская революция неизбежна.

Чрезвычайно важно, что в своей речи, обращенной при других сокамерниках к зрителю, а затем и к Нехлюдову, старообрядец отсылает к стихам из Откровения св. Иоанна Богослова: о царстве зверя и о его «печати» (Откр. 13: 15–16; 14: 9) (Отсылки к этим стихам отмечены Е. Г. Новиковой). Поведение старика, избранные им цитаты из Откровения имеют безоговорочно обличительный характер. И это — по большому счету — отвечает одной из магистральных проблемно-тематических линий произведения. В романе «Воскресение», с точки зрения М. М. Бахтина, была дана «абсолютно отрицательная критика действительности» [Бахтин: 199].

Однако именно с этой сцены в тюремной камере решительно расходятся пути Нехлюдова и старика-раскольника, не пожелавшего увидеть в тех, кого обличает, заблудших братьев. Но, с другой стороны, это же дает и толчок для дальнейшего романного действия: Нехлюдов, немедленно покинувший тюремный острог, открывает Евангелие и начинает его читать.

Для прекращения насилия, по Толстому, «есть только одно средство: средство это в том, чтобы люди поняли про себя, что они такое, и вследствие этого признали бы, что они всегда при каких бы то ни было условиях должны и чего никогда ни при каких условиях не должны делать, в том числе и всякого рода насилия человека над человеком, несовместимого с сознанием человеком своего человеческого достоинства» [Толстой 38: 266]. В основе этого рассуждения лежит все та же сютяевская мысль «Всё в тебе» («средство это в том, чтобы люди поняли про себя, что они такое»).

В финале романа говорится, что «Нехлюдов понял теперь, что общество и порядок вообще существует не потому, что есть эти узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что, несмотря на такое развращение, люди все-таки жалеют и любят друг друга». Человек, по-сютяевски помнящий, что «Всё в тебе», открыт к любви. «Сютяевское» зерно, брошенное стариком в сцене на пароме, прорастает в рассуждениях главного героя романа. И Нехлюдов понимает: «...человек не только не должен ненавидеть врагов, не воевать с ними, но должен любить их, помогать, служить им». Герой романа впервые глубже уясняет истины Нагорной проповеди: «он нынче в первый раз увидел в этой проповеди не отвлеченные, прекрасные мысли и большею частью представляющие преувеличенные и неисполнимые требования. А простые, ясные и практически исполнимые заповеди...» [Толстой 32: 443].

Между финальными сценами романа «Воскресение» (начиная со сцены на пароме и до конца) и поздним рассказом «Божеское и человеческое» есть прямая и теснейшая связь. Прообразами беспоповца в этом рассказе становятся, как уже отмечено [Толстой 52: 365], М. М. Максимов и А. В. Власов. Толстой многое повторяет и в композиционном плане (фабула, система персонажей, тип связи между сценами, др.), но главное — находится в том же проблемно-тематическом поле. Толстой словно договаривает и доводит до полной ясности сказанное прежде в финальной части романа.

В контекст рассказа вновь входит власовское письмо. Каждый раз — и в романе, и в рассказе — находящийся в тюремной камере старик отсылает к стихам Откровения св. Иоанна Богослова. Разница, однако, состоит в выборе: в романной сцене старообрядец ссылается на то, что отвечает его резко-обличительным речам, а в рассказе звучат те стихи, которые свидетельствуют о просветлении его духа. В рассказе Толстой дает дальнейшую историю беспоповца — от протеста он разворачивается к любовному отношению к миру.

В высшей степени показателен комментарий Толстого к опубликованному роману: «В этом сочинении несколько руководящих идей. ... В нем я ... хотел изобразить несколько родов любви: возвышенную, плотскую и любовь еще высшего сорта, облагораживающую человека; в ней-то — в этой последней любви — и есть воскресение» [Интервью и беседы с Львом Толстым: 143].

Итак, письмо Власова вошло в контекст двух встреч Нехлюдова со старообрядцем в романе «Воскресение», а позднее — рассказа «Божеское и человеческое». Оно стало одним из факторов, способствовавших уточнениям в проблемно-тематической структуре завершающих глав «Воскресения».

Важнейшими в финальных главах романа становятся две темы: обращения к Богу напрямую без какого-либо посредника, а также духовного пути к истине. Старик и Нехлюдов соотнесены как герои пути; правда, мысль о раскольнике как герое пути в романе всего лишь намечена «сютаевским» высказыванием. Только в позднем рассказе «Божеское и человеческое» предстанет беспоповец, отказавшийся в последние годы своей жизни от протестной позиции. И этот герой, в пояснении повествователя, добавит к уже сказанному ранее самим писателем в письме к Власову (в борьбе с ложью необходимы разум и любовь) не менее важные понятия — «добро и смирение» [Толстой 42: 224].

Сцена на пароме эпична, ибо вырастает из истории государственности допетровского (с церковного раскола) и петровского времени, утрачивающей к концу XIX столетия свои сущностные основания и вырождающейся в насилие, а также из истории самобытного движения народа в поисках истины — как в искомой перспективе обретения любовного единства всех, так и в реальной опасности борьбы и протеста.

Вместе с тем эта сцена включена в ряд последующих сцен не только

финальной части романа «Воскресения», но и в контекст рассказа «Божеское и человеческое» — за этим стоит уверенность Толстого в необходимости для современного человека двигаться, избегая заблуждений, по духовному пути ко всеобъединяющим любви, добру и смирению.

Список литературы

Источники

- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Ивановский Н. И.* Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб.: Изд. журнала «Миссионерское обозрение», 1901. 102 с.
- Интервью и беседы с Львом Толстым. М.: Современник, 1986. 525 с.
- <*Страхов Н. Н.*> Рецензия на книгу «Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б.» // *Время*. 1861. № 10. С. 79–100.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.
- Щапов А. П.* Сочинения: в 3 т. СПб.: М. В. Пирожков, 1906. Т. 1. 803 с.

Исследования

- Агашина Е. Н.* Тема религиозного раскола в журнале М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 5–7.
- Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 2000. Т. 2. 800 с.
- Бочаров С. Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир» // Война из-за «Войны и мира»: роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 355–439.
- Бытко С. С.* Старообрядцы и старообрядчество в творчестве Л. Н. Толстого: к постановке проблемы // Материалы научных сессий 2019 года в Государственном музее Л. Н. Толстого. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 221–234.
- Густафсон Р. Ф.* Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб.: Академический проект, 2003. 480 с.
- Жданов В. А.* Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Материалы и наблюдения. М.: Сов. писатель, 1960. 450 с.
- Леонтьева О. Б.* Народ-нация и народ-демос в зеркале исторической памяти российского общества XIX – начала XX века // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 196–212.
- Ломунов К. Н.* Над страницами «Воскресения». М.: Современник, 1979. 384 с.
- Масолова Е. А.* Евангельский текст в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 3. С. 421–435. DOI: 10.15393/j9.art.2015.2930
- Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М.: Наука,

1972. 317 с.

Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX в. Томск: Томск. гос. ун-т, 1999. 254 с.

Саусу Н. Образ наставника в творчестве Ф. М. Достоевского конца 1860-х – начала 1870-х гг.: св. Тихон Задонский, К. Е. Голубов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 194 с.

Снигирева С. Д. Старообрядчество и сектантство в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 152 с.

Тарасов А. Б. Праведники и подвижники и тема воскресения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 21–29.

Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А. П. Лопухина. М.: Дар, 2009. Т. 6.: Четвероевангелие. URL: <https://bible-teka.com/lopuhin-bible> (дата обращения: 04.06.2022).

Шмелева А. В. Древнерусская литература // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. С. 605–606.

References

Agashina, E. N. “Tema religioznogo raskola v zhurnale M. M. i F. M. Dostoevskikh ‘Vremia.’” [“The Theme of the Religious Schism in the Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky ‘Time.’”]. *Gumanitarnye issledovaniia v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, 2010, pp. 5–7. (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. 800 p. (In Russ.)

Bocharov, S. G. “Roman L. Tolstogo ‘Voina i mir.’” [“L. Tolstoy’s Novel ‘War and Peace.’”]. *Voina iz-za ‘Voiny i mira’: roman L. N. Tolstogo v russkoi kritike i literaturovedenii* [War Because of ‘War and Peace’: L. N. Tolstoy’s Novel in Russian Criticism and Literary Criticism]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002, pp. 355–439. (In Russ.)

Bytko, S. S. “Staroobriadtsy i staroobriadchestvo v tvorchestve L. N. Tolstogo: k postanovke problem” [“Old Believers and Old Believers in the Work of L. N. Tolstoy: To the Formulation of the Problem”]. *Materialy nauchnykh sessii 2019 goda v Gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo* [Materials of Scientific Sessions of 2019 at the State Museum of L. N. Tolstoy]. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 221–234. (In Russ.)

Gustafson, R. F. *Obitatel' i chuzhak. Teologiia i khudozhestvennoe tvorchestvo Lva Tolstogo* [Inhabitant and Stranger. Theology and Artistic Creativity of Leo Tolstoy]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)

Zhdanov, V. A. *Tvorcheskaia istoriia romana L. N. Tolstogo “Voskresenie.” Materialy i nabliudeniia* [Creative History of the Novel by L. N. Tolstoy “Resurrection.” Materials and Observations]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 450 p. (In Russ.)

Leont'eva, O. B. “Narod-natsiia i narod-demos v zerkale istoricheskoi pamiaty rossiiskogo obshchestva XIX – nachala XX veka” [“People-nation and People-demos in the Mirror of the Historical Memory of Russian Society in the 19th – Early 20th Centuries”].

Dialog so vremenem, issue 39, 2012, pp. 196–212. (In Russ.)

Lomunov, K. N. *Nad stranitsami “Voskreseniia” [Above the Pages of the “Resurrection”]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1979. 384 p. (In Russ.)

Masolova, E. A. “Evangel’skii tekst v romane L. N. Tolstogo ‘Voskresenie.’” [“The Gospel Text in L. N. Tolstoy’s Novel ‘Resurrection.’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 15, no. 3, 2017, pp. 421–435. DOI: 10.15393/j9.art.2015.2930 (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh “Vremia.” 1861–1863 [Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky “Time.” 1861–1863]*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 317 p. (In Russ.)

Novikova, E. G. *Sofinost’ russkoi prozy vtoroi poloviny XIX v. [Sophynost’ of Russian Prose of the Second Half of the 19th Century]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999. 254 p. (In Russ.)

Saisu, N. *Obraz nastavnika v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kontsa 1860-kh – nachala 1870-kh gg.: sviatoi Tikhon Zadonskii, K. E. Golubov [The Image of a Mentor in the Works of F. M. Dostoevsky in the Late 1860s – Early 1870s: St. Tikhon Zadonsky, K. E. Golubov: PhD Dissertation]*. St. Petersburg, 2020. 194 p. (In Russ.)

Snigireva, S. D. *Starobriadchestvo i sektantstvo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Old Believers and Sectarianism in the Works of F. M. Dostoevsky: PhD Dissertation]*. Moscow, 2020. 152 p. (In Russ.)

Tarasov, A. B. “Pravedniki i podvizhniki i tema voskreseniia v romane L. N. Tolstogo ‘Voskresenie.’” [“The Righteous and Ascetics and the Theme of Resurrection in L. N. Tolstoy’s Novel ‘Resurrection.’”]. *Filologicheskie nauki*, no. 5, 2001, pp. 21–29. (In Russ.)

Lopukhin, A. P., editor. *Tolkovaia Bibliia, ili Kommentarii na vse knigi Sviatogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta: v 7 t. [Explanatory Bible, or Commentaries on all the Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament: in 7 vols.]*, vol. 6: Chetveroevangelie [Four Gospels]. Moscow, Dar Publ., 2009. Available at: <https://bible-teka.com/lopuhin-bible> (Accessed 04 June 2022). (In Russ.)

Shmeleva, A. V. “Drevnerusskaia literatura” [“Old Russian Literature”]. *L. N. Tolstoi: entsiklopediia [L. N. Tolstoy: Encyclopedia]*, comp. and scientific ed. N. I. Burnasheva. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2009. pp. 605–606. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-138-153>
<https://elibrary.ru/MYQRPK>
Научная статья и публикация архивных документов
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. В. Ш. Авидзба

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа
г. Сухум, Абхазия

Роль наследия Л. Н. Толстого в развитии культуры и литературы Абхазии конца XIX–XX в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований в рамках научного проекта
№ 20-012-00098А «Подготовка научного издания «Абхазский текст в русской
словесности XIX–XX вв. Антология»»*

Аннотация: В статье рассматривается влияние наследия Л. Н. Толстого на развитие абхазской художественной литературы и культурной жизни Абхазии. Утверждается, что на этапе зарождения национальной литературы Толстой был одним из наиболее переводимых русских писателей. Узнавание произведений Толстого абхазскими читателями, как показано, началось с его педагогических статей и кратких рассказов для детей и народа. Представлены списки впервые переведенных на абхазский язык и наиболее часто переводимых рассказов Толстого. Автор статьи обращается к литературоведческой проблеме перевода классики на абхазский язык. Проведен обзор произведений Толстого и статей о Толстом, изданных на абхазском языке в XIX–XX вв. Выявлено и проанализировано значительное количество материалов, посвященных Толстому и опубликованных в газете «Советская Абхазия». Автором подробно рассматриваются различные версии встречи Толстого с Н. Ладария.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Н. Ладария, абхазская литература, переводы, переводчики, культурное наследие, классика.

Информация об авторе: Василий Шамониевич Авидзба, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, ул. Аидгылара, д. 44, 384900 г. Сухум, Республика Абхазия.

Е-mail: v.avidzba@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 23.07.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Авидзба В. Ш. Роль наследия Л. Н. Толстого в развитии культуры и литературы Абхазии конца XIX–XX в. // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 138–153. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-138-153>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 138–153. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 138–153. ISSN 2686-7494
Research Article and Publication
of Archival Documents

© 2022. Vasilii Sh. Avidzba

D. I. Gulia Abkhazian Institute for Humanities
Sukhum, Abkhazia

The Role of Leo Tolstoy's Legacy in the Development of Abkhaz Culture and Literature in Late 19th–20th Centuries

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00098A “Preparation of the Scientific Publication *Abkhaz Text in Russian Literature of the 19th–20th centuries. Anthology.*”

Abstract: The article examines the influence of Leo Tolstoy's legacy on the development of Abkhaz fiction and the cultural life of Abkhazia. At the stage of the birth of national literature, Tolstoy was one of the most translated Russian writers. The recognition of Tolstoy's works by Abkhaz readers, as shown, began with his pedagogical articles and short stories for children and the people. The author of the article presents lists of Tolstoy's stories first translated into the Abkhaz language and most frequently translated. The research addresses the literary problem of translating the classics into the Abkhazian language. The article also contains a review of the works of Tolstoy and articles about Tolstoy published in the Abkhaz language in the 19th–20th centuries, including a significant amount of materials dedicated to Tolstoy and published in the newspaper “Soviet Abkhazia.” The author examines in detail various versions of Tolstoy's meeting with N. Ladaria.

Keywords: L. N. Tolstoy, N. Ladaria, Abkhaz literature, translations, translators, cultural heritage, classics.

Information about the author: Vasilii Sh. Avidzba, PhD in Philology, Senior Researcher, D. I. Gulia Abkhazian Institute for Humanities, Aidgylara St. 44, 384900 Sukhum, Abkhazia. E-mail: v.avidzba@yandex.ru

Received: July 23, 2022

Approved after reviewing: September 19, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Avidzba, V. Sh. “The Role of Leo Tolstoy's Legacy in the Development of Abkhaz Culture and Literature in Late 19th–20th Centuries.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 138–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-138-153>

Л. Н. Толстой принадлежит к числу тех писателей, чье творчество неизменно привлекало и продолжает привлекать пристальное внимание думающей части человечества. Созданные им литературные образы, художественные приемы изображения жизни и людских судеб во многом определили ход не только русской, но многих национальных литератур и, в целом, мировой литературы. Его философия, мировоззрение, результаты просветительской деятельности имели своих сторонников, последователей и противников. Хотя Толстой не бывал в Абхазии и ничего не писал о Стране души, его влияние на культурную жизнь Абхазии было ощутимым и значимым.

Существует семейное предание о встрече и беседе Толстого с абхазским священником-просветителем Н. В. Ладария¹. Его внук — ленинградский поэт, кандидат технических наук Олег Юрков-Ладария² — пишет: «Мой дед — Николай (Шериф) Ладария в первой половине девяностых годов XIX века встретился в Анапе с Львом Толстым. Можно предположить, что, живя в Гаспре, Лев Николаевич совершил путешествие морем в Анапу, а может быть, и далее, в предгорье Кавказа, освежить впечатления боевой молодости. Впереди была работа над повестью “Хаджи-Мурат”».

Молодой кавказец обратился к Толстому за советом — как жить? К моменту встречи с Толстым дед был уже автором воспоминаний “На заре моей жизни”, опубликованных в октябре 1891 года в журнале “Исторический вестник”; был женат на молодой учительнице Алексан-

---

¹ Ладария Николай Васильевич (1866–1924) — деятель народного просвещения, церковнослужитель, переводчик на абхазский язык богослужебной литературы.

² Юрков-Ладария Олег Владимирович (1935–2020) — кандидат технических наук, поэт, член Союза писателей России и писательской ассоциации «Литературное объединение “Соратники”», автор пятнадцати стихотворных книг, трехтомника избранных сочинений.

дре Ивановне Денисовой — дочери небогатого петербургского купца. Молодой священник мучительно думал: “Может быть, перебраться в Петербург, к родителям жены, избрать литературное поприще? Ведь Сашеньке, привыкшей к шуму имперской столицы, скучно в глухом абхазском селе Абгархук? Что скажет на это Толстой?”

Лев Николаевич внимательно выслушал кавказца и сказал примерно следующее: “Вы хотите стать литератором или священником и жить в Петербурге? Но ведь священников у русских много, особенно в Питере. А ваш маленький народ весьма нуждается в просвещении. Живите там, где Вы живете, учитесь на священника, несите православие своему народу”.

Так, по совету Толстого, и стал мой дед одним из первых абхазских православных просветителей. Таково предание, доказывать истинность которого навряд ли целесообразно, надо просто ему верить» [Юрков-Ладария: 26]. Этой же версии придерживается и известный литературовед и близкая родственница М. Г. Ладария. В одной из своих статей, посвященных судьбе членов семьи Василия Ладария (отца Николая. — В. А.), она также упоминает о встрече Николая Ладария в Крыму с Л. Н. Толстым, которая «в какой-то мере определила его личную судьбу, советом создать семью на родной земле, а не в чуждой ему Северной Пальмире...» [Ладария: 9].

Не ставя под сомнение реальность возможной встречи Н. Ладария с Толстым, все-таки заметим, что «крымская версия» содержит ряд нестыковок и вольных предположений, которые не могут подтвердить возможность подобной встречи в Крыму в указанное время. И вот почему: известно, что Толстой бывал в Крыму трижды: во время Крымской войны, в 1885 г., и с сентября 1901 по май 1902 г. Стало быть, встреча Н. Ладария с писателем могла состояться не в первой половине 1890-х гг., как пишет О. В. Юрков-Ладария, а во время последнего пребывания писателя в Крыму. В дневниковых записях этого периода Толстой не упоминает о встрече и беседе с будущим абхазским священником. Также нет подтверждений о поездке Толстого в Анапу, чтобы *освежить впечатления боевой молодости*: состояние здоровья этому не способствовало. Упоминание о том, что *впереди была работа над повестью «Хаджи-Мурат»*, также не совсем согласуется с этим периодом жизни писателя, поскольку в 1902 г. работа над повестью находилась в завершающей стадии. Если же допустить другой вариант, согласно

которому встреча Толстого и Н. Ладария состоялась во время второго пребывания писателя в Крыму, в 1885 г., то вступает в противоречие выход в свет упомянутых воспоминаний Н. Ладария «На заре моей жизни» (1891).

Существует иная версия о встрече Н. Ладария с Л. Н. Толстым. Она принадлежит поэту и литературоведу Б. А. Гургулиа. По его версии, встреч было две: первая была случайной — Н. Ладария познакомился с писателем в дороге, когда ехал с Кавказа в Петербург. Эта встреча настолько впечатлила молодого человека, что когда у него возникла трудноразрешимая жизненная ситуация, он решил навесить Толстого и обратиться к нему за советом, как ему поступить, что и было сделано. Как видим, в этой версии отсутствует конкретика: нет деталей о времени и месте этих встреч. Зато представлен ряд важных уточняющих подробностей истории знакомства Н. Ладария со своей будущей женой. Так, Б. Гургулиа пишет, что это знакомство состоялось в Туапсе, в имении петербургского коммерсанта Серебрякова, имевшего виноградные плантации, у которого Н. Ладария работал главным виноделом¹. В имение Серебрякова на отдых приезжала семья петербургского купца Ивана Денисова. В 1891 г. во время пребывания здесь его дочери Александры и состоялось знакомство ее со своим будущим мужем. Кроме того, согласно версии Б. Гургулиа, Серебряков планировал перевести Николая в Петербург, на работу своей головной фирмы. Очевидно, что такие важные обстоятельства для разрешения возникшей дилеммы в выборе пути могли подвигнуть молодого человека обратиться за советом к Толстому. К сожалению, Б. Гургулиа не дает ссылок на источники, но, скорее всего, изложенные им факты соответствуют реальным событиям жизни Н. Ладария. В частности, прибытие в 1892 г. делегации сватов из Абхазии в семью невесты в Петербург, на церемонию обручения, соответствует времени вступления в брак Николая Ладария и Александры Денисовой [Гургулиа].

Отрывочность биографических сведений самого Н. Ладария также не позволяют уточнить, когда, где и при каких обстоятельствах произошла или произошли его встречи с Толстым. Но, повторим, факты

---

¹ С этим фактом согласуется и публикация в 1908 г. поучительного рассказа Н. Ладария «Хорошее вино» о технологии возделывания качественного вина [Книга: 36–38].

встречи и беседы вряд ли стали результатом чьей-то выдумки или фантазии. Скорее всего, как это часто бывает, потомки не сохранили в полноте и последовательности информацию, изложенную в устной форме. Завершая данный сюжет, заметим, что поиски для уточнения деталей этой встречи стоит продолжить.

Другой важной стороной связи Толстого с Абхазией является значимое влияние его творчества на абхазскую литературу, которое обнаруживается на разных этапах истории абхазской литературы.

Прежде всего, это относится к переводам на абхазский язык произведений Толстого на самом раннем этапе, когда национальная литература делала свои первые шаги и еще не дифференцировалась как самостоятельный письменно-вербальный вид искусства национальной культуры. Эти переводы в свое время были важны как образцы учебно-дидактической литературы для открывавшихся учебных заведений Абхазии. Абхазская учебная литература конца XIX – начала XX вв. преимущественно состояла из переводных произведений русских учебных книг. Наряду с литературно-дидактическими материалами К. Д. Ушинского, баснями И. А. Крылова, в учебные пособия для абхазских школ включались и тексты педагогических сочинений Толстого — «Новой азбуки», «Русских книг для чтения». Так, в третье издание абхазской азбуки (1906) вошли детские рассказы: «Семь прутьев», «Лгун», являющиеся свободным изложением толстовских басен «Отец и сыновья» и «Лгун».

В учебных книгах было не принято указывать авторство помещаемых в них произведений. Исключением является составленная А. Чукбаром и Н. Патейпой «Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ», впервые увидевшая свет в 1908 г. и переизданная в 1911 г. В предисловии авторы-составители указывают, что «статьи I и II части взяты из книг К. Э. Шельцеля “Книга для чтения” <...> и гр. Л. Н. Толстого “Новая азбука”». О степени вмешательства в авторские тексты поясняют: «Некоторые из этих статей представляют точный перевод русских статей, с изменением лишь собственных имен <...> другие несколько изменены <...> для третьей части несколько статей было составлено переводчиками <...> прямо на абхазском языке...» [Книга для чтения]. В эту книгу были включены рассказы-миниатюры Толстого «Ученый сын», «Лошадь и кучер» и «Волк и ягненок».

Автор-составитель более поздней абхазской азбуки А. М. Чочуа также обращался к педагогическим произведениям Толстого. До установления советской власти в Абхазии он издал дважды «Абхазскую азбуку» (1909, 1914) и две хрестоматии по литературному чтению (1920), предназначенные для второго и третьего годов обучения. В «Абхазскую азбуку» Чочуа включены переведенные им заново прозаические басни Толстого «Лгун» и «Отец и сыновья». И в дальнейшем Чочуа обращался к переводу произведений Толстого, в частности, им переведены «Лев и Лисица», «Галка и кувшин», «Лев и Мышь», «Муравей и Голубка», «Косточка» и др.

Существенным упущением в издательской практике является то, что в отдельных изданиях произведений А. М. Чочуа часто не указывался первоисточник включенных в них переводных произведений. Так, в оглавлении первого тома собраний сочинений А. М. Чочуа в скобках имеется указание на автора лишь двух рассказов Толстого: «Косточка» и «Боб», а опубликованные там же «Отец и сыновья», «Лгун», «Мужик и Водяной», «Лев и Мышь», «Лев и Лисица» и др. не обозначены как переводные [Чочуа]. Такое очевидное упущение приводит к нарушению достоверности истории российско-абхазских литературных связей. Иногда переводчики изменяли заглавия произведений, например: «Плохой товарищ» на «Два друга», «Ненасытная собака» на «Собака на сене», «Смекалка и находчивость» на «Галка и кувшин», «Боб» вместо «Пожарные собаки» и т. д. [Аджинджал: 19].

Некоторым оправданием может служить то обстоятельство, что сама «литература для детского чтения» Толстого, как отмечает Л. Д. Опульская, не отличалась оригинальностью и лишь «отдаленно напоминала источник». Исследователь пишет, что «сопоставляя теперь источники с текстами Толстого, легко убедиться, что всякий раз, заимствуя контуры сюжета, Толстой создавал свой рассказ, свою басню, свою быль, свою сказку, свою былину. Не случайно, помещая рассказы “Азбуки” в “Русских книгах для чтения”, он обозначал лишь жанр произведений и совсем не упоминал о заимствованиях» [Опульская: 507].

Публикации переводных произведений Толстого имели место и в первой абхазской газете «Апсны» (1919–1921 гг.). В ней, наряду с художественными произведениями, печатались и тексты познавательного характера. На страницах газеты были опубликованы переводы толстовских текстов «Вредный воздух», «Дурной воздух», «Газы».

Также читатели знакомились с толстовскими рассказами «Наседка и цыплята», «Царь и рубашка» в переводе Ш. Эмхаа; «Старик и смерть» в переводе М. Хашба; «Упустишь огонь — не потушишь» в переводе Е. Маан. Здесь, как видим, перевод не только миниатюрных рассказов, но и произведений, имеющих развернутый сюжет.

Переводы произведений Толстого для детей встречаем и у Д. И. Гулия: басни «Лев и мышь», «Петух, кошка и мышь», «Олень». Необходимо подчеркнуть, что иногда одно и то же толстовское произведение появлялось в переводах разных авторов, что говорит об их популярности, особенно у первого поколения абхазских просветителей.

Интерес к литературному наследию Толстого со стороны абхазских писателей не иссяк и в советский период. Переводы его литературно-дидактических произведений продолжил филолог и литератор Х. С. Бгажба. Они включались в школьные учебники по абхазской литературе для разных классов. Х. Бгажба перевел 25 рассказов Толстого; все они вошли в книгу переводов автора: «Осел и лошадь», «Лисица», «Охотник и перепел», «Бык и лягушка», «Птичка», «Осел в львиной шкуре», «Курица и ласточка», «Рыбак и рыбка», «Стрекоза и муравьи», «Уж и ёж», «Собака и вор», «Волк и кобыла», «Девочка и стрекоза», «Лисица и волк», «Зайцы и лягушки», «Волк и коза», «Ястреб и голуби», «Летучая мышь», «Волк и собака», «Орел», «Тетерев и лиса», «Царь лягушек», «Лев и собачка», «Как волки учат своих детей», «Крестьянин и собака» [Бгажба].

Количество изданных книг Толстого в переводе на абхазский язык не столь велико. Отдельным изданием было выпущено три книги: повесть «Хаджи-Мурат» в переводе М. Л. Хашба [Толстой: 1936], роман «Воскресение» в переводе Я. Т. Чочуа [Толстой: 1959] и сборник рассказов, былей, историй, басен и сказок «Прыжок» в переводе А. Н. Гогуа [Толстой: 1987], в который вошли переводы таких произведений, как «Прыжок», «Визирь Абдул», «Мальчик с пальчик», «Основание Рима», «Осел в львиной шкуре», «Как дядя рассказал про то, как он ездил верхом», «Петр I и мужик», «Ворон и голубь», «Голова и хвост змеи», «Камень», «Булька и волк», «Как гуси Рим спасли». К числу названных изданий нужно добавить и книгу В. М. Маана «Сочинения и переводы» с рассказами Толстого «Кавказский пленник» и «Прыжок» [Маан].

Переводы толстовских произведений публиковались в журнале «Алашара». В разные годы на страницах этого издания были напечатаны рассказ «Три смерти» в переводе А. Т. Аджинджала (1960, № 6); по-

весть «Хаджи-Мурат» в переводе М. Хашба (1972, № 7); «Смерть Ивана Ильича» в переводе Н. Т. Квициния (1978, № 9) и отрывки из романа «Война и мир» в переводе Я. Т. Чочуа (1979, № 2).

Фольклорист и литературовед А. А. Аншба, сосредоточив свое внимание на переводах, посвятил этому вопросу специальную статью: «О переводах на абхазский язык произведений Л. Н. Толстого» [Аншба]. Не увлекаясь комплементарной риторикой, автор предпринял основательный анализ художественного качества и адекватности имеющихся переводов произведений Толстого — повестей и рассказов для детского чтения. Указав на удачные моменты каждого перевода, А. Аншба в большей степени сосредоточил внимание на имевшихся упущениях, показал несоответствия и расхождения с оригиналом, искажения смысла, неточности, небрежности и прочие недостатки и даже ошибки. Доводы автора подкреплены конкретными примерами, сопоставлениями текста оригинала с переводом. В некоторых случаях даются рекомендации. Учитывая сложность толстовских текстов, А. Аншба советует решившимся взяться за перевод произведений Толстого сначала «постараться, хотя бы для себя, понять переводимого автора, основательно изучив пройденный творческий путь» [Аншба: 146]. Совет этот, конечно, полезный и дельный, но трудновыполнимый. Что касается недостатков самой статьи, то, пожалуй, самым главным из них является упрощенный взгляд на изменения религиозного мировоззрения Толстого. А. А. Аншба к этому вопросу подходит с сугубо атеистической позиции.

Можно отметить, что среди абхазских литераторов и интеллигенции Толстой был одним из самых читаемых русских писателей. О его творчестве печатались статьи в прессе, на научных сессиях и юбилейных мероприятиях делались доклады, в которых наряду с обзором жизненного и творческого пути приводилось множество цитат из его сочинений. Так, например, Д. И. Гулиа, перечисляя классиков мировой литературы, без знания творчества которых невозможно стать писателем, называл, конечно, и Толстого [Гулиа: 207]. А Б. В. Шинкуба признавался, что из всех писателей пальму первенства он отдает Толстому.

Другим аспектом связи Толстого с Абхазией являются публикации в местной прессе о проводимых мероприятиях в его честь. Знаковым событием стал организованный в Сухуме 29 ноября 1922 г. вечер, посвященный годовщине смерти писателя. Вечер проходил во 2-м Гос-

театре. Инициатором его проведения выступило Абхазское научное общество, учрежденное в том же году. «Вступительным словом вечер открыл профессор Г. А. Фальборк¹. На вечере с докладами “Творческий подвиг Л. Н. Толстого”, “Философия Толстого”, “Толстой в истории науки и воспитании”, “Память Толстого”, “Страница воспоминаний о Ясной Поляне”, выступили: В. И. Стражев, Д. В. Захаров, Ф. Д. Авилов, А. П. Иващенко» [Лакоба: 11]. Из перечисленных докладчиков наибольший интерес представляет личность Г. А. Фальборка, одного из инициаторов создания Абхазского научного общества и первого его председателя. Он, как пишет, историк С. З. Лакоба, «в молодости был увлечен идеями Л. Н. Толстого, за что арестовывался и был выслан из Петербурга во Владимир (1887–1890)» [Лакоба: 11].

Публикации в республиканских газетах материалов, посвященных Толстому и иллюстрирующих его значимость для Абхазии, представляют вполне самостоятельный пласт материалов, относящихся к данной теме. Практически все юбилейные даты, связанные с днем рождения или с днем смерти писателя, отмечались публикациями разного характера. Остановимся на материалах «Советской Абхазии», выходявшей на русском языке с 1926 по 1991 г. К сожалению, не все

---

¹ Фальборк Генрих Адольфович (1864–1942?) — выдающийся российский статистик, педагог, переводчик, публицист. В соавторстве с В. И. Чарнолуским издал труд «Народное образование в России» (СПб., 1899), «Настольную книгу по народному образованию» в 3 т. и др. Был одним из учредителей Педагогической академии в Петербурге, редактором-издателем газеты «Школа и жизнь» (1911–1917). После Октябрьской революции Г. А. Фальборк обосновался в Абхазии. Согласно мнению С. З. Лакобы, причиной перемены его места жительства, помимо его дворянского происхождения, послужило и то обстоятельство, что он «будучи гласным Петербургской думы и членом группы “Обновления думы” (1904–1917), во время войны на Балканах в 1912 г. участвовал в подготовке резолюции в поддержку славянских народов. Резолюцию и самого Фальборка В. И. Ленин назвал “образцом буржуазного национализма”». После революции, обосновавшись в Абхазии, Фальборк инициировал создание Абхазского научного общества, но вскоре перевелся на «тихую должность в структуре правительства ССР Абхазии...», где «сделал очень многое в области статистики, фактически с нуля создал необходимое для социально-экономического, демографического и культурного развития направление... По всей видимости, его положение в Абхазии к 1929 г. осложнилось, и он вернулся в Ленинград...» [Лакоба: 12–13].

номера газеты сохранились; полный комплект отсутствует в главных библиотеках Абхазии. В просмотренных нами номерах газеты с 1938 по 1991 гг. количество публикаций, посвященных Толстому, превышает 70. Это статьи, заметки, различного рода сообщения информационных агентств и одно стихотворение. В заметках и сообщениях давалась информация о чествовании писателя в связи с юбилейными датами, сообщалось о мероприятиях, имевших место в республиках СССР и за рубежом, митингах, очередных изданиях его книг, как в оригинале, так и в переводе, выставках, фильмах о Толстом и экранизациях его произведений, театральных постановках и т. д. Часто публиковались материалы о деятельности музеев Толстого в Москве и Ясной Поляне. Газета печатала краткие заметки преподавателей вузов и школ, студентов и других авторов, высказывавших свое отношение к личности писателя и его творчеству. Характерными названиями такого рода публикаций становились: «Горжусь великим соотечественником», «Он видел счастье в труде», «Защитник угнетенных» и т. п. Довольно подробно освещались торжественные собрания и вечера, проводившиеся в Москве, Тбилиси, Сухуме в честь юбилейных дат. Особенно много материалов, посвященных Толстому, в газете «Советская Абхазия» было опубликовано в 1953 г. (125-летие со дня рождения), 1960 г. (50-летие со дня смерти), 1978 г. (150-летие со дня рождения). Нередко газета отводила материалам о Толстом целую полосу. Приводились высказывания русских и зарубежных писателей о великом классике. Так, в номере от 20 ноября 1960 г. в разделе, озаглавленном «Строки о великом сыне России», были приведены высказывания о Толстом А. М. Горького, В. Г. Короленко, И. А. Гончарова, А. С. Серафимовича, А. Н. Толстого, А. А. Фадеева, К. А. Федина, М. А. Шолохова, Ромена Ролана, Элизы Ожешко, Мулка Раджа Ананда, Н. Хикмета, Л. Арагона.

В таких публикациях о Толстом встречаются интересные и довольно редкие свидетельства, любопытные материалы. Названия некоторых говорят сами за себя: «Протест членов семьи Льва Николаевича Толстого против шпионской деятельности изменницы родины А. Толстой в Америке» (22.09.1949), «Л. Н. Толстой — участник переписи» (16.01.1970), «Голос, звучащий на весь мир» (8.09.1978). Третья заметка — о многочисленных интервью Толстого в зарубежной печати за последние 25 лет его жизни, выявленные литературоведом В. Я. Лакшиным.

Газетные сообщения о проводившихся мероприятиях с участием научных работников приобрели со временем значение документально-го свидетельства о научной и культурной жизни государства. Одним из таких свидетельств стала заметка от 20 ноября 1960 г. «Митинг в Ясной Поляне». В ней, в частности, сказано: «Сегодня же в Ясной Поляне проведено заседание ученого совета Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и ученого совета музея-усадьбы “Ясная Поляна”. Сообщение о большой и разнообразной научной и культурной деятельности яснополянского музея сделал его директор А. И. Поповкин. Затем был заслушан доклад кандидата филологических наук С. Г. Бочарова “Основные черты художественного метода Толстого” и доклад кандидата филологических наук Л. Д. Опульской “Толстой и русская литература конца XIX – начала XX вв.”» [Митинг].

Следует отметить высокий уровень публикаций газеты «Советская Абхазия», посвященных Толстому и представляющих собою — как по объему, так и по глубине мысли — серьезные исследования. Нами выявлено 20 таких статей: В. Рублевского «Л. Н. Толстой. (К 112-летию со дня рождения)» (12.09.1940), А. А. Олонцкого «Л. Н. Толстой. (К 35-летию со дня смерти)» (20.11.1945) и «Кавказ в произведениях Л. Н. Толстого» (09.09.1953), Т. Л. Мотылевой «Великий писатель земли русской. Мировое значение Л. Н. Толстого» (08.09.1948), С. П. Бычкова «Гордость русской литературы» (08.09.1953), М. Келчевского «Ясная Поляна» (08.09.1953), Л. Д. Опульской «Л. Н. Толстой — великий писатель русского народа» (09.09.1953), Н. Кухарского «Гений русской литературы (К 130-летию со дня рождения Л. Н. Толстого)» (09.09.1958), М. Л. Поляновского «Голос великого писателя (К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого)» (15.11.1960), И. П. Мотяшова «В гостях у Толстого» (06.11.1960), М. Г. Ладария «Для блага людей» (20.11.1960), В. Гвасалия «Л. Толстой и грузинская интеллигенция» (23.10.1960), Д. Рачкова «Толстой и музыка» (18.11.1960), Д. Ахуба и М. Ласурия «Здесь жил великий писатель. (Письмо из Ясной Поляны)» (19.11.1960), В. Пачулиа «Его душа была покорена Кавказом» (08.09.1978), М. Ласурия «Гений русской литературы» (08.09.1978), Б. А. Гургулиа «Талант русской словесности» (09.09.1988) и редакционная статья без подписи «Дом-усадьба Л. Н. Толстого» (08.09.1948).

Как видим, 1960-й год стал своего рода рубежным. Если более ранние статьи принадлежат, в основном, московским исследователям, то

со временем начинают преобладать статьи абхазских авторов, что свидетельствует о формировании в культурной жизни Абхазии поколения собственных литературоведов.

Тональность большинства статей пафосная, но встречаются и критические оценки отдельных сторон творчества Толстого; в поздних статьях критический подход более умеренный, главным образом он направлен на констатацию изменчивости и противоречивости взглядов Толстого. В обзорных статьях о жизни и творчестве писателя представлены страницы его биографии и творческой истории главных произведений, особенности его художественного гения: колоссальное трудолюбие, образованность и начитанность, глубокое знание жизни и людей. При обобщающих оценках значимости фигуры и творчества Толстого авторы неизменно ссылаются на высказывания выдающихся современников писателя; чаще других приводятся суждения А. М. Горького и В. Г. Короленко.

Содержание заметок о Толстом в газете «Советская Абхазия» разнообразно: об истории, проводимой просветительской работе, новинках, экспозициях толстовских музеев, об интересе писателя к музыке, творчеству русских и зарубежных композиторов, о знакомстве Толстого с фонографом.

Несколько статей посвящено связям Толстого с отдельными регионами Кавказа. Особый интерес представляет публикация историка и краеведа В. П. Пачулиа, в которой приводится много интересных фактов. В частности, в ней упоминается русский писатель Г. В. Короленко как «один из информаторов Толстого о положении дел на Кавказе» [Пачулиа]. Говорится также и о других знакомых и друзьях писателя, проживавших на Черноморском побережье: М. А. Шмидт, О. А. Барышевой, П. П. Картушине и Н. Г. Сутковом. Утверждается, что П. П. Картушин неоднократно бывал в Абхазии. Автор пишет и о кавказских толстовцах: «Последователи Толстого в конце 1986 года между Джубгой и Геленджиком организовали первую на Кавказе толстовскую коммуно-общину. Эта колония была названа “Криницей”. Благодаря усилиям криницких общинников здесь был создан благоустроенный поселок с библиотекой и аптекой. Члены этой сельскохозяйственной колонии “толстовцев” занимались также распространением революционной литературы и вели пропаганду народнических идей среди окрестных крестьян. Небезынтересно отметить, что “толстовцы” воз-

вели здесь в 1910 г. первый в мире памятник Л. Н. Толстого. По данным известного сочинского краеведа Н. Крутихонского, автором памятника был житель села Берегового каменщик Давидов. Этот талантливый скульптор-самоучка выполнил также бюсты Федора Достоевского и Максима Горького» [Пачулиа].

В. П. Пачулиа приводит примеры опосредованных связей Толстого с Абхазией. Сообщает, например, и здесь были последователи писателя, что «известный благотворитель и садовод Н. Н. Смецкой¹ не раз принимал у себя членов семьи писателя». В. Пачулиа передает, с какой печалью весть о кончине Толстого была воспринята в Абхазии: «Скорбные дни пережила интеллигенция Абхазии, получив известие о смерти Льва Николаевича Толстого. В Сухуме об этом стало известно в тот же день. Перед открытием заседания Сухумского общества сельского хозяйства, где присутствовали представители многих национальностей — абхазцев, грузин, русских и других, съехавшиеся со всего Черноморского Кавказа, председатель общества Василий Васильевич Маркович сообщил: “Сейчас получена в Сухуме телеграмма о смерти нашего великого писателя графа Льва Николаевича Толстого, который скончался в 6 часов 05 минут утра”. Собравшиеся почтили память писателя вставанием. Затем председатель предложил послать телеграмму семье Толстого, что и было исполнено» [Пачулиа].

Завершая обзор публикаций о Толстом отметим, что они также появлялись в газете «Апсны капш», выходившей на абхазском языке.

Глава, посвященная Толстому, есть в книге Б. А. Гургулиа «История русской литературы XIX века».

Первый абхазский профессиональный художник А. К. Чачба-Шервашидзе принимал деятельное участие в сценическом оформлении спектакля по роману «Война и мир» Толстого, посвященного 100-летию победы России в Отечественной войне 1812 г. Им были созданы декорации шести сцен: «Зал французского императора», «В зале Ростовых», «В доме старика Болконского», «На Поклонной горе»,

---

¹ Смецкой Николай Николаевич (1852–1931) — благотворитель и садовод, крупный землевладелец и лесопромышленник, много сделавший для развития здравоохранения и курортного дела Абхазии. Им было построено три санатория. Несмотря на его дворянское происхождение, в 1964 г. в Сухуме ему был воздвигнут памятник.

«Дорогомиловские бастионы» и «В зале Кремлевского Дворца». Спектакль был поставлен режиссером А. Л. Загаровым. В 1913 г. А. К. Чачба-Шервашидзе за декорации к спектаклю был награжден орденом святого Владимира на ленте.

Таким образом, можно утверждать, что наследие Л. Н. Толстого, прежде всего, его художественные произведения, рассказы для народа, для детей, оказали значительное влияние на развитие художественной литературы и культурной жизни Абхазии. Среди переводов произведений классиков русской литературы на абхазский язык особое и значительное место занимают именно рассказы и повести Толстого. В публикациях абхазских исследователей и журналистов о писателе, его жизни, творчестве, мировоззрении, о его семье и близких, содержится немало интересных фактов, предположений и доводов.

Список литературы

Источники

Гулиа Д. И. Собр. соч.: в 6 т. Сухуми: Алашара, 1983. Т. 3: Драма. Переводы. Литературные и публицистические статьи. 255 с.

Книга для чтения на абхазском языке для абхазских училищ. Тифлис: Изд-е Управления Кавказского учебного округа, 1911. 48 с.

Митинг в Ясной Поляне // Советская Абхазия. 1960. 20 ноября.

Пачулиа В. П. Его душа была покорена Кавказом // Советская Абхазия. 1978. 8 сентября.

Толстой Л. Н. Воскресение. Роман / пер. на абх. яз. Я. Т. Чочуа. Сухуми: Абгосиздат, 1959. 523 с.

Толстой Л. Н. Прыжок. Рассказы, были, истории, басни и сказки / пер. на абх. яз. А. Н. Гогуа. Сухуми: Алашара, 1987. 24 с.

Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат. Повесть / пер. на абх. яз. М. Л. Хашба. Сухум: Абхазское гос. изд-во, 1936. 220 с.

Чочуа А. Н. Собр. соч.: в 3 т. Сухуми: Алашара, 1968. Т. 1. 280 с.

Исследования

Аджинджал Д. С. Пути развития абхазской детской литературы. Сухум: РИО АГУ, 2012. 189 с.

Аниба А. А. Переключка времен. Статьи. Сухуми: Алашара, 1986. 174 с. (на абх. яз).

Бгажба Х. С. Переводы и пересказы. Сухуми: Алашара, 1974. 314 с. (на абх. яз.)

Гургулиа Б. А. История русской литературы XIX в. Сухум: Абхазский гос. ун-т, 2008. 733 с. (на абх. яз.)

Ладария М. Г. Встречи с предками. Из истории рода Василия Ладария // Колокол. 2002. № 3. С. 9.

Лакоба С. З. От Фальборка до Барача // АБНО и его разгром (1922–1931). Сухум: Дом печати, 2021. С. 11–13.

Маан В. М. Сочинения и переводы. Сухуми: Газетно-журнальное изд-во Абхазской АССР, 1963. 204 с.

Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 10. С. 504–522.

Юрков-Ладария О. В. Его напутствовал Лев Толстой // Колокол. 2002. № 2. С. 26.

References

Adzhindzhal, D. S. *Puti razvitiia abkhazskoi detskoj literatury* [Ways of Development of the Abkhaz Children's Literature]. Sukhum, Editorial and Publishing Department of Abkhazian State University Publ., 2012. 189 p. (In Russ.)

Anshba, A. A. *Pereklichka vremen. Stat'i* [Roll Call of Times. Articles]. Sukhumi, Alashara Publ., 1986. 174 p. (In Abkhazian)

Bgazhba, Kh. S. *Perevody i pereskazy* [Translations and Retellings]. Sukhumi, Alashara Publ., 1974. 314 p. (In Abkhazian)

Gurgulia, B. A. *Istoriia russkoj literatury XIX veka* [History of Russian Literature of the 19th Century]. Sukhum, Abkhazian State University Publ., 2008. 733 p. (In Abkhazian)

Ladariia, M. G. "Vstrechi s predkami. Iz istorii roda Vasiliia Ladariia" ["Meetings with Ancestors. From the History of the Family of Vasily Ladaria"]. *Kolokol*, no. 3, 2002, p. 9. (In Russ.)

Lakoba, S. Z. "Ot Fal'borka do Baracha" ["From Falbork to Barach"]. *Abkhazskoe nauchnoe obshchestvo i ego razгром (1922–1931)* [The Abkhaz Scientific Society and Its Defeat (1922–1931)]. Sukhum, Dom pechati Publ., 2021, pp. 11–13. (In Russ.)

Maan, V. M. *Sochineniia i perevody* [Works and Translations]. Sukhumi, Gazetnozhurnal'noe izdatel'stvo Abkhazskoi ASSR Publ., 1963. 204 p. (In Russ.)

Opuľskaia, L. D. "Kommentarii" ["Comments"]. Tolstoi, L. N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected Works: in 22 vols.], vol. 10. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982, pp. 504–522. (In Russ.)

Iurkov-Ladariia, O. V. "Ego napatstvoval Lev Tolstoi" ["He Was Admonished by Leo Tolstoy"]. *Kolokol*, no. 2, 2002, p. 26. (In Russ.)

Герои и их прототипы, формирующие историю русской литературы

Аннотация: В статье рассматривается понятие прототип и теория прототипов. Автор работы показывает, что прототип является эффективным элементом, объединяющим реальный и художественный миры, важным ресурсом, способствующим созданию целостного и емкого образа героя. Заимствуя качества прототипа, писатель вооружает ими своего персонажа, иногда прямо, а иногда беллетризируя эти черты. Творческая работа, производимая литераторами с элементами облика и душевного мира реальных лиц, дает возможность писателю делать новые открытия. В статье подчеркиваются значение и функции прототипа, проведена большая работа по выявлению и систематизации прототипов различных героев русской литературы. Комплексное представление реальных лиц, которые послужили источником для формирования разными писателями своих героев, отражение изменений фигур этих реальных людей от прототипа к художественному образу позволяют лучше понять ход мысли автора, его путь от замысла героя к реализации его фигуры в произведении.

Ключевые слова: русская литература, прототип, герой, персонаж, реальность, вымысел, художественный образ.

Информация об авторе: Гольханым Бихтер Еткин, доктор филологических наук, научный сотрудник кафедры русского языка и литературы, Орду Университет, бульвар Мустафа Кемаль 478, Орду, Алтынорду, Джумхуриет, Турция. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2226-255X>

E-mail: gulhanimbihteryetkin@odu.edu.tr

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Еткин Г. Б. Герои и их прототипы, формирующие историю русской литературы // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 154–183. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-154-183>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 154–183. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 154–183. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Gülhanım B. Yetkin**
Ordu University
Ordu, Turkey

The Pioneering Prototype Characters that Shape the History of Russian Literature

Abstract: The article deals with the concept of a prototype and the theory of prototypes. The author of the work shows that the prototype is an effective element that unites the real and artistic worlds, an important resource that contributes to the creation of a holistic and capacious image of the character. Borrowing the qualities of the prototype, the writer equips his character with them, sometimes directly, and sometimes fictionalizing these features. The creative work produced by writers with elements of the appearance and spiritual world of real persons enables the writer to make new discoveries. The article emphasizes the significance and functions of the prototype, a lot of work has been done to identify and systematize the prototypes of various characters of Russian literature. A comprehensive representation of real faces that served as a source for the formation of their heroes by different writers, reflection of the changes in the figures of these real people from a prototype to an artistic image, make it possible to better understand the author's train of thought, his path from the hero's idea to the realization of his figure in the work.

Keywords: Russian literature, prototype, hero, character, reality, fiction, artistic image.

Информация об авторе: Gülhanım Bihter Yetkin, PhD Professor, Research Fellow, Department of Russian Language and Literature, Ordu University, 478 Mustafa Kemal Boulevard, Ordu, Altınordu, Cumhuriyet, Turkey. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2226-255X>

Received: July 10, 2022

Approved after reviewing: September 23, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Yetkin, G. B. "The Pioneering Prototype Heroes Shaping the History of Russian Literature." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 154–183. (In English) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-154-183>

Introduction

The term “prototype” derives from the Greek word “prototypon” and means a person who exists in reality, whose main characteristics the author endows his/her hero in the work of literature. The meaning of the word prototype is very broad. For the first time in literary studies, a coherent prototype theory was formulated by H. Speyer. For Speyer, the prototype has a concrete historical or contemporary personality, the first image, which serves as the starting point for the author to construct the image [Sabelo: 193]. Another of the most obvious definitions that can be made is that of the prototype, the bright personality that the author borrows from in order to create a new image. According to the Dictionary of Russian Literary Terms edited by L. I. Timofeev and S. V. Turaev, when describing a literary hero who has the prototype, the author does not copy the character and life of the person he/she symbolizes, but within his/her, he/she chooses the original and guiding essence in the framework of the scope of his/her own perception and mastery [Timofeev, Turaev: 299–300]. The term prototype refers to two different situations of correlation between a literary hero and his/her prototype. Firstly, similarity is important and necessary to grasp the meaning of the work; in this case, the author himself/herself anticipates the need to get acquainted with the prototype. Second, the author can attribute the properties of the prototype to the character. However, this should not mean that the hero of the work can be perceived as the literary double of the real person. In that sense the author can rework and fictionalize the prototype while trying to transform his/her into a literary type [Aminov: 11–12].

A prototype is an important source that evolves into literary portrait in literary work. The prototype cannot be separated from the plot of the work, the description of thoughts, feelings, inner character traits, actions and moods of the heroes. The prototype portrait is intrinsically linked to the character but no matter how close these links are, he/she is often fictionalized by the author’s imagination and contain the author’s general ideas about the hero.

Even the most “documentary,” in other words, the most realistic image in a literary work has a bit of a fictional aspect. L. Yu. Trofimov argues that fiction “does not violate the general idea of the prototype, but rather complements and deepens the image, saturating its cultural significance.” But often, according to Trofimov, the author may not use a single face in the prototype but generalize the features of several faces into a single image [Sabelo: 194]. Researcher N. K. Piksarov acts from the same thought and pointing out the hero in A. Griboyedov’s *Woe from Wit* (*Горе от ума*, 1831) affirms that: “There is so much typicality in Famusov that many facial features of Moscow gentlemen can be recognized in it” [Piksarov: 447].

A prototype is a subject that is not extensively studied in Russian literary works. In general, the researcher L. G. Ginzburg, who thinks that the authors of the works are also silent on this issue, states that most of the time they do not deliberately explain the prototypes of their characters, and even reject them in order to avoid undesirable events and most importantly, to avoid false comparisons and interpretations between their heroes and the people who exist in real life [Ginzburg: 57]. Some writers, by contrast, encourage the reader to think about possible prototypes of their characters. For example, M. Yu. Lermontov writes in the preface to *Jurnal Peçorina* like this: “Even though I changed all real names, the people mentioned in the work will probably recognize himself/herself...” [Lermontov: 249]. If writers didn’t imagine specific people behind the characters they describe (even if sometimes not one, but several prototypes) perhaps such unique works would not have appeared in the Russian literary treasury. Likewise, I. S. Turgenev himself admits that he cannot write “in his mind” and that he always needs “material.” For this reason, Turgenev’s manuscripts always contain reminders of who the true prototypes of his heroes are. Contemporaries of L. N. Tolstoy also claim that there are many prototypes in the author’s works with fictional names, and that they were actually “written” from certain real people [Ginzburg: 57]. N. N. Gusev, the researcher of Tolstoy’s literary art, conveys the author’s discourses on this subject from his biography as follows: “I often write from a model. First, on rough sketches, I would even write down the real last names of the heroes so that I could more clearly remember the face of whoever I got it from. And I’d change their last name as I finish the story” [Gusev: 774].

Knowing the true prototype behind a literary hero can help make new discoveries that push the boundaries of even the best-known books. As

a matter of fact, after the acquisition of this knowledge, the heroes of the work begin to live in two dimensions: real and fictional. The reader opens the first page of the work, but in fact it is no longer that first page. And the word “end” that crowns the book creates the perception of “to be continued” [Ginzburg: 57]. According to I. I. Plekhanova, the search for a literary prototype is interesting in that it explains the depth of literary psychologism and determines the originality of the author’s personality [Plekhanova: 141].

Almost every literary character has a prototype that actually exists. Sometimes it is the author himself / herself, sometimes it is a historical figure, sometimes it is an acquaintance or relative of the author. Acquaintance with the prototypes of literary characters contributes to the expansion of students’ knowledge of the studied works, a deeper understanding of the ideas, thoughts of authors, penetration into the creative laboratory of writers, increased interest in the period of the emergence of literary texts, the life and art of masters of words. But the literary hero is not a mirror of his/her prototype. The prototype may exist under its real name in a work of literature, or it may have a purely fictional name. The degree of focus on the prototype depends on the literary movement of the period, the type of work, the artistic individuality of the author [Gribina: 2–5]. For this reason, separating the prototypes that shape the history of Russian literature as the classical period and the contemporary period within the scope of our study will help to make the most accurate inferences on the real people that the authors concentrate on.

The Prototypes of Classical Russian Literature

E. V. Halizev says about the prototypes of the classical period this statement: “Writers of the 19th century often preferred direct observation of life to a flight of imagination: characters and plots were close to their prototypes” [Sabelo: 193]. It would not be wrong to say that the history of prototypes in Russian literature certainly begins with Alexander Sergeyeovich Griboyedov’s (1795–1829) comedy *Woe from Wit* (*Горе от ума*, 1831). Likewise, according to researchers, never before so many people like that, as if plucked alive from the life of Moscow’s noble society, did not arise within the framework of a work of art [Ginzburg: 57–58]. Emine İnanır cites this comprehensive aspect of the work from the following words of Ivan Alexandrovich Goncharov (1812–1891): “The game is, of course, broad enough as a tableau. On the canvas of this painting, we see a long section of

Russian life from Yekaterina to Emperor Nicholas” [Inanır: 45–46]. While it is argued that there is a person from life behind almost every hero in the work, which has an extremely wide horizon, Ginzburg conveys the opinion of Goncharov that it is impossible to find “two people who look alike among hundreds of figures” [Ginzburg: 57–58]. However, in the studies carried out on the work, prototypical proposals are mostly made about the protagonist Chatsky. Although in the comedy he stands out as the “hero of his time” and a social tyrist of his age, Chatsky’s name (in the first variation of the work, Griboyedov writes as Chadskiy) is associated with the philosopher Pyotr Yakovlevich Chaadayev, who participated in the 1812 Homeland War. Described as an enlightened intellectual, Chatsky returns to Moscow after a long European journey. The hero, who sees a completely different way of life here, is so angry that the Moscow people no longer attach importance to enlightenment and education. People are guided by outdated norms and only think about how to advance in their careers and social positions. At this point, literary researchers identify Chatsky with Chaadayev. Chaadayev, who participated in the Masonic lodge and took part in a secret organization throughout his life, traveled around Europe and reached the latest philosophical teachings. After returning to Russia, he published his historical and philosophical treatise, *Philosophical Letters* (*Философические письма*) in the years 1828–1830. The views, ideas and judgments of the thirty-six-year-old philosopher about the atmosphere, backwardness and spiritual stagnation in Russia in his work are considered extremely contradictory to the Russia of Nicholas and therefore Chaadayev was declared insane by the tsarist decree and sentenced to an unprecedented punishment [Homutskii]. It is said by researchers that Chatsky foretold the future of his prototype. In *Woe from Wit*, there are many prototypes of people from Griboyedov’s close circle to his relatives. For example, the prototype of Repetilov’s in the play is N. A. Shatilov, a close acquaintance of the author, who tries to prolong the conversation even on small issues and annoys everyone with his jokes and wordplays [Ginzburg: 57–58]. The prototype of Famusov, another hero in the work, is Griboyedov’s uncle, Aleksey Fyodorovich Griboyedov, who is famous for his “immorality and dishonor,” with whom he constantly clashes during his adolescence and university years. Griboyedov’s uncle, whom he observes for a long time, leaves an indelible mark in his memory as a kind of servant nobleman of the Catherine era. For this reason, he reflects on him in his work as Famusov with the same character [Medvedeva: 50–51].

Aleksandr Sergeyevich Pushkin (1799–1837), who is a poet and a writer of the classical period Russian literature, draws attention with the density of prototypes in his works. For example, the prototype of the hero Silvio in *The Shot* (*Выстрел*, 1831) is the writer's close friend, whose name is Ivan Petrovich Liprandi. Liprandi is the author of the most beautiful memoirs of Pushkin's southern exile. He is the son of a Russified Spanish noble. At the age of seventeen he participates in the Napoleonic Wars. He is arrested in the Dekabrist trial in 1826 and is sentenced to prison in the same cell with Griboyedov. Liprandi, who is an extremely political personality, wins the admiration of Pushkin with his impressive personality. Therefore, the author reflects him and his personality in Silvio [Homutskii]. The protagonist of another Pushkin's work *Yevgeny Onegin* (*Евгений Онегин*, 1833) has many prototypes. For this reason, Yevgeny Onegin is considered a collective typist. However, the most widely accepted prototype of Onegin is Pavel Alexandrovich Katenin, the playwright, literary critic, translator, theater actor, member of the Russian Academy, and Dekabrist, who translated Dante's *Divine Comedy* (*Divina Commedia*, 1320). Guard Colonel Katenin fights during the Homeland War and retires in 1820. The Dekabrist, who almost hates Alexander I, participates in the assassination plans developed against him. In addition, he heads various secret organizations. His song about freedom is proclaimed as the anthem of the Dekabrists, for whom he was fired. The friendship of Katenin and Pushkin becomes a solid source of inspiration for the author's work. Due to his rebellious character, Katenin also has a disagreement with the Dekabrists. He is expelled from Petersburg in 1822 and settles in his estate in Kostroma province, where he leads a solitary life and is closely involved in his literary activities [Miloslavskaya: 72–75]. It is claimed that Tatyana Larina, another heroine of *Yevgeny Onegin*, also has several prototypes. The first of these prototypes is Chaadayev's girlfriend, Avdotya (Dunya) Norova. Likewise, Dunya is also mentioned in the second part of the work, and at the end of the last part Pushkin expresses his sadness about her untimely death. According to another argument, the next prototype of Tatyana, who matures at the end of the novel and undergoes a great transformation due to Dunya's death, is Pushkin's darling Anna Kern. Another prototype of Tatyana Larina is thought to be N. D. Fonvizina, who spent many years in Siberian exile with her husband, the widow of a Dekabrist general. Finally, according to another rumor, the prototype of Tatyana Larina is Yelizaveta Ksaveryevna, who has dazzling beauty, famous society lady, wife

of Count M. S. Vorontsov, Governor-General of Novorossiya [Miloslavskaya: 72–75].

The prototype of the protagonist of A. S. Pushkin's *The Queen of Spades* (*Пиковая дама*, 1834) is Natalya Petrovna Golitsine. The poet meets Golitsina in his youth. Natalya is already an old woman then, she is not beautiful at all, she is clever, but stubborn, she has a harsh temperament and a strong character. Incredible legends are told about her. It is even said that her grandfather was Tsar Peter. She lives a long life, sees five Russian tsars, several foreign rulers. Pushkin bases one of these legends about her in *The Queen of Spades*, in which he depicts her in the image of an old countess. Pushkin, in another work *Dubrovskiy* (*Дубровский*, 1841) talks about a court case he heard. However, the prototype of the protagonist of the work is someone else. His friend P. V. Nashchokin tells Pushkin a story from the life of a poor Belarusian nobleman named Ostrovsky, who had a land dispute with his neighbor, was kicked out of the mansion, and became a robber. Nashchokin meets this nobleman in prison. In fact, when Pushkin started working on this work, he first called this hero as Ostrovsky. Although he later changes his name to Dubrovsky, he reflects the general characteristics of his prototype exactly in his hero [Ginzburg: 58].

In the work of A. S. Pushkin's, *The Captain's Daughter* (*Капитанская дочка*, 1836), the prototype of the commander of the Belogorsk fortress Ivan Kuzmic Mironov is estimated the father of fabulist I. A. Krylov who served near Orenburg and took part in the suppression of the Pugachev revolt. As a matter of fact, the names of Krylov's mother and son are also mentioned in Pugachev's papers, where it is stated who will be hanged and where. For this reason, Krylov's father, Andrey Prokhorovich Krylov, is accepted as Mironov's prototype. The prototype of Shvabrin, another character in the work, is the officer Shvanvic, who was taken prisoner by the rebels, swore allegiance to Pugachev, and served in his headquarters. After the defeat of the Pugachev rebellion, he escaped, but was caught, and arrested. After being banned from military service, he was sent to Siberia where he died [Ginzburg: 59–60]. There are different variations on who is the prototype of Masha Mironova, another prominent character in the work. Pushkin draws the image of Masha Mironova, inspired by Marya Vasilyevna Borisova, a noble girl whom he meets and chatters with at the 1829 Christmas ball in the city of Staritsa, Tver province. This young girl makes a great impression on Pushkin, who knew deeply about the female spirit, with her plain, naive

and unobtrusive, yet honesty, sincerity, pride and toughness of character. The poet equips the captain's daughter, Masha Marinova, with all these features of the young girl.

Nikolay Vasilyevich Gogol (1809–1852) takes the basis of a dramatic fiction from a real-life event in his world-famous work *The Overcoat* (*Шу-нель*, 1842), which is still the subject of many researches. Gogol once hears of a story about a poor officer who has an irresistible passion for hunting. By restricting everything, he eventually saves up a sizable sum to buy a decent shotgun. And finally, the happiest and at the same time the most unfortunate day of his life comes and he goes hunting on a small boat. In the meantime, something incredible happens and the shotgun falls into the river and reaches the bottom of the water. With him, everything the officer lived for submerged: his hope, his joy, his happiness. As a matter of fact, he falls seriously ill from sadness. Gogol replaces the shotgun with the overcoat, handling only one small detail in his work. Thus, the tragedy intensity of the story increases. Because while the shotgun is not a man's primary need, the overcoat is one of his most basic needs. This is how the genre of the story is born, which deals with the small human tragedy in the big and indifferent and cruel world [Ginzburg: 60].

The work of Gogol *Taras Bulba* (*Тарас Бульба*, 1835) is written so organically and vividly that the reader cannot help himself/herself from the feeling that the hero most likely should exist in real life. Indeed, there is really a person whose fate is similar to Gogol's aforementioned hero. In fact, this person has the same surname as Gogol: Ostap Gogol. Ostap Gogol, who was born at the beginning of the 17th Century, is the captain of the "panzer" Cossacks, in the Polish army stationed in Uman, under the command of S. Kalinovskiy, on the eve of 1648. With the outbreak of the uprising, Gogol with his heavy cavalry sides with the Cossacks. The soldier, who initially supports the rebels, later rejoins the enemy due to his sons being taken hostage. However, the colonel who surrenders in the following process is rewarded for his heroism during the struggle. Likewise, looking at the work of *Taras Bulba*, the protagonist and Colonel Gogol are very similar. Both heroes are Zaporozhskiy colonels, both have sons, one dies at the hands of the Poles, the other takes the side of the enemy.

In his other work, *Dead Souls* (*Мёртвые души*, 1842), Gogol reflects in Plyushkin image an extremely stingy, Orlov region landlord Spiridon Mantsev. Mantsev is so frugal that he walks around in a greasy dressing gown

and dirty clothes so that few might recognize him as a wealthy gentleman. The landlord has 8,000 lives, but he always starves not only them but also himself. Gogol largely portrays this extremely negative person in his work [Homutskii].

Mihail Yuryevich Lermontov's (1814–1841) poem *The Novice* (*Мцыри*, 1840) is based on the story of an old monk whom the author met in Mtsheta. This monk is a native mountaineer, taken hostage by the Russians as a child. General Yermolov takes this boy with him; but on the way the boy's health deteriorates, and he is left in the care of the monks at the monastery. The boy who grows up here can not adapt to monastic life for a long time, so he makes several attempts to escape to the mountains. One of these escapes will almost cost the boy's life, because he falls seriously ill. After that, the docile young man stays in the monastery and spends the rest of his life there. In addition to being the prototype of the plot of the work, the talented artist of Chechen origin, Pyotr Zaharovic Zaharov, is considered the prototype of the protagonist's novice. Born in the Chechen village of the Caucasus in 1816, Zaharovic is only three years old when a fierce war breaks out in his village. When the war is over, the soldiers take a crying child in the street with them. The boy's parents die in the war. The boy is taken to General A. P. Yermolov. The general hands him over to Kazakh Zahar Nedonosov to train him. The child is so weak and sick that he is on the verge of life and death. Trying to save him, Zahar manages to bring the boy back to life after sleepless nights. Due to his acceptance as father, the little Chechen is given the surname of this Kazakh, Zaharov. The child, whose godfather is General Yermolov, after staying with Zahar for three or four years, Yermolov's cousin Pyotr Nikolayevich Yermolov, who is also a general, takes him with him to raise him. Noticing the artistic talent of the child, the general does his best to develop his talents. In this observation, Yermolov is right, his help is rewarded, and the talented young man is enrolled in the Academy of Arts as a "foreign" student. Because in this period, access of minorities to such educational institutions is prevented [Svirskii: 110–112].

Bazarov, the protagonist of Ivan Sergeyeovich Turgenev's (1818–1883) *Fathers and Sons* (*Отцы и дети*, 1862), is a person who is extremely foreign to his noble environment and finds it difficult to adapt. He is a lonely character who does not feel himself in his natural environment [Olcay: 138]. At this point, Bazarov's prototype is the revolutionary democrat P. D. Ballod with a similar character structure. Ballod's uniqueness and unusualness are highly

reminiscent of Bazarov. Like Bazarov, Ballod is educated in Petersburg, is a doctor, and a naturalist. He denies everything and does not accept the existence of God. Like Ballod, Bazarov's grandfather plows the land. Ballod is a bit introverted, he does not talk much, he does not like talkative people, he never gets excited in discussions, deep faith can be felt behind his word. Similarly, Bazarov behaves in the same way in his discussions like with Pavel Petrovich [Ginzburg: 60]. Another prototype of Bazarov is the poet and literary critic N. A. Dobrolyubov, according to many literary scholars, while in some arguments Turgenev forms the clear lines of Bazarov's character under the influence of his contemporaries Preobrazhensky and Pavlov [Heroes of Russian literature].

Another work that Turgenev refers to as an important prototype is *Муму* (Муму, 1854). One of the characters in the aforementioned story, the cruel landowner Varvara Petrovna Lutovinova, is interpreted as the prototype of Turgenev's mother, who is described with her cruelty in researches about her [Gribina: 2–5].

Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky (1821–1881) is one of the leading authors of classical period Russian literature, who often incorporate real people and events in his works. For this reason, various opinions have been put forward by researchers about the prototype of Raskolnikov, the protagonist of his important novel *Crime and Punishment* (Преступление и наказание, 1866). One of them is Gerasim Chistov, the 27-year-old butler who, in January 1865, kills two old women (a cook and a laundress) with an ax to rob their landlord, petty-bourgeois Dubrovina, in Moscow. Valuable items such as money, silver and gold are stolen from the owner's iron chest. The dead bodies are found in different rooms, covered in blood. Another prototype is A. Neofitov, a Moscow professor of world history, a maternal relative of Dostoevsky. In the novel, the similarity of Raskolnikov's desire to get rich quickly, which occupies his mind to a large extent, and Neofitov's involvement in the case of fake tickets for a 5% domestic debt, bring the two protagonists closer in a broad sense. The third prototype is French criminal Pierre Francois Lacener, who thinks killing a person is the same as "drinking a glass of wine." Lacener writes poems and memoirs to try to justify his crimes and in this works he tries to prove that he is a "victim of society" and an avenger, fighting social injustice in the name of his revolutionary ideas told to him by utopian-socialists. The fact that news of the Lacener trial in the 1830s appeared on the pages of Dostoevsky's

1861 journal *Vremya* greatly brings researchers closer to the possibility of this view.

Myshkin, the protagonist of Dostoyevsky's novel *The Idiot* (*Идиот*, 1869), is another hero that has more than one prototype in itself. Likewise, when his letters are examined, it is seen that the author tried to embody the characteristics of Jesus as a positive image in Myshkin. From this, it is understood that Dostoevsky chose cultural-religious images as prototypes as well as real people, literary characters. Prince Myshkin stands out as the embodiment of Jesus on earth. Myshkin is as positive and beautiful a person as possible for a resident of a sinful world. The hero sacrifices himself because he is chosen by the author to take the sins of the people on himself. At this point, Don Quixote is considered another prototype of Myshkin. Myshkin is the new Don Quixote, the Russian Don Quixote. Both Don Quixote and Myshkin have one common goal: to help the relatives, the oppressed and the humiliated, to achieve justice. At the same time, they are completely dedicated to their mission, ready to sacrifice themselves for their ideas. They spend their lives finding ways to help people. While the prince shows his love for humanity at the highest level in discussions about the death penalty, Don Quixote speaks out against violence by defending convicts sentenced to service on galleys. Prince Myshkin is seen as the reflection of Jesus and Don Quixote on earth due to their similar natures, as he is a unique hero who embodies the features of the "positive beauty" and the ideal of the author in Russian literature.

F. M. Dostoyevsky writes the novel *Demons* (*Бесы*, 1872) under the influence of a sensational crime news. In 1869, the revolutionary group called *People's Revenge* (*Народная расправа*), led by Sergey Nechayev, killed their ally, student Ivan Ivanov. Nechayev claims that Ivanov betrayed the common cause and began to cooperate with the administration. This situation is shown as the justification for the murder. But in fact, there is no such betrayal. The massacre takes place for only one goal: to rally the revolutionary circle around a common secret and to strengthen Nechayev's authority. Nechayev's four accomplices are soon arrested and sentenced to hard labor, and he flees to Switzerland. In 1872, Switzerland extradites Nechayev to Russia as a wanted criminal. The court sentences him to 20 years of hard labor. However, this sentence is later converted to a conviction in the Petropavlovsky fortress. Ten years later, Nechayev falls ill and dies. All these events are placed on the basis of the novel *Demons* by the author and Nechayev becomes the prototype of Pyotr Verhovenskiy, one of the heroes of the novel.

Dostoyevsky's *The Brothers Karamazov* (*Братья Карамазовы*, 1880) has a special place in classical Russian literature with its tragic content. The work, which tells the tragedy of a family, is also a murder novel. However, this work is not a detective novel about a murder that takes the reader on an adventure, but a criminology novel that explains the factors behind the crime and analyzes the behavior of the criminal or criminals [Karaca: 1031]. The subject of this novel, which makes an impression at the time of its publication, is based on a true story. While the author was in exile in Siberia, he learned about this sensational case. A man, whose name Dmitry Ilyinskiy is accused of being a patricide and imprisoned. The author meets with this prisoner and equips the hero of his work, Dmitri Karamazov, not only with the name of Ilyinskiy, but also with some features of his character: an angry and passionate disposition combined with a noble spirit. Father Zosima, the spiritual mentor of Alyosha Karamazov in Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*, who mostly focuses on real people in his works, has a lot in common with the priest Optina Saint Ambrose. The author's acquaintance with Optina dates back to 1878. After Dostoyevsky's son Alyosha dies from sudden epilepsy, his wife persuades the philosopher V. Solovyov to go to the Optina Monastery with Dostoyevsky. The journey to this holy place is the author's long-planned dream. Dostoevsky meets three times with the priest Optina Saint Ambrose. Two of them happen in private. These conversations he had with the priest leaves a deep mark on the author's later life. As a matter of fact, in the novel, these conversations are fully reflected in the words of Zosima to the sad mother, according to the memories of Dostoevsky's wife Anna Grigoryevna [Sisjagina: 130].

Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky's (1828–1889) *What Is to Be Done?* (*Что делать?*, 1863) is an important work on that is generally focused prototype analyses. The protagonist of the work, Rahmetov, is a hero about whom prototype variations are put forward. According to Chernyshevsky, Rahmetov is an extremely special person. Experiencing a hard life, the hero sleeps on nails, works hard, reads a lot, and trains himself in eating and enjoying life in order to strengthen his will. Chernyshevsky does not directly mention all this in his work, because he knows that his novel will not pass censorship. However, from the context in the work, it is clear that Rahmetov spends all his spare time, strength and tools for the cause of revolution. From the conversation of the revolutionary Sergey Stahevich with Chernyshevsky in his book *Memoirs. Among Political Criminals* (*Воспоминания. Среди*

политических преступников), it becomes clear how the hero Rahmetov emerged. It turns out that Chernyshevsky was inspired by the story of the Saratov landlord Pavel Alexandrovich Bahmetev to create this character. Influenced by the ideas of socialism in his youth, Bahmetev sells his property in 1857 and donates a significant portion of his income to the famous publishers Aleksandr Herzen and Nikolay Ogaryov for their revolutionary needs. The money received becomes the basis of the “Bahmetev Fund,” which finances many revolutionary initiatives. After that, Bahmetev goes to New Zealand with the remaining money to establish a socialist commune there. There is not enough information about what happened in Bahmetev’s later life. According to a common variation, Bahmetov’s prototype is P. D. Ballod, who is also claimed to be the prototype of Turgenev’s Bazarov. A revolutionary democrat Ballod runs the underground printing house and draws attention with his extraordinary personality. Just like Rahmetov, Ballod has an astonishing willpower, which he has always trained and cultivated, as well as great physical strength, he can easily drag logs from place to place. In the work to describe his physical strength Rahmetov is also called as Nikitushka Lomov, who is known for his Hercules-level power in mythology. Just as Rahmetov is reflected in the work, Ballod does not engage in any other work, putting revolutionary activities at the center of his life. Everyone who knows Ballod, first of all, emphasizes his exclusivity, originality and being a special person. The fact that in the novel the name of the section in which Rahmetov is narrated *Special Person (Особенный человек)* can be considered as a reference to this judgment. Ballod, who is a very simple person in his daily life, never drinks. He keeps this decision he made in his youth all his life, including his exile in Siberia. In addition, Ballod, who does not smoke and never takes a gamble, remains single until the age of fifty. As a matter of fact, when we look at Rahmetov, it is seen that he has the same principles [Ginzburg: 60].

When the formation process of L. N. Tolstoy’s novel *War and Peace (Война и мир, 1865–1869)*, a voluminous work with a great hero cast, is examined, it is possible to see that there are many prototypes in the work. Nearly half of the more than 400 people in the novel have a particular prototype. For example, in Peer Rostov (father), the author’s grandfather Í. A. Tolstoy’s characteristics are recognizable, on the other hand elder Bolkonskiy has the qualities of his other maternal grandfather, Volkonskiy. Nikolay Rostov’s prototype is the author’s father Nikolay Tolstoy, and Marya Bolkonskaya’s

prototype is his mother Mariya Nikolayevna. Interestingly, in early drafts of *War and Peace*, many of the characters carry not only the names of their prototypes, but also their surnames [Ginzburg: 61]. There are several prototypes of Andrey Bolkonski, one of the central heroes of the work. The tragic death of the hero Tolstoy writes from the biography of the real prince Dmitry Golitsin. Golitsin is recruited in the Moscow archive of the Ministry of Justice. The prince, who is soon brought to higher ranks by Alexander I, begins his military service in 1805 and goes on expeditions with the army. Golitsin, who participates in many tough struggles, loses his life during the Battle of Borodino [Homutskii]. At the same time, most literary critics agree that the image of Prince Andrey is largely based on the biography of Lieutenant General Nikolai Tuchkov. Tuchkov, who has a brilliant military career just like Andrey, takes command of an important army corps during the war with Napoleon. However, like Prince Andrei, Tuchkov is mortally wounded in the chest during the Battle of Borodino and soon dies in Yaroslavl. Tatyana Bers is the greatest love of Tolstoy's brother Sergey, whom he admires. As a matter of fact, it is inevitable for Tolstoy to draw Bers as the most attractive heroine in his work. As a result, the image of Natasha Rostova, a beautiful young woman shining with happiness and sincerity, is gradually born from the pen of the great Russian writer. The naturalness of her movements, the mistakes in her French, the passionate desire for love and happiness inherent in Tatyana Bers are the qualities that complete Rostova [Miloslavskaya: 72–75].

Anna Kern, presumed to be the prototype of Tatyana Larina in A. S. Pushkin's *Yevgeny Onegin*, is also thought to be the prototype of Lev Nikolayevich Tolstoy's (1828–1910) famous novel *Anna Karenina* (*Анна Каренина*, 1875–1877). With the diversification of research on the work, the prototype arguments about the protagonist also differ at the same rate. For example, in contrast to Anna Kern, researchers of Tolstoy's art state that they are very similar to Tolstoy's Anna Karenina and Pushkin's eldest daughter, Mariya Gartung. Tolstoy meets Gartung in 1868. However, this similarity is not in terms of character or life, as Tolstoy's relative T. Kuzminskaya expressed, but only in terms of appearance. The fate of Anna Karenina is similar to the death of Anna Stepanovna Pirogova, an acquaintance of Tolstoy. The author handles Pirogova's tragic ending in his novel. The young woman throws herself under the train because of her unhappy love affair with the neighbor of the Tolstoy, A. N. Bibikov. This death deeply affects Tolstoy; he goes to the train station where the tragedy took place in order to see the body

of the unfortunate young woman. He places this event at the center of *Anna Karenina*. According to researchers, another prototype of Anna is Princess Aleksandra Alekseyevna Obolenskaya, the founder of the girls' high school in Petersburg. In 1852, Tolstoy makes her an offer, but she rejects it. The fact that Obolenskaya's maiden name is Karenina strengthens this claim of the researchers. Prototypes of Anna's husband, Aleksey Alexandrovich Karenin, a high-ranking Petersburg noble, highly respected in society are considered Tolstoy's acquaintances S. M. Suhotin, who stood out with his "reasonableness" and experienced a similar family tragedy, and A. M. Kuzminskiy, the author's brother-in-law. Literary critics argue that the prototype of another heroic Peer Aleksey Kirillovitch Vronsky is Colonel Nikolay Rayevsky, the representative of the leading military dynasty of the Russian Empire. On the other hand, the poet Aleksey Konstantinovich Tolstoy is assumed as the prototype of Vronsky. L. N. Tolstoy himself is thought to be the prototype of Konstantin Levin, with his sincerity, kindness to the peasants, loyalty to the land, and fondness for physical labor. Tolstoy, who endows his hero with his personal traits, also gives him a name derived from his own. The prototype of Levin's wife, Yekaterina Shcherbatskaya, is Princess Praskovya Shcherbatova, one of the most beautiful women in the capital, whom Tolstoy fell in love with in his youth [Agafonova, Kolpeckaia: 2–5].

Prototypes in Russian Literature of the 20th Century

Prototypes, which are a great source of inspiration for literary works, always continue to be the nurturing points of literary masters, even if the trends in periods and prose genres change. As discussed in the section above, these heroes, who were concentrated in the Classical Period Russian literature, also predominate in contemporary Russian literature at the same rate. One of them, Aleksandr Serafimovic (1863–1949), is among the writers inspired by a real personality when he wrote the *Iron Flood* (*Железный поток*, 1925) that mirrors the Civil War. Knowing the history of the Taman army closely, A. Serafimovich's interest in the Taman campaign increases especially after he meets the Taman commander, Yepifan Iovic Kovtyuh, in 1921. The reason why the author especially focuses on Kovtyuh is that he has an important place in the struggle of the Tamanites. Kovtyuh was born in Visunsk in 1890 in a family that worked as a farmer for the Cossacks. During this period, he begins to hate the Cossacks living in Russian lands. During World War I, he is drafted into the army. He participates in military struggles in Iran and

Turkish lands. As a result of his courage and heroism, he is awarded the Georgi Cross twice and is sent to the officer's school. After receiving the title of captain, he starts his duty and welcomes the October Revolution with the rank of colonel. The commander, whose reputation is increasing day by day, attracts Serafimovich's great attention. Therefore, the prototype of Kojuh, the protagonist of the *Iron Flood* novel, is the commander of the first regiment of the Taman army, about which Serafimovich researches and learns its history in detail [Vyhodceva: 195].

The head of the archive committee of the Nizhny Novgorod region, Boris Pudalov, draws attention to an important prototype with these words: "On May 15, 1877, a man largely forgotten by the younger generation was born. But he is very well remembered in the old days. Pyotr Andreevich Zalomov from Nizhny Novgorod is the prototype of Pavel Vlasov, the protagonist of Maxim Gorky's novel *The Mother* (*Mamb*, 1907). His life was divided into two unequal phases. The first is the ordinary life of a young worker in pre-revolutionary Nizhny Novgorod. Born in a large family, from the age of 12 he worked 11 hours a day at the Kurbatov Factory. In the same place his father died due to harmful production. The second is his life with revolutionary activities" [Voznesenskaia]. Likewise, when we look at Maksim Gorky's *The Mother*, the protagonist's resemblance to this person strengthens the idea that he is his prototype.

The prototype of the protagonist in *Bebka* (*Бebка*, 1902), written by Aleksey Mikhailovich Remizov (1877–1957), is author's friend from the exile of Ust-Sisolskiy, doctor L. Ī. Zalivskiy's younger son, nicknamed *Bebka* in his childhood. For a long time, the child is only referred to as the "doctor's son" in the researches on the work, so his full name is not known [Lindeberg: 215]. Assol, the protagonist of Aleksandr Grin's (1880–1932) long story *Red Sails* (*Альиe наpyca*, 1923), lives with his sailor father. After retiring, her father starts making toys so that he can take care of his little girl and continue his life. And one day in the forest, Assol meets an old man named Egl, who tells her that when she's grown up, a prince with a red sail will come. Assol believes the old man and waits for the Prince. Finally, her dream comes true and the person she has been waiting for arrives. The dreamer Assol does not have a single prototype. The first of these is Mariya Sergeevna Alonkina, who works as a secretary at the Art House and falls in love with her almost everyone who lives in or visits this house. The other is a teenage girl, whom Grin once met while climbing the stairs to his office. There is something

supernatural about the appearance of this short, dark-faced girl: a flying walk, a bright look, a ringing happy laugh. Grin greatly likens this seventeen-year-old Masha Alonkina to Assol, the protagonist of *Red Sails*, which he was working on at the time. Another person who is considered as the prototype of Assol is Nina Nikolayevna Mironova, whom Grin met in 1921 and who worked at the Petrogradskoye Echo newspaper at this time. Grin, who is quite gloomy and lonely, is greatly influenced by this cheerful and lively young woman [Homutskii].

Aleksey Nikolaevich Tolstoy (1883–1945) does not fictionalize his very intelligent protagonist in his *Hyperboloid of Engineer Garin* (*Гиперболоид инженера Гарина*, 1927). Garin's prototype is the talented engineer Apollon Arkadyevitch Tsimlyanskiy, the son of a court clerk. According to the memoirs of some contemporaries, Tolstoy knows Tsimlyanskiy personally in the 1920s, because they live together on the same street in Tsarskoye Selo, near Petrograd. Tsimlyanskiy is full of energy, with the extraordinary talent of a designer and inventor, a versatile personality in the truest sense of the word. Working with radioactive materials in the mid-1920s, Tsimlyanskiy makes a discovery that helps accelerate the creation of nuclear weapons. Space flights, which are a very fashionable subject at that time, also takes place in Tsimlyanski's field of interest. Tsimlyanskiy develops a project for a lunar expedition that envisions the Americans' technological solutions. Leaving the Soviet Union, the scientist is sent on an indefinite business trip to Germany. Tsimlyanskiy, who remains here completely, also achieves important successes in the atomic field. He dies of food poisoning in 1938, the day after the Soviet Czech, who came to persuade him to return to his homeland and received a refusal to this offer.

The novel *Doctor Zhivago* (*Доктор Живаго*, 1957) by Boris Leonidovich Pasternak (1890–1960) stands out with the density of prototypes in it. Researchers argue that the prototype of Antonina Gromenko, one of the central heroes of the work, is the artist and Pasternak's first wife, Yevgeniya Vladimirovna Pasternak (Lurye). In Pavel Antipov, Pasternak uses the lines of the famous poet Vladimir Mayakovsky, whom he knows well. In Lara, the main woman protagonist of the novel, the writer unites at least two women who have an important place in his biography: his second wife, Zinaida Neygauz-Pasternak, and his late-life lover, Olga Ivinskaya. Literary writer Konstantin Polivanov argues that Pasternak's personal and artistic relationships with the poet Tsvetayeva has a great influence on the novel.

This influence is reflected in the fact that Marina Shchapova, daughter of the doorkeeper Markel, the last love of the protagonist Yuriy Zhivago, bears the same name as Marina Tsvetayeva. Pasternak's declaration of the famous composer Skryabin as his "idol" in his memoir titled *The Security Document* (*Охранная грамота*, 1931) paves the way for the researcher Viktor Frank to conclude that Nikolay Vedenyapin in the piece is related to Skryabin [Birjukova].

Mikhail Afanasievich Bulgakov's (1891–1940) fantastic long story *Heart of a Dog* (*Собачье сердце*, 1925) is based on a true story. The protagonist of the work, Professor Preobrazhenski, conducts rejuvenation experiments in his laboratory. For this purpose, he takes a hungry stray dog that he encounters on the streets of Moscow to his home to use in his experiment. The dog, which has been struggling with hunger and cold for a long time, cannot resist the salami offered by the professor, and immediately follows him. After this time, it accepts this human being as his master. The purpose of the doctor is to integrate the human pituitary and testicles with the dog's body and to ensure the development of a hybrid species [Özakın: 39]. It is accepted that the prototype of Professor Preobrazhenski is the distinguished French physiologist doctor, the successor of the famous Claude Bernard, the Frenchman Brown-Sequard. The report, read by the scientist at the Paris Scientific Society on June 1, 1889, arouses great repercussions all over the world and attracts the attention of the public for a long time. It would not be difficult for Bulgakov, who is also a doctor, to develop the thoughts of a scientist and turn them into an exciting topic in his work. Seventy-year-old Brown-Sequard, feeling weak due to old age, begins to experiment on animals and finally finds a way to rejuvenate. He injects himself six times with an extract from the testicles of rabbits and dogs and feels thirty years younger. He regains his physical and mental energy. To demonstrate the accuracy of his observations, Brown-Séquard runs, with several pauses, up the stairs, which he had previously struggled to climb, in front of witnesses. The experiment of the French doctor is repeated by other scientists, and many confirm the effectiveness of this invention. However, Brown-Sequard soon admits that the rejuvenating effect of his drug is short-lived and soon precipitates the collapse of the organism. As a matter of fact, the scientist begins to fade rapidly and dies five years later [Miloslavskaya: 72–75].

In another work by Mikhail Bulgakov, *The Master and Margarita* (*Мастер и Маргарита*, 1967), the protagonist The Master takes one of the

main roles. The Master does not have any name, the author never mentions the name of his hero, and even another protagonist, Margarita, does not call him by name. The master differs from the other commission writers of that time. Unlike them, he writes about Jesus during the rise of atheism, about anything that is interesting to him. He tries to find his place in a hypocritical society where money decides everything. Even though his novel is not published, it receives negative reviews. That's why the Master burns his novel. Both his age and the fact that Bulgakov burned the first version of his work strengthens the view that the prototype of the Master is Mikhail Bulgakov himself. The arguments that the Master has another prototypes that are different from each other are also intense. With his clean-shaven, dark hair, pointed nose, worried eyes, and a lock of hair hanging from his forehead, the Master brings to mind N. V. Gogol. Likewise, the Master's similar action with Gogol's burning of the second volume of *Dead Souls* reveals the parallelism between the two people. The protagonist is also similar to Doctor Vagner from Goethe's *Faust*. The Master's monologue in the work has a tangible affinity with the poet's oratory in his theatrical introduction in *Faust*. On the other hand, the Master has similar characteristics with the German philosopher Immanuel Kant, as it is also mentioned in the novel. Even some details in the biography of the founder of German classical philosophy are reflected in the Master. The protagonist's fate is like a negative version of Kant's fate in that they both encounter events such as the betrayal of their best friend. While Kant was able to overcome a physical illness in his own time, the novelist Master, unlike him, does not have the strength to overcome his mental depression alone. Due to this spiritual crisis that he cannot overcome, the Master cannot see the publication of his novel. The 1936 version of *The Master and Margarita* draws attention as it is much closer to M. Kant's features [Alehnovich, Popkova: 10]. Another protagonist of the work, the prototype of Margarita, is, according to many opinions, Bulgakov's last wife, Yelena Sergeevna. When they meet, Yelena, like Margarita, is not free but married. Her husband at that time was a prominent military leader Yevgeny Shilovsky. However, Yelena, whose marriage was not going well, meets Mikhail Bulgakov at a mutual friend's house during this period. Bulgakov is also getting married for the second time in the mentioned period. After a tumultuous love affair and a heavy separation from her husband, Margarita finds her Master. Bulgakov, who falls ill, dictates the final version of his novel, especially to Yelena Sergeevna.

After her death, Yelena devotes her life to preserving her husband's novel *The Master and Margarita* [Rublevskaia].

Mikhail Bulgakov's *On The Run: A Play In Eight Dreams* (Без, 1957) also draws attention with its prototype density. Many of the heroes in the play have a historical prototype. The prototype of Serafima Vladimirovna Korzuhina, a beautiful-looking, proud and noble young woman who, despite many unfortunate events, has not lost her stamina, is Bulgakov's second wife, Lyubov Belozerskaya, whose memoir book forms the basis of the play [Belozerskaya-Bulgakova]. The surname of Sergey Pavlovich Golubkov, son of a famous and idealistic philosopher-professor, is an anagram of Mikhail Bulgakov's surname. This reference brings to mind the prominent idealist philosopher and theologian S. N. Bulgakov. On the other hand, it also refers to the author himself, who is the son of a theology professor and has been thinking of going abroad for a long time. The prototype of Grigoriy Lukyanovich Czarnota, a veteran soldier and a middle-aged hero with good luck in gambling, is Lieutenant General Sergey Ulagay, who participates in the Crimean events of 1920 and is evacuated to Istanbul at the same time. The prototype of Roman Valeryanovich Khludov, who hates war despite being the commander of the army, is Lieutenant General Yakov Slashchev-Krimsky, who commands the defense of Crimea, flees to Istanbul and returns to his homeland in 1921. Yakov is the most complex character in the play, representing the horror, regret and awareness of the uselessness of the White movement, with his unbridled nature. The prototypes of Paramon Ilyich Korzuhin, Deputy Minister of Commerce of the Crimean Government, who cheated on his wife Korzuhina, are the Minister of the Provisional Government Aleksey Nikitin and businessman Vladimir Krymov, whom L. Belozerskaya meets in exile.

Prototype of Ostap Bender, the protagonist of the novels *The Twelve Chairs* (Двенадцать стульев, 1927) and *The Little Golden Calf* (Золотой телёнок, 1931) by Ilya Ilf and Yevgeni Petrov, famous adventurer, poet Anatoliy Fioletsipov's brother Osip (Ostap) Benyaminovic Shor. From the Ostap Bender's appearance, character and speech, and the fact that even many sentences in the work belong to Shor himself, it is understood that he is the prototype of the hero [Homutskii]. Those who know Shor, closely speak of him as a kind-hearted, intelligent person with a highly developed sense of humor and a lightning-quick reaction to momentary events, on the side of truth. In 1918, Shor starts working as a detective in the Odessa Criminal

Investigation Department and in a short time, he deals a serious blow to a notorious gang. The bandits take revenge on him by killing his brother Fioletov. Devastated by his brother's murder, Osip swears to never pick up a gun again. Shor, who is fired from his job after a while, starts to travel the world. Due to his active and determined nature, he constantly finds himself in dangerous events. Knowing that Ostap Shor is working in the detective department, Ilf and Petrov place sentences and references showing his professional knowledge in the novel. After the release of *The Twelve Chairs*, Shor meets with Ilf and Petrov, expresses his sadness at the tragic death of the main character and points out some inconsistencies in time. The writers of the novel immediately realize how much Shor and his worldview have changed. For this reason, Bender in *The Little Golden Calf* appears completely different to the reader. On the other hand, there are prototypes of many heroes in *The Twelve Chairs*. The prototype of Nikifor Lyapis-Trubetskoy is the writers' friend, the poet Osip Kolichev from Odessa. The prototype of Avessalom Iznurenkov is Glushakov, who in the twenties gave hundreds of issues for articles and cartoons to all Moscow's satirical magazines. The locksmith Polesov in the work is Ilya Ilf's mechanic neighbor himself. Kisa Vorobyandinov is a close relative of Yevgeny Petrov and Valentin Katayev.

In 1940, in the first period of the Great Patriotic War, Arkady Petrovich Gaydar's (1904–1941) long story *Timur and His Commander* (*Тимур и его команда*) is published. Shortly after the publication of this work of Gaydar, director A. Razumnyi adaptes the work of the same name to the screen. The day the cinema is released is considered the "birthday" of the Timurov movement. The film, which is greeted with great enthusiasm by the public, finds its most meaningful expression among children and young people. The film, which says that they need to be useful to their homeland as soon as possible without waiting to finish school, inflames the heroic feelings of Soviet children, and after that, the children develop a more sensitive perspective to their environment. Based on Gaydar's work, the "Timurov movement" is formed soon with the participation of volunteer children and youth from cities and villages. This movement spreads throughout the country without slowing down. During the war, this voluntary organization plays a major role in solving the difficulties that the country can not cope with [Muhinova, Riabinina: 49–50]. It is believed that the prototype of A. Gaydar's Timurov movement is a group of scout soldiers operating in the vicinity of Petersburg in the 1910s. Indeed, the Timurids and the watchmen

do have a lot in common. Both groups of volunteer children come together especially ideologically and practically, in terms of their “knightly” concerns about the people around them, in the way they complete their well-meaning actions in “secrecy.” In this respect, it is thought that the prototype of the Timurov movement is the aforementioned scout formation [Homutskii].

During the World War II, great courage and self-sacrifice are required from all Russian people. These also include children. For this reason, real children become the prototype of many works in war literature. For example, the long story *Saska* (*Сашка*, 1981) by Vyacheslav Leonidovich Kondratyev (1920–1993). The brave seventeen-year-old pioneer Aleksandr Kapustin, who is awarded the Courage Medal for succeeding in attacking the enemy with a machine gun and capturing a German corporal in 1943, is the prototype of the protagonist Sashka [Egorova]. Lyubov Timofeyevna Kosmodemyanskaya (1900–1978), one of the leading authors of children’s literature, describes her own children who lost their lives while defending the freedom, independence, labor and peace of her people against the German armies during the Great Patriotic War, in her book titled *The Story of Zoya and Shura* (*Повесть о Зое и Шуре*, 1949). For this reason, the prototypes of Zoya and Shura, the protagonists in the work, are the children of Kosmodemyanskaya, from whom they are also named [Yetkin: 350–351].

In the first edition of Mikhail Aleksandrovich Sholokhov’s (1905–1984) *And Quiet Flows the Don* (*Тихий Дон*, 1928), there is a character named Abram Yermakov, the precursor of Grigoriy Melehov, who was not in the text at that time. Both Yermakov’s appearance and demeanor are intensely reminiscent of the later characterization Melehov. Both characters have a prototype: Veshensky Cossack from the village of Bazka, the division commander who took part in the Veshensky uprising, Kornet Harlamiy Vasilyevich Yermakov. Likewise, the author himself admits in his work that Harlamiy is the main prototype of Melehov. Less than a year before the publication of *And Quiet Flows the Don*, Yermakov is shot by decision of the OGPU board of directors. This event discourages Sholokhov from writing the fifth part of the novel. Because the writer often met with Yermakov. The fate of the soldier largely coincides with that of Grigoriy Melehov. Yermakov, who is assigned to many points of the military field until the Patriotic War, is considered dangerous after the end of the struggle and is fired as a former white officer. Arrests soon begin. The soldier, who is released on personal bail considering the benefits he showed during the war in his first arrest, is

arrested for the second time and sentenced to death by the decision of the OGPU board of directors. By 1989, he is rehabilitated by the Rostov District Court due to the lack of criminal components [Miloslavskaya: 72–75].

Boris Nikolaevich Polevoy's (1908–1981) *A Story About a Real Man* (*Повесть о настоящем человеке*, 1946), about the real Soviet pilot and war hero Aleksey Petrovich Maresyev, "99 percent" is based on the facts of his life, as the pilot himself states after it is published. For this reason, many works on Maresyev are written on the basis of the events that Polevoy tells in his story [Yetkin: 237–238]. In the same work, there is a prototype of Professor Vasiliy Vasilyevich, the chief of the hospital where Maresyev is treated. Although Professor Vasilyevich comes to the forefront with his extremely authoritarian attitudes and dominant direction in the hospital, he is a character who cannot help but feel sorry for Maresyev's situation. As a matter of fact, the doctor who replaces his lost son with Maresyev, who, like him, risked his life for the sake of his homeland, finds the best specialists after his legs were amputated and had prostheses made for the pilot. Apart from that, the doctor, who gave him his cane with his name on it on the day he left the hospital, became Maresyev's strongest support in his later life with this meaningful gift. The prototype of this character is the famous Kalinin surgeon, medical doctor, Professor Vasily Vasilyevich Uspenski [Pavlov: 128].

Captain Vrungel, the protagonist of Andrey Sergeevich Nekrasov's (1907–1987) *The Adventures of Captain Vrungel* (*Приключения капитана Врунгеля*, 1937), is a former experienced sailor with a firm and prudent character. As Nekrasov himself tells, Vrungel's prototype is an acquaintance with the surname Vronsky, who likes to tell about his sea adventures. This person's surname fits so well with the protagonist that researchers argue that the book should actually be called *The Adventures of Captain Vronsky*. However, the author chooses another surname for his hero so as not to offend his friend [Homutskii].

Prototypes are people to whom researchers reason by looking at the authors' environments and narratives. The prototype may be not only a historical figure, but also an unsightly person involved in an interesting story that catches the author's attention. For example, according to his biographer Brian Boyd, while Vladimir Vladimirovich Nabokov (1899–1977) is working on *Lolita* (*Лолита*, 1955), he frequently reviews the forensic sections in newspapers, which include stories of accidents, murders, and violence. The story of Sally Horner and Frank Lasalle in 1948 draws the author's attention

to a great extent. A middle-aged man violating all moral rules is heard to have kidnapped twelve-year-old Sally Horner from New Jersey and held her by force for almost two years until she is found in a Southern California motel. All this time Lasalle introduces Sally to everyone as her daughter, just like Nabokov's heroine. As a matter of fact, Nabokov also talks about this incident superficially in the book [Heroes of Russian literature]. Considered the best detective in Irkutsk, Mikhail Nikolayevich Fomin solves major and dangerous crimes, contributes to the liquidation of important gangs during his forty years of work in the Internal Affairs organs. He receives thirty-nine incentive awards for his loyalty to his profession, and is awarded various honorable state awards. Fomin becomes the prototype of the hero in many literary works with his important qualities and heroism in his life story.

Conclusion

Literature is the genre that accepts fiction as the dominant method, sometimes completely dealing with facts and sometimes completely bases on imagination. Every literary work has a cast of characters. These characters, which reveal the political, philosophical and psychological ideas of the authors, often have a prototype and he/she reflects his/her appearance, behavior and life story. Nevertheless prototypes are essentially hypotheses. These are the claims that researchers put forward based on the statements of the authors or similarities. Prototypes provide important information about how heroes in literary works are constructed. Some prototypes are immediately recognizable to the reader because they are very similar to their literary twins. Some are almost impossible to recognize. According to Ginzburg, these are the ones that the authors take "drop by drop": from the character of one, from the other an interesting event in his life, of the third — from his appearance [Ginzburg: 57]. In this study, it is seen that the prototype is not only person-based, but also provides important materials to literary works in the context of events and stories. The fact that the main plots of the works are taken from real stories, as well as the reflections of the characters of the heroes, shows that the prototype also forms the basis for the fiction. At this point, it is understood from the examinations made that prototype research is not a subject that is emphasized much in literature studies. In this study, which is written for this purpose, there are possible prototypes behind the dominant characters of the unique works of Russian literature. Prototypes put forward by literary scientists based on the biographies of writers and the

similarity of real people and literary characters have an important place in terms of providing the reader with the opportunity to look from a different perspective.

Список литературы

Источники

Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1989. 221 с.

Лермонтов М. Ю. Журнал Печорина: Предисловие // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6: Проза, письма. С. 248–249.

Исследования

Агафонова Д. В., Колпецкая О. Ю. Прототипы главных героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: Версии и факты (по материалам филологических исследований и мемуарно-эпистолярного наследия современников писателя). Астрахань: Научный центр «Олимп», 2018. С. 1–7.

Аминов К. Т. Историческая основа и прототипы героев романа якуба занкиева «Зори Иртыша»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2012. 24 с.

Бирюкова Н. С кого Пастернак списывал главных героев романа. URL: <https://arzamas.academy/materials/387> (дата обращения: 26.08.2022).

Вознесенская Д. Нижегородский архив рассказал о прототипе героя романа Горького «Мать». URL: <https://newsnn.ru/news/society/12-05-2017/nizhegorodskiy-arhiv-rasskazal-o-prototipe-geroia-romana-gorkogo-mat> (дата обращения: 26.08.2022).

Выходцева П. С. История русской советской литературы. М.: Высшая школа, 1986. 629 с.

Гинзбург Л. Г. По следам литературных героев (путешествие по стране прототипии) // *Русский язык и литература в школах Кыргызстана.* 2020. № 4. С. 56–63.

Грибина Л. В. Работа над прототипами на занятиях по литературе на факультетах педагогики и психологии высших учебных заведений (рецензирована) // *Вестник Майкопского государственного технологического университета.* 2015. № 2. С. 55–63.

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. 916 с.

Егорова А. Появившаяся 40 лет назад повесть писателя-фронтовика Вячеслава Кондратьева «Сашка» поразила читателей // *Российская газета.* URL: <https://rg.ru/2018/10/30/poiavivshaiasia-40-let-nazad-povest-pisatelja-frontovika-viacheslava-kondrateva-sashka-porazila-chitatelej.html> (дата обращения: 06.09.2022).

Линдберг О. А. О прототипе главного героя рассказа А. М. Ремизова «Бетка» // *Русская литература.* 2020. № 4. С. 214–218. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-214-218

Медведева И. Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова. М.: Худож. лит., 1971. 208 с.

Милославская Е. Прототипы литературных героев: нет вымысла без правды // *Российский кто есть кто.* 2002. № 5. С. 72–75.

Мушинова Н. А., Рябинина, А. А. Тимуровское движение в Татарстане в годы великой отечественной войны // Гуманитарные науки в XXI веке. Исторические науки. 2018. № 10. С. 47–55.

Павлов Н. П. Русские писатели в нашем крае. Калинин: Книжное изд-во, 1956. 142 с.

Пиксанов Н. К. Прототипы «Горя от ума» // Грибоедов А. С. Горю от ума. М.: Наука, 1987. С. 444–454.

Плеханова И. И. Литературный герой как «Прототип» личности писателя: условия «Узнавания» и художественные следствия идентификации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 139–158.

Рублевская Л. Прототипы известных литературных героинь имели необычные судьбы. Национальная библиотека Беларуси. URL: <https://www.nlb.by/content/news/library-news/-prototip/> (дата обращения: 25.08.2022).

Сабело Е. В. Катя Локтева — героиня романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: к проблеме прототипа // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4 (81). С. 193–199.

Свирский В. Д. Откуда вы, герои книг? Очерки о прототипах. М.: Книга, 1972. 176 с.

Сисягина А. В. К вопросу о возможных прототипах старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020. Вып. 3. С. 129–132.

Соколов Б. В. Расшифрованный Булгаков. Тайны «Мастера и Маргариты». М.: Эксмо, Яуза, 2010. 603 с.

Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение. 1974. 509 с.

Хомутский В. Герои русской литературы и их реальные прототипы. URL: <https://historicaldis.ru/blog/43359169169/Geroi-russkoy-literaturyi-i-ih-realnyie-prototipyi> (дата обращения: 25.08.2022).

Чупринин С. Прототипы в литературе. Livejournal. URL: <https://chuprinin.livejournal.com/26266.html> (дата обращения: 10.09.2022).

İnanır E. A. S. Griboyedov'un Akıldan Bela Oyununda Süje ve Eylem Sorunsalı // Tiyatro Eleştirmenliği ve Dramaturji Bölümü Dergisi. 2006. Nu. 8. P. 44–53.

Karaca B. Buzun Ateşle Dansı Sürecini Taçlandırın Bir Eser: Karamazov Kardeşler // Hece Aylık Edebiyat Dergisi. 2022. Nu. 26 (301). P. 1028–1034.

Olcaş T. İvan S. Turgenyev. İstanbul: Multilingual Yabancı Dil Yayınları, 2005.

Özakın D. Sovyetlerde Biyoetik İhlallerine Yönelik Bir Eleştiri: Mihail Bulgakov'un "Köpek Kalbi" Eserinde İnsan-Hayvan Melezi // Türkiye Biyoetik Dergisi. 2019. Nu. 1. P. 34–42.

Yetkin G. B. Sovyet Edebiyatına II. Dünya Savaşının Yansımaları. Çanakkale: Paradigma Akademi, 2022. 445 p.

References

Agafonova, D. V., Kolpetskaia, O. Iu. *Prototipy glavnykh geroev romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina": Versii i fakty (po materialam filologicheskikh issledovaniĭ i memuarno-epistol'nogo nasledii sovremennikov pisatel'ia)* [Prototypes of the Main Characters of the Novel "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy: Versions and Facts (Based on Philological Studies and Memoir-epistolary Heritage of the Writer's Contemporaries)]. Astrakhan', Nauchnyi tsentr "Olimp" Publ., 2018, pp. 1–7. (In Russ.)

Aminov, K. T. *Istoricheskaia osnova i prototipy geroev romana Iakuba Zankieva "Zori Irtysha"* [Historical Basis and Prototypes of the Heroes of the Novel by Yakub Zankiev "Dawn of the Irtysh": PhD Thesis, Summary]. Tobol'sk, 2012. 24 p. (In Russ.)

Biriukova, N. *S kogo Pasternak spisyval glavnykh geroev romana [From whom did Pasternak Write off the Main Characters of the Novel]*. Available at: <https://arzas.academy/materials/387> (Accessed 26 August 2022). (In Russ.)

Voznesenskaia, D. *Nizhegorodskii arkhiv rasskazal o prototipe geroia romana Gor'kogo "Mat"* [The Nizhny Novgorod Archive Spoke about the Prototype of the Hero of Gorky's Novel "Mother"]. Available at: <https://newsnn.ru/news/society/12-05-2017/nizhegorodskiy-arhiv-rasskazal-o-prototipe-geroia-romana-gorkogo-mat> (Accessed 26 August 2022). (In Russ.)

Vykhodtseva, P. S. *Istoriia russkoi sovetskoi literatury [History of Russian Soviet Literature]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1986. 629 p. (In Russ.)

Ginzburg, L. G. "Po sledam literaturnykh geroev (puteshestvie po strane prototipii)" ["In the Footsteps of Literary Heroes (a Journey Through the Country of Prototypes)"]. *Russkii iazyk i literatura v shkolakh Kyrgyzstana*, no. 4, 2020, pp. 56–63. (In Russ.)

Gribina, L. V. "Rabota nad prototipami na zaniatiakh po literature na fakul'tetakh pedagogiki i psikhologii vysshikh uchebnykh zavedenii (retsenzirovana)" ["Work on Prototypes in the Literature Classes at the Faculties of Pedagogy and Psychology of Higher Educational Institutions (Reviewed)"]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 2, 2015, pp. 55–63. (In Russ.)

Gusev, N. N. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for a Biography from 1855 to 1869]*. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1957. 916 p. (In Russ.)

Egorova, A. "Poiavivshaiasia 40 let nazad povest' pisatel'ia-frontovika Viacheslava Kondrat'eva 'Sashka' porazila chitatelei" ["The Story of the Front-line Writer Vyacheslav Kondratiev 'Sashka', which Appeared 40 Years ago, Amazed Readers"]. *Rossiiskaia gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2018/10/30/poiavivshaiasia-40-let-nazad-povest-pisatel'ia-frontovika-viacheslava-kondrateva-sashka-porazila-chitatelei.html> (Accessed 06 September 2022). (In Russ.)

Lindeberg, O. A. "O prototipe glavnogo geroia rasskaza A. M. Remizova 'Bebka'" ["About the Prototype of the Main Character of the Story 'Bebka' by A. M. Remizov"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2020, pp. 214–218. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-214-218 (In Russ.)

Medvedeva, I. N. "Gore ot uma" A. S. Griboedova ["Woe from Wit" A. S. Griboyedov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 208 p. (In Russ.)

Miloslavskaja, E. "Prototypy literaturnykh geroev: net vymysla bez pravdy" ["Prototypes of Literary Heroes: There is no Fiction Without Truth"]. *Rossiiskii kto est' kto*, no. 5, 2002, pp. 72–75. (In Russ.)

Mukhinova, N. A., Riabinina, A. A. "Timurovskoe dvizhenie v Tatarstane v gody velikoi otechestvennoi voiny" ["The Timur Movement in Tatarstan During the Great Patriotic War"]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke. Istoricheskie nauki*, no. 10, 2018, pp. 47–55. (In Russ.)

Pavlov, N. P. *Russkie pisateli v nashem krae* [Russian Writers in our Region]. Kalinin, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1956. 142 p. (In Russ.)

Piksanov, N. K. "Prototypy 'Goria ot uma'" ["Prototypes of 'Woe from Wit'"]. Griboedov, A. S. *Gore ot uma* [Woe from Wit]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 444–454. (In Russ.)

Plekhanova, I. I. "Literaturnyi geroi kak 'Prototip' lichnosti pisatelja: usloviia 'Uznaniia' i khudozhestvennye sledstviia identifikatsii" ["Literary Hero as a 'Prototype' of the Writer's Personality: Conditions of 'Recognition' and Artistic Consequences of Identification"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 1 (33), 2015, pp. 139–158. (In Russ.)

Rublevskaja, L. *Prototypy izvestnykh literaturnykh geroin' imeli neobychnye sud'by. Natsional'naja biblioteka Belarusi* [Prototypes of Famous Literary Heroines had Unusual Fates. National Library of Belarus]. Available at: <https://www.nlb.by/content/news/library-news/-prototip/> (Accessed 26 August 2022). (In Russ.)

Sabelo, E. V. "Katia Lokteva — geroinia romana I. S. Turgeneva 'Ottsy i deti': k probleme prototipa" ["Katya Lokteva — the Heroine of the Novel by I. S. Turgenev 'Fathers and Children': To the Problem of the Prototype"]. *Uchenye zapiski Orlovskogo osudarstvennogo universiteta*, no. 4 (81), 2018, pp. 193–199. (In Russ.)

Svirskii, V. D. *Otkuda vy, geroi knig? Ocherki o prototipakh* [Where are you from, Characters of Books? Essays on Prototypes]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 176 p. (In Russ.)

Sisiagina, A. V. "K voprosu o vozmozhnykh prototipakh startsa Zosimy v romane F. M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazovy'" ["On the Question of the Possible Prototypes of the Elder Zosima in the Novel by F. M. Dostoevsky 'The Brothers Karamazov'"]. *INITIUM. Khudozhestvennaia literatura: opyt sovremennoogo prochteniia: sbornik statei molodykh uchenykh* [INITIUM. Fiction: the Experience of Modern Reading: a Collection of Articles by Young Scientists], issue 3. Ekaterinburg, Ural Institute of Humanities of Ural Federal University Publ., 2020, pp. 129–132. (In Russ.)

Sokolov, B. V. *Rasshifrovannyi Bulgakov. Tainy "Mastera i Margarity"* [Deciphered Bulgakov. Secrets of the Master and Margarita]. Moscow, Eksmo, Iauza Publ., 2010. 603 p. (In Russ.)

Timofeev, L. I., Turaev, S. V. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 509 p. (In Russ.)

Khomutskii, V. *Geroi russkoi literatury i ikh real'nye prototipy* [Heroes of Russian Literature and their Real Prototypes]. Available at: <https://historicaldis.ru/blog/43359169169/Geroi-russkoy-literatury-i-ih-realnye-prototipy> (Accessed 25 August 2022). (In Russ.)

Chuprinin, S. *Prototipy v literature* [*Prototypes in Literature*]. Available at: <https://chuprinin.livejournal.com/26266.html> (Accessed 10 September 2022). (In Russ.)

İnanır, E. “A. S. Griboyedov’un Akıldan Bela Oyununda Süje ve Eylem Sorunsalı” [“The Problematic of Subject and Action in the Play of Mind and Trouble by A. S. Griboyedov”]. *Tiyatro Eleştirmenliği ve Dramaturji Bölümü Dergisi*, no. 8, 2006, pp. 44–53. (In Turkish)

Karaca, B. “Buzun Ateşle Dansı Sürecini Taçlandıran Bir Eser: Karamazov Kardeşler” [“Work Crowning the Ice Dance with Fire Process: Karamazov Brothers”]. *Hece Aylık Edebiyat Dergisi*, no. 26 (301), 2022, pp. 1028–1034. (In Turkish)

Olca, T. *İvan S. Turgenyev* [*Ivan S. Turgenev*]. İstanbul, Multilingual Yabancı Dil Yayınları Publ., 2005. (In Turkish)

Özakın, D. “Sovyetlerde Biyoetik İhlallerine Yönelik Bir Eleştiri: Mihail Bulgakov’un ‘Köpek Kalbi’ Eserinde İnsan-Hayvan Melezi” [“Critique of Bioethics Violations in the Soviets: Human-Animal Hybrid in Mikhail Bulgakov’s ‘Dog Heart.’”]. *Türkiye Biyoetik Dergisi*, no. 1, 2019, pp. 34–42. (In Turkish)

Yetkin, G. B. *Sovyet Edebiyatına II. Dünya Savaşının Yansımaları* [*To Soviet Literature II. Reflections of World War II*]. Çanakkale, Paradigma Akademi Publ., 2022. 445 p. (In Turkish)

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-184-197>
<https://elibrary.ru/MRWNTT>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2022. И. А. Поляков

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

**Неизвестный список паломнического сочинения
«Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия...»
в фондах Отдела рукописей РНБ**

*Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИРЛИ РАН
в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению
«Россия и Ближний Восток: исторические, политические
и культурные контакты и взаимосвязи» в 2022 г.*

Аннотация: Статья посвящена обнаруженному в составе собрания А. А. Титова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки новому списку «Рассказа святогорца, схимонаха Селевкия» — известного мемуарного сочинения монаха Свято-Пантелеймонова монастыря Селевкия (Степана Трофимова). В статье помещены результаты палеографического, кодикологического и почерковедческого анализа Титовского списка, на основании которых сделан вывод о том, что выявленный список является корректурой набора с не дошедшей до нашего времени рукописи, подготовленной не позднее 1878 г. Первичное текстологическое сравнение Титовского списка с опубликованными Троицким и Афонским списками позволили нам высказать гипотезу о наличии в Титовской рукописи другой редакции, значительно отличающейся от текстов Троицкого и Афонского списков. Автором статьи отмечается необходимость полнотекстового сличения всех списков для возможного пересмотра существующей текстологической схемы произведения.

Ключевые слова: автобиографический жанр, рукописная культура, паломническая литература, Селевкий, Степан Трофимов, Афон, Святая Земля.

Информация об авторе: Иван Анатольевич Поляков, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

E-mail: ivan669@bk.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.09.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 26.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Поляков И. А. Неизвестный список паломнического сочинения «Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия...» в фондах Отдела рукописей РНБ // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 184–197. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-184-197>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 184–197. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 184–197. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Ivan A. Poliakov

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

The New Copy of Pilgrimage Work “The Story by Mount Athos Monk Seleucus” from National Library of Russia Collection

Acknowledgements: The reported study was funded by state project of The Institute of Russian literature of Russian Academy of Science (Pushkin House): “Russia and Middle East: the Historical, Political and Cultural Contacts and Interconnections” (2022).

Abstract: The article focuses on the new copy of the memoir work by famous Athos monk Seleucus (Stephan Trofimov) founded at the Titov collection of manuscripts which is preserved at the Manuscript Department of the National Library of Russia. The article includes the results of paleographical, codicological and handwriting studies of Titovsky copy. It shows that this copy was a proofreading of the manuscript, which was lost. The proofreading was made not later than 1878. A selective comparison of the text of the Titovsky copy with the Athos and Troizky copies allowed the author to propose a hypothesis that Titovsky copy includes the different redaction of the text. In conclusion the author insists on a word-for-word comparison of the text of the all three copies, because the future results can change the traditional conception of the history of the work by Seleucus.

Keywords: autobiographical genre, manuscript culture, pilgrimage literature, Seleucus, Stephan Trofimov, Mount Athos, The Holy Land.

Information about the author: Ivan A. Poliakov, PhD in History, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

E-mail: ivan669@bk.ru

Received: September 05, 2022

Approved after reviewing: October 26, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Poliakov, I. A. “The New Copy of Pilgrimage Work ‘The Story by Mount Athos Monk Seleucus’ from National Library of Russia Collection.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 184–197. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-184-197>

«Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия» — известное автобиографическое произведение, составленное монахом Афонского Свято-Пантелеймонова монастыря Селевкием в конце 1850-х гг. В центре сюжета находится повествование Селевкия (в миру — Степана Трофимова) о своем жизненном пути: тяжелом детстве в городе Свиштов (современный г. Свиштов на границе Болгарии и Румынии), путешествиях с разными людьми по городам Российской империи, паломническим поездкам по России и Святой Земле и, наконец, пострижению на Афоне и монашеской жизни в Свято-Пантелеймоновом монастыре. Завершается произведение второй поездкой автора по России в 1859 г. (с афонским монахом Макарием для сбора милостыни), в ходе которой и был составлен «Рассказ». Сочинение Селевкия было опубликовано в г. Санкт-Петербурге в 1860 г. [Рассказ святогорца], получило большую известность и вошло в число наиболее авторитетных произведений XIX в., содержащих описания святынь Афона, Святой Земли и Российской империи [Часин 2019а: 117; Часин 2020: 178]¹. Для исследователей истории русского монашества на Афоне наиболее ценной частью мемуаров Селевкия Трофимова является «Краткое сказание о жизни и подвигах некоторых старцев а) умерших и б) по ныне еще подвизающихся в Руссике на Св. горе Афонской», помещенное в приложение и состоящее из кратких биографий монахов, с которыми был знаком автор [Рассказ святогорца: Приложения 1–44]. В некоторых случаях, сочинение Селевкия — это единственный источник, содержащий биографические сведения о том или ином монашеском деятеле.

По мнению ученых, информация, помещенная в «Рассказе», заслу-

---

¹ К обозначенным работам Е. В. Часина, упоминающим мемуарное сочинение схимонаха Селевкия, следует добавить вышедший в 2021 г. сборник биографий афонских монахов: [Арсений, иером.: 115–121].

живает доверия, так как сам Селевкий Трофимов — реально существовавшее лицо. Его личные документы и эпистолярное наследие сохранились в архиве Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне [Часин 2019а: 118]. Согласно его собственноручной автобиографии, хранящейся там же, Степан Трифонович Трофимов родился около 1816 г. В 1840-х гг. он стал постриженником Свято-Пантелеймонова монастыря. После второй поездки в Россию в 1859 г. для сбора милостыни Селевкий осуществил свое давнее желание и ушел в отдаленную Георгиевскую келью, где прожил до конца своих дней — до 1879 г.

Несмотря на длительное использование «Рассказа» как источника по истории русского монашества на Афоне и истории паломничества на Святую Землю, обстоятельства создания сочинения и биография его автора специально не рассматривались исследователями. Данная информация заимствовалась учеными из текста самого сочинения. К примеру, современная статья о Селевкее (Трофимове) из «Русского Афонского отечника» основана преимущественно на событиях, описанных в «Рассказе» [Русский Афонский отечник: 152–153]. С XIX в. произведение было известно в двух вариантах: по изданию 1860 г. [Рассказ святогорца] и в виде рукописи — *Троицкого* списка, хранящегося в рукописном собрании Троице-Сергиевой Лавры¹. До конца 2010-х гг. сопоставление *Троицкого* списка и издания 1860 г. не проводилось, так как специалисты работали только с печатным текстом.

Новым этапом в истории изучения «Рассказа» стали последние работы Е. В. Часина, обратившегося к проблемам истории создания и публикации произведения. Ученому удалось не только проанализировать личные документы Селевкия Трофимова из архива Афонского Свято-Пантелеймонова монастыря — его переписку и рукописную автобиографию, но и ввести в научный оборот еще один список сочинения — *Афонский*² [Часин 2019а; Часин 2019б]. Стоит отметить, что впервые эти материалы были отражены в каталоге рукописей, печатных книг и архивных материалов обители, составленном иеромонахом Ермолаем, Ж. Л. Левшиной и А. А. Туриловым, однако до Е. В. Часина

---

¹ ОР РГБ. Ф. 304/2. № 354; Далее в статье рукопись обозначена как *Троицкий* список (терминология Е. В. Часина).

² РПМА. № ЛО33112; Далее в статье рукопись обозначена как *Афонский* список (терминология Е. В. Часина).

они не становились предметом отдельного исследования [Каталог 1: 197, 376; Каталог 2: 161, 447].

Е. В. Часин провел кодикологическое, почерковедческое и текстологическое исследование обоих списков и сравнил их тексты с изданием 1860 г. Им было установлено, что издание было выполнено с *Афонского* списка, который можно достаточно точно датировать — на нем имеется помета цензора Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры, цензора архимандрита Макария от 3 февраля 1860 г., заверенная сургучной печатью [Часин 2019а: 124–126]. *Афонский* список совпадает с изданием и по структуре: посвящение читателям, авторское молитвенное обращение «Слава Богу о всем», основной текст произведения, два приложения: «Описание службы на 1-е октября в Русском монастыре св. великомученика Пантелеймона на Афоне» и «Краткое сказание о жизни и подвигах некоторых старцев...». *Троицкий* список, согласно выводам Е. В. Часина, не полон — в нем отсутствует посвящение к читателю, молитвенное обращение, окончание основного текста и оба приложения [Часин 2020: 183].

На протяжении более чем ста лет единственным источником об обстоятельствах создания «Рассказа» были слова самого Селевкия из заключительной части «Рассказа», отраженные в издании 1860 г. и, следовательно, в *Афонском* списке. Так, во время поездки из Петербурга в Тверь схимонах повредил ногу, неудачно соскочив с поезда. По пути из Твери в Рыбинск, а затем в Ярославль состояние ноги настолько ухудшилось, причем так, что Селевкий больше не смог продолжить путь. В Ярославле его приютили местные мещане — Иван Павлович Шапошников и его сестра Екатерина. У них он прожил несколько месяцев, в ходе которых ярославские жители приходили к нему и слушали рассказы о его жизненном пути и путешествиях по святым местам. В результате, как описывает автор, «Господь Бог и Царица небесная послали ко мне одного раба Божия. Он прочитал мои записки, доведенные до Курского житья-бытья, и поправил их. Потом я попросил переписать их набело; и он не отказался. Между тем, я продолжал составлять начерно свои записки; а он приходил ко мне, прочитывал переписанное набело, а черновое уносил к себе, домой, для переписки» [Рассказ святогорца: 236–237]. Оканчивается произведение вознесением молитв Богу и благодарности человеку, помогшему схимонаху написать мемуары.

В ходе работы с *Троицким* списком и перепиской Селевкия из архива Спасо-Пантелеймонова монастыря Е. В. Часину удалось частично подтвердить описанные в «Рассказе» события. Так, на корешке переплета *Троицкой* рукописи имеется запись «1859 год. С июля по октябрь» [Часин 2019а: 118]. Об интересе добродетельных ярославцев к своим историям и о пяти месяцах, проведенных в доме Шапошниковых, схимонах сообщал корреспондентам в письмах [Часин 2019а: 119–122]. На основании вышперечисленных свидетельств и результата сравнительного анализа списков исследователь предположил, что *Афонская* и *Троицкая* рукописи являются разными редакциями одних и тех же черновых записок «Рассказа», переписанных и обработанных разными людьми. По результатам сравнения текстов Е. В. Часин сделал вывод, что *Афонский* список «представляет собой “полную редакцию” памятника, а *Троицкий* “краткую»» [Часин 2020: 183]. Представляется, что автор стоит на позиции, что списки не восходят друг к другу и создавались по отдельности.

Ценными следует признать и результаты почерковедческого анализа, проведенного Е. В. Часиным [Часин 2019а: 126]. Выбрав за образец собственноручные письма схимонаха и автобиографию, ученый сопоставил его почерк с *Афонской* и *Троицкой* рукописями и установил, что ни один из списков не является автографом Селевкия, как это значилось ранее в описаниях собраний Троице-Сергиевой Лавры и Спасо-Пантелеймонова монастыря. Однако, на л. 1 в *Афонской* рукописи исследователь обнаружил владельческую запись, выполненную рукой Селевкия. Е. В. Часин также отметил, что писцом основной части *Афонского* списка были написаны под диктовку несколько писем схимонаха. Оба приложения в данном списке были выполнены другим переписчиком. Таким образом, по результатам почерковедческого исследования, ученый высказал предположение о том, что после публикации «Рассказа» по *Афонскому* списку, Селевкий забрал рукопись с собой на Афон. После его смерти в 1879 г. она вместе с другими личными материалами схимонаха поступила в Спасо-Пантелеймонов монастырь.

На сегодняшний момент главным итогом работы Е. В. Часина над историей «Рассказа» стало издание *Троицкого* списка произведения с вступительной статьей и комментариями [Часин 2020].

В ходе работы по поиску и выявлению материалов по истории русско-палестинских культурных контактов середины — второй по-

ловины XIX в. в Отделе рукописей РНБ автором настоящей статьи в фонде № 775 (собрание А. А. Титова) был обнаружен еще один список «Рассказа» — *Титовский*¹. Рукопись ранее не привлекала внимание исследователей и не имела листа использования. Список происходит из собрания рукописей и редких книг известного ростовского предпринимателя, историка, палеографа и краеведа Андрея Александровича Титова, чья коллекция по частям в 1902–1915, 1947–1952 гг. поступила в Отдел рукописей Императорской/Государственной публичной библиотеки². *Титовский* список рассказа попал в Отдел рукописей в начале XX в. вместе с основной частью собрания. По-видимому, отсутствие внимания со стороны специалистов объясняется тем, что авторы инвентарной описи фонда А. А. Титова не атрибутировали произведение, известное в научной литературе по титулу издания 1860 г. «Рассказ святогорца схимонаха Селевкия...», и поместили в опись только первую часть самоназвания *Титовского* списка: «Жизнь, странствия и труды Стефана Трифонова Трофимова», хотя в рукописи после этого предложение следует дополнение в квадратных скобках «[Автобиографический рассказ афонского схимонаха Селевкия]».

Рукопись хранится в картонной папке и состоит из 19 сложенных тетрадей бумаги машинного производства последней трети XIX в., сшитых между собой, без переплета. Расположение текста на листах, пометы, комментарии и наличие подстраничных сносок свидетельствуют о том, что *Титовский* список — это подготовленная к печати публикация не дошедшей до настоящего времени рукописи. Данный вывод подтверждает текст первой сноски на л. 1–1 об.: «Настоящий очерк составлен мною на основании сохранившегося в моем собрании рукописей автографа самого схимонаха Селевкия. При переработке этого автографа, которую необходимо было сделать, я старался как можно ближе держаться текста подлинника, чтобы тем самым сохранить тот дух чистосердечной простоты и наивной искренности, которым проникнуто все повествование схимонаха»³. В следующей сноске

---

¹ ОР РНБ. Титовское собр. № 4676; Далее в статье рукопись обозначена как *Титовский* список (терминология И. А. Полякова).

² Об истории складывания коллекции А. А. Титова подробнее см.: [Смирнов].

³ ОР РНБ. Титовское собр. № 4767. Л. 1–1 об.

неизвестный владелец *Титовского* списка указал, что «рукопись-автограф относится приблизительно к 1859 г.»¹.

В *Титовском* списке присутствует редакторская правка черными чернилами: некоторые слова зачеркнуты и заменены другими, есть надписанные над строкой и на полях предложения, видны следы перемещения по тексту тех или иных абзацев, по нижним полям листов имеются сноски с толкованиями значений греческих, турецких или арабских слов, использованных Селевкием. В некоторых местах на полях рукописи встречаются карандашные редакторские пометы: плюсы, галочки, знаки «Nota bene» и другие. В целом, редакторские добавления в *Титовский* список не приносят какой-либо новой информации и направлены на стилистическое улучшение произведения. Почерковедческий анализ рукописи показал, что обозначенные почерка переписчика основного текста и редактора тождественны и принадлежат неизвестному лицу.

На листах *Титовского* списка также присутствуют более поздние пометы фиолетовыми чернилами последнего владельца рукописи, коллекционера А. А. Титова. Его собственноручные записи и комментарии достаточно часто встречается на рукописях собрания. В *Титовском* списке они преимущественно локализуется в разделе, посвященном первой паломнической поездке еще не принявшего монашество Степана Трофимова по России. В нем автор подробно описал путь по городам и монастырям страны и сопроводил рассказ краткими историческими справками об истории той или иной русской святыни: церквях, монастырях, чудотворных иконах, мощах, редких предметах и т. д. «Российский» этап путешествия схимонаха более всего заинтересовал знатока ростовских древностей — на полях корректуры он оставил объемные комментарии к тексту и часто исправлял неверные исторические сведения². В редких случаях А. А. Титов вносил и стилистические правки, позволявшие, по его мнению, читателю лучше понять текст. На последнем листе рукописи после завершения основного текста А. А. Титов оставил единственную фактологическую помету. После благодарностей схимонаха в адрес ярославцев Шапошниковых и воззвания к Богу, написанных переписчиком, коллекционер добавил:

---

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 65–75.

«В Ярославле о. Селевкий заболел и скончался», а затем исправил последние три слова на «приболел не легко, скончался»¹.

Кроме вышеупомянутых записей А. А. Титова в корректуре отсутствуют другие маргиналии, но есть архивные пометы, позволяющие пролить свет на историю бытования рукописи. Так, помимо штампа Ростовского музея древностей, сделанного уже в XX в., на первом листе есть две карандашные пометы: «Инв. 4317» и «10 р<..>² 1878»³. Возможно, последняя запись расшифровывается как «10 рублей. 1878 г.» и означает дату покупки рукописи А. А. Титовым и суммы сделки. Такие записи на внутренней стороне верхней крышки переплета и на верхнем поле первого листа характерны для многих книг из собрания ростовского коллекционера.

Папка, в которой хранятся сложенные тетради, появилась не позднее 1885 г. На наклейке, приклеенной к ее верхней крышке, рукой А. А. Титова читается запись «С 1-го декабря 1885 г. Карректы» с подписью «А. Титов». Внутри папки помимо листов были обнаружены еще два документа: бумажный лист с выписками А. А. Титова о названиях русских монастырей⁴, посещенных Селевкием, и кружевная печатная открытка с поздравлениями к празднику Рождества и Нового года, подписанная Панфилом Михайловичем Фроловым⁵. На сегодняшний момент не удалось обнаружить каких-либо сведений о связи П. М. Фролова с данной рукописью, однако можно предположить, что открытка была адресована А. А. Титову. В личном архиве коллекционера, часть которого хранится в Государственном архиве Ярославской области, хранятся два письма П. М. Фролова к А. А. Титову от 1895 г. и 1902 г., следовательно, эти люди были знакомы и состояли в переписке⁶.

Предварительный анализ отдельных фрагментов *Титовского* списка показал, что он содержит иной текст по сравнению с *Афонским*

---

¹ Там же. Л. 209.

² После буквы «р» в записи следуют ещё две неразборчивые буквы.

³ ОР РНБ. Титовское собр. № 4767. Л. 1.

⁴ Там же. Л. I.

⁵ Там же. Л. II.

⁶ ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. № 1914; Подробнее см.: Фролов Панфил Михайлович // Интернет-портал Архивной службы Ярославской области. URL: <https://af.yar-archives.ru/archive1/unit/10000636718> (дата обращения: 23.10.2022).

и *Троицким*. *Титовский* список значительно больше по объему, хотя в нем отсутствуют посвящение читателям, молитвенное обращение «Слава Богу о всем», многочисленные вставки из Священных книг, присутствующие в издании 1860 г., заключительные абзацы основного текста (в *Титовском* списке сюжетная канва оканчивается на приезде Селевкия в дом Шапошниковых) и оба приложения. Этапы жизненного пути схимонаха совпадают во всех списках, однако в *Титовском* детальнее описаны все подробности его жизни, упоминаются множество второстепенных персонажей и мелких эпизодов, важных для понимания истории, акцент сделан на личных чувствах и переживаниях героя, что делает изложение более живым и красочным. В отличие от *Афонского* и *Троицкого* списков, текст *Титовского* списка поделен на 10 частей, обозначенных в корректуре римскими цифрами. Каждая из частей имеет логическое начало или конец и посвящена отдельному этапу путешествия Селевкия. К примеру, пятая часть описывает путь автора из Украины в Константинополь, Яффу и Иерусалим, а шестая посвящена уже рассказу о паломнических местах Святой Земли. Тем не менее, на данный момент неизвестно, было ли разделение на главы в не дошедшей до нас рукописи или же текст был поделен публикаторами.

Описанные выше различия между списками можно рассмотреть на примере небольшого фрагмента текста, открывающего основную часть повествования о детстве Степана Трофимова (*Таблица 1*).

*Титовский список*¹

I

Родился я и крещен³ в двадцатых годах настоящего столетия за рекою Дунаем под Балканскими горами в городе Слотове. Родители мои, по своему происхождению греки, были довольно

*Троицкий и Афонский списки*²
[Часин 2020: 184–185]

Родился аз грешный, Степан Трифонов Трофимов, и крещен под Балканскими горами, в городе Свистове. Родители мои были довольно богатые и богобоязненные. Однажды, когда

¹ ОР РНБ. Титовское собр. № 4767. Л. 2–3. При цитировании сохранена пунктуация, выбранная публикаторами Титовского списка.

² В данном фрагменте разночтения между Троицким и Афонским списками отсутствуют. Цитата приведена по более современной публикации Е. В. Часина с сохранением пунктуации исследователя.

³ В Титовском списке написано над строкой.

богатые и богобоязненные люди. Отец мой был добрый и снисходительный человек, но слишком слабый характером: он весь подчинился влиянию матери. Мать же моя, напротив, была строгая женщина и своих детей держала в страхе Божиим и повиновении. Детей в семье было трое: я и две мои сестры, которые были моложе меня.

Первый печальный случай из моей детской жизни, который я помню отчетливее всех предшествовавших ему, произошел со мной следующим образом.

Когда я научился ходить, однажды, без позволения матери, я убежал из дому на улицу и принялся с увлечением играть там с своими сверстниками в какую-то игру. Вдруг из мусульманского дома выбежал турчонок и швырнул в нашу толпу острый камень. Камень вонзился мне в голову, и я, истекая кровью, побежал домой. Дома меня встретила разгневанная моим самовольным побегом мать. Она схватила попавшийся ей под руку прут и больно высекла меня им, приговаривая: «ни бегай вперед без спросу играть на улицу!». Только уже окончив свою расправу со мной, мать обратила внимание на мою голову и занялась раной. Кровь, которая продолжала течь все время, пока я бежал с улицы и был дома, не унималась, и только уже после больших трудов и стараний кое-как удалось остановить ее течение. Целых полгода после этого я страдал от едва выносимой головной боли, голова долго продолжала болеть даже и после того, как затянуло рану, а шрам остался и до настоящего времени. Таково было начало моего детства и таково изуверство изуверных читателей лжепророка!

играл я, по детскому обыкновению, на улице с мальчиками, вдруг выбежал из мусульманского дома турчонок и швырнул в играющих острым камнем — камень вонзился мне в голову, и я, истекая кровью, побежал домой. Мать моя, всегда строгая, вместо ожидаемых мною ласк, высекла меня хворостиною, чтобы я не бегал для игры на улицу. В прошибенном же месте едва могли остановить течение крови, и я полгода страдал от невыносимой боли; когда и затянуло рану, голова сильно болела, а ямка и теперь осталась на ней. Таково было начало моего детства, и таково изуверство детей суеврных читателей лжепророка.

Отличия списков (детальность описания, последовательность рассказа, эмоциональная составляющая, наличие прямой речи) в вышеприведенном фрагменте характерны для всего текста произведения. Интересно, что публикаторы при наборе текста оригинала, вероятно, допустили ошибку и неверно прочитали название родного города Селевкия — «Слотов» вместо «Свистов», так как наименование «Слотов» отсутствует в русской и болгарской топонимике.

На данный момент без полного текстологического анализа *Титовского* списка невозможно сделать окончательный вывод о его происхождении. Тем не менее, на основании палеографического, почерковедческого и кодикологического исследований рукописи и отдельных фрагментов ее текста можно высказать гипотезу о том, что *Титовский* список существенно отличается от *Афонского* и *Троицкого* и содержит неизвестную ранее редакцию «Рассказа святогорца схимонаха Селевкия», не восходящую к «краткой» или «пространной» редакциями, выделенным Е. В. Часиным.

Внешний вид, структура рукописи, ошибки и оставленные редактором комментарии, текстологические различия с другими списками позволяют поверить словам неизвестного публикатора о существовании в его собрании подлинной рукописи — антиграфа *Титовского* списка, с которой был сделан набор. Исходя из сносок и владельческих помет в рукописи, корректура была изготовлена не позднее 1878 г., а к 1885 г. уже находилась в коллекции А. А. Титова. Более того, неизвестный публикатор не был ни изготовителем, ни первым владельцем рукописи и не имел представления ни об обстоятельствах пребывания Селевкия в Ярославле, ни о выходе печатного издания «Рассказа» в 1860 г. В противном случае это было бы упомянуто им в одной из двух сносок, носящих характер археографического комментария. Новый владелец корректуры, А. А. Титов, также не был знаком с изданием 1860 г., иначе бы он знал дальнейшую судьбу Селевкия и не оставил бы на последнем листе запись о его смерти. Являлся ли ростовский коллекционер владельцем антиграфа *Титовского* списка — неизвестно.

Вышеперечисленные факты позволяют выдвинуть предположение о том, что антиграф *Титовского* списка мог быть составлен на основании черновых записок, сделанных самим Селевкием или же упомянутым им «добрым человеком» осенью 1859 г. в Ярославле. Утверждение неизвестного хозяина корректуры о владении «автографом самого

схимонаха Селевкия» представляется тенденциозным, так как последний не был знаком с обстоятельствами пребывания Селевкия в волжских городах до обращения к тексту «Рассказа». Поскольку в 1880-е гг. *Титовский список* оказался у А. А. Титова, можно предположить, что антиграф *Титовского* списка после создания продолжал бытовать на территории Ярославля, Ростова или Углича и, вероятно, принадлежал коллекционеру из одного из этих городов.

Дальнейшим направлением исследования должен стать набор всей *Титовской* рукописи и сравнение ее полного текста с *Троицким* и *Афонским* списками. Представляется, что сопоставление всех редакций произведения позволит обозначить границы его протографа (устного рассказа или черновых записей Селевкия без редакторских правок) и дополнить текстологическую картину, созданную Е. В. Часиным. Важным элементом дальнейшей работы также является поиск новых сведений о времени пребывания схимонаха Селевкия в Ярославле, Петербурге и Москве в 1859–1862 гг. и обстоятельствах издания «Рассказа» в 1860 г.

Список литературы

Источники

Арсений, иеромонах. Подвижники Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне: XIX – первая половина XX века. М.: Сибирская Благовзвонница, 2021. 542 л.

Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов. Ч. 1: Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне / сост.: Ермолай (Чежия), Ж. Л. Левшина, А. А. Турилов // Русский Афон XIX–XX веков. Св. гора Афон: Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2013. Т. 7. Ч. 1. 829 с.

Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов. Ч. 2: Каталог рукописей, печатных книг и архивных материалов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне / сост.: Ермолай (Чежия), Ж. Л. Левшина // Русский Афон XIX–XX веков. Св. гора Афон: Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. Т. 7. Ч. 2. 543 с.

Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о своей жизни, и о странствовании по святым местам: Русским, Палестинским и Афонским; с присовокуплением: 1) Подробного описания службы на 1-ое октября, в Руссике, и 2) краткого сказания о некоторых старцах а) усопших и б) ныне подвизающихся с Божиею помощию, в Русском монастыре, на св. Афонской горе. СПб.: Тип. Королева и Ко, 1860. 281 л.

Русский Афонский отечник XIX–XX веков. Св. гора Афон: Изд-е Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2012. 751 с.

Фролов Панфил Михайлович // Интернет-портал Архивной службы Ярославской области. URL: <https://af.yar-archives.ru/archive1/unit/10000636718> (дата обращения: 10.08.2022).

Исследования

Смирнов Я. Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911). Ярославль: Ярослав Мудрый, 2015. 70 с.

Часин Е. В. К вопросу об атрибуции почерка афонского схимонаха Селевкия (Трофимова) // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2019а. № 1. С. 115–127.

Часин Е. В. О Троицком и Афонском списках рукописного «Рассказа афонского пустынноика схимонаха Селевкия про себя, как он, выйдя из-под Балканских гор, странствовал по России, Палестине, Афону» // Румянцевские чтения – 2019: Материалы Международной научно-практической конференции: в 3 ч. СПб.: РГБ, 2019b. Т. 3. С. 256–261.

Часин Е. В. Троицкий список Воспоминаний схимонаха Селевкия (Трофимова) о странствиях по Православному Востоку // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 2. С. 177–311. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-177-311>

References

Smirnov, Ia. E. *Andrei Aleksandrovich Titov (1844–1911)* [*Andrey Alexandrovich Titov (1844–1911)*]. Iaroslavl, Iaroslav Mudryi Publ., 2015. 70 p. (In Russ.)

Chasin, E. V. “K voprosu ob atributsii pocherka afonskogo skhimonakha Selevkii (Trofimova)” [“On the Question of Attribution of the Handwriting of the Athos Schemamonk Seleucius (Trofimov)”]. *Slovo i obraz. Voprosy izucheniia khristianskogo literaturnogo naslediiia*, no. 1, 2019a, pp. 115–127. (In Russ.)

Chasin, E. V. “O Troitskom i Afonskom spiskakh rukopisnogo ‘Rasskaza afonskogo pustynnika skhimonakha Selevkii pro sebja, kak on, vyidia iz-pod Balkanskikh gor, stranstvoval po Rossii, Palestine, Afonu.’” [“About the Trinity and Athos Lists of the Handwritten ‘Story of the Athos Hermit Schemamonk Seleucius about Himself, how he, Coming out from under the Balkan Mountains, Wandered around Russia, Palestine, Athos.’”]. *Rumyantsevskie chteniia – 2019: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch.* [*Rumyantsev Readings – 2019: Materials of the International Scientific and Practical Conference: in 3 pt.*]. St. Petersburg, Russian State Library Publ., 2019b, vol. 3, pp. 256–261. (In Russ.)

Chasin, E. V. “Troitskii spisok Vospominanii skhimonakha Selevkii (Trofimova) o stranstviakh po Pravoslavnomu Vostoku” [“Trinity List of Memoirs of Schemamonk Seleucius (Trofimov) about Wanderings in the Orthodox East”]. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaia i dukhovnaia slovesnost’* [*Literary Process in Russia in the 18th–19th Centuries. Secular and Spiritual Literature*], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 177–311. <https://doi.org/10.22455/Lit.pr.2020-2-177-311> (In Russ.)

© 2022. Е. В. Комлева

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
г. Новосибирск, Россия
Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Россия

Путевые дневники сибирских купцов конца XVIII — XIX в.: особенности, проблематика и информационный потенциал

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда
в рамках научного проекта № 22-78-10135, <https://rscf.ru/project/22-78-10135/>*

Аннотация: В статье характеризуется корпус путевых дневников, созданных в среде сибирского купечества в конце XVIII — XIX в., раскрываются особенности, проблематика и информационные возможности данного вида источников. Составлявшиеся как по воле самих путешественников, так и по указанию свыше, купеческие дневники изначально преследовали цель не просто описать дорогу, но зафиксировать трудности пути, природные преграды, особенности тех или иных населенных пунктов, дать рекомендации властям и коммерсантам. Все это делает путевые записи купцов ценными источниками по экономической истории, истории международных отношений, этнографии. Сохранившиеся тексты свидетельствуют о той значительной роли, которую играли купцы в изучении и хозяйственном освоении труднодоступных и удаленных районов Российской империи, становлении сети сухопутных и водных коммуникаций, развитии международной торговли. В отличие от мужских текстов, с самого начала ориентированных на собеседника, женским путевым тетрадям и альбомам были присущи сосредоточенность на внутреннем мире автора, описание личных переживаний, внимание к деталям повседневной жизни.

Ключевые слова: сибирское купечество, личные источники, путевые дневники, Российская империя, хозяйственное освоение, международная торговля.

Информация об авторе: Евгения Владиславовна Комлева, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия; Российская национальная библиотека, ул. Садовая, д. 18, 191069 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

E-mail: feodal@history.nsc.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 18.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Комлева Е. В. Путевые дневники сибирских купцов конца XVIII — XIX в.: особенности, проблематика и информационный потенциал // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 198–215. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-198-215>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 198–215. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 198–215. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Evgeniya V. Komleva**
Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia
National Library of Russia,
St. Petersburg, Russia

Travel Diaries of Siberian Merchants of the Late 18th–19th Centuries: Peculiarities, Issues and Information Potential

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project no. 22-78-10135 (<https://rscf.ru/project/22-78-10135/>).

Abstract: The article characterizes the corpus of travel diaries created among the Siberian merchants in the late 18th–19th centuries, reveals the features, problems and information capabilities of this type of sources. Compiled both by the will of the travelers themselves, and by order of the authorities standing over them, often subsequently published, merchant diaries were originally intended for the reader, often a representative of the state administration, and aimed not just to describe the road, but to fix the difficulties of the way, natural obstacles, features of certain settlements, to give recommendations to the authorities and merchants. All this makes the travel records of merchants valuable sources on economic history, the history of international relations, ethnography. The surviving texts testify to the significant role played by merchants in the study and economic development of remote areas of the Russian Empire, the formation of a network of land and water communications in Russia, the development of international trade. Unlike men's texts, which were oriented to the interlocutor from the very beginning, women's travel notebooks and albums were characterized by a focus on the inner world of the author, a description of personal experiences, attention to the details of everyday life.

Keywords: Siberian merchants, personal sources, travel diaries, Russian Empire, economic development, international trade.

Information about the author: Evgeniya V. Komleva, DSc in History, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva st. 8, 630090 Novosibirsk, Russia, National Library of Russia, Sadovaya 18, 191069 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

E-mail: feodal@history.nsc.ru

Received: September 12, 2022

Approved after reviewing: October 18, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Komleva, E. V. "Travel Diaries of Siberian Merchants of the Late 18th–19th Centuries: Peculiarities, Issues and Information Potential." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 198–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-198-215>

Среди созданных в среде сибирского купечества в течение XVIII–XIX вв. автобиографических текстов лишь незначительное число — на сегодняшний день известно чуть более десятка — относится к такому интересному виду, как путевые дневники. Жизнь купцов, особенно на востоке страны, была связана с преодолением огромных расстояний и постоянными разъездами. Нередко некоторые из них, как, например, иркутский купец Андрей Васильевич Белоголовый, в общей сложности по семь-восемь лет проводили в пути, бывая по несколько раз за год в крайних западных и восточных точках Российской империи. На путешествия смотрели как на отличный способ расширить кругозор, познакомиться с новыми местами и людьми из разных слоев общества [Белоголовый: 284–285]. Неудивительно поэтому, что купцы вели путевые записи, но удивительно, что их осталось так мало. Тем более что этот автобиографический жанр, начавший активно развиваться в России со времен Петра I и претерпевший качественные изменения во второй половине XVIII в. [Тополова: 223–225], впоследствии получил еще большее распространение; и многие интересные заметки о путешествиях, авторами которых были, в том числе и купцы, размещались на страницах периодических изданий.

Выявление и анализ купеческих путевых записок связаны с определенными трудностями: прежде всего, такие тексты могут находиться в составе самых разнородных архивных дел, и по отношению к ним, как и к другим свидетельствам ранней русской рукописной автобиографической традиции, вполне применимы слова специалиста в области русской мемуаристики М. А. Смирновой о том, что обнаружить их можно, только используя «трудоемкий подокументный просмотр рукописных собраний библиотек и архивохранилищ» [Смирнова: 78]. О тех же из них, которые увидели свет еще при жизни авторов, по преимуществу можно судить по подвергшимся редакторской правке публикациям.

Современные исследователи мемуарного наследия сибирских купцов, отмечая, с одной стороны, немногочисленность дошедших до наших дней подобных эго-документов, с другой — их видовое разнообразие, не акцентируют внимание на путевых дневниках [Кошенова, Судакова, Колокольцева]. Да и применительно к разным областям европейской части страны таких источников насчитываются единицы, несмотря на то, что иногда на протяжении поколений прослеживалась устойчивая традиция ведения записей, напоминающих дневниковые — семейных летописцев [Середа: 66]. В широко известной подборке купеческих дневников и мемуаров, вышедшей в 2007 г., лишь один текст представляет собой дорожные заметки [Тярин]. Между тем, как показывают последние открытия (в частности, Т. Н. Галашевой), путевые записки, заносившиеся в специальную тетрадь, встречались в кругу купечества, в том числе сибирского, уже в середине XVIII в. [Галашева]. Введение в научный оборот этих текстов позволит в дальнейшем сравнить подходы купцов к составлению дневников в разные временные периоды и проследить эволюцию данного автобиографического дискурса.

Учитывая многообразие существующих в литературе подходов к систематизации мемуаристики [Поляков, Смирнова], мы не будем подробно останавливаться на обсуждении терминологии, лишь кратко обозначим, что под «путевым дневником» мы подразумеваем подневные записи, сделанные во время какого-либо путешествия, то есть определяющее значение для нас имеет синхронность путешествия и фиксации действительности. Обычно принято говорить о путевых записках, однако во второй половине XVIII в. последние все больше становятся похожи на дневник не только по форме изложения, но и по усилившемуся присутствию «индивидуально-авторского начала» [Тополова: 225]. По словам Н. П. Матхановой, в XIX в. «весьма часто встречаются такие сочинения, в которых элементы путевых записок и дневников переплетены столь органично и равномерно, что их невозможно разграничить» [Матханова: 77]. Это утверждение справедливо и в отношении большинства текстов, о которых далее пойдет речь.

Наверное, самый объемный (и один из наиболее ранних) путевой дневник принадлежит перу приказчика Российско-Американской компании (РАК), уроженцу Тобольска, сначала сибирскому, а затем московскому купцу Федору Ивановичу Шемелину. Это многоплано-

вый источник, освещающий события первого русского кругосветного плавания, содержащий богатый этнографический материал, а также позволяющий почерпнуть сведения о мировоззрении русского купечества рубежа XVIII–XIX вв. [Матханова, Комлева]. Создавался этот дневник («Журнал») по приказу правления РАК, отрывки из него, а также он сам в сокращенном и отредактированном виде публиковались в 1816–1818 и начале 1820-х гг. [Шемелин].

Скорее всего, в виде путевого дневника изначально были оформлены и наблюдения знаменитого «Колумба российского» — рыльского и иркутского купца Григория Ивановича Шелихова, сделанные во время «странствования» из Охотска к берегам Северной Америки в 1783 г. [Шелихов 1791–1792, 1971]. По крайней мере, все записи точно соотносятся с конкретными днями путешествия. Как и Ф. И. Шмелин, Г. И. Шелихов самым подробным образом старался зафиксировать не только основные события вояжа, но и обычаи встреченных народов. Оба эти интересных, широких по проблематике источника, возникшие на рубеже XVIII–XIX вв., отразили характерные для русского купечества того времени мировоззренческие установки, сформировавшиеся по многом под влиянием идей эпохи Просвещения. Так, Ф. И. Шемелин делит народы на «просвещенные» и «дикие», а в некоторых фрагментах прямо рассуждает о том, что такое просвещение, и задумывается, можно ли во всех случаях его расценивать как безусловное благо для человечества.

Среди других сохранившихся путевых дневников, созданных купцами-мужчинами, присутствуют относящиеся к более позднему времени записи иркутского купца П. Т. Баснина¹, якутского М. Н. Барамыгина [Барамыгин], минусинского Н. Ф. Веселкова [Веселков 1873, 1877], красноярских В. Н. Латкина [Латкин], П. И. Кузнецова [Сысоева 2008, Сысоева 2010: 60, 63] и И. П. Кузнецова [Американские дневники], енисейского Н. И. Кытманова², бийского А. Д. Васенева [Сибирский купец Васенев]. Часть из них посвящена путешествиям с коммерческими и познавательными целями в пределах России, в том числе по рекам, часть — описанию торговых экспедиций на территорию Цинской империи. Каждый из этих текстов по-своему уникален и проливает свет на трудности, связанные с исследованием того или иного района Си-

---

¹ РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Ед. хр. 852. Л. 2–8.

² Архив города Енисейска (АГЕ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–36.

бири и северных территорий России, с доставкой товаров на большие расстояния, с взаимодействием купцов с представителями администрации. Несколько особняком стоят путевые записки И. П. Кузнецова, сделанные во время поездки по Северной Америке.

Характерной особенностью купеческих путевых дневников можно считать то обстоятельство, что они велись с вполне определенной целью — зафиксировать дорогу, природные препятствия, трудности, какие-то особенности, важные для ведения коммерции. Например, П. Т. Баснин подробно описал все водные преграды — мели, шиверы, камни, встречающиеся на пути по Ангаре от Иркутска до Енисейска, сделал соответствующее приложение к дневнику, а его приказчик Егор Сизых обязательно указывал численность и занятия населения в различных населенных пунктах, отмечая, где можно легко нанять рабочих и за какую плату. Так, он отметил, что в начале 1840-х гг. на пути из Енисейска до Тобольска в крупном селении Тогуре («в нем каменная церковь 50 домов и до 150 душ жителей мужеска пола, все рус[с]кие крестьяне») можно было нанять «рабочих людей до города Нарыму по 7 руб. и одного вожа за 15 рублей»¹.

Нередко купцы делали списки со своих дорожных наблюдений и представляли их для рассмотрения в различные инстанции, желая добиться поддержки государства в деле налаживания сухопутных и водных коммуникаций на обширных пространствах северо-востока страны, в развитии торговли, в том числе международной. Тем более что власти, при нехватке профессиональных гидрографов, топографов и других специалистов, поощряли подобную инициативу частных лиц. В 1810 г. был издан указ, в котором говорилось, что «всякой торгующий имеет право представлять Судоходной Расправе свои замечания относительно улучшения внутреннего судоходства»². Основываясь на этом, иркутский купец П. Т. Баснин в 1838–1839 гг. добивался от иркутского губернатора А. В. Пятницкого содействия в «учреждении лоцманского управления от Иркутска до Енисейска», чтобы «тем избавить от бедствий плывущих по реке»³. Он подготовил докладную записку,

---

¹ Российский государственный архив древних актов (РГИА). Ф. 18. Оп. 5. Ед. хр. 616. Л. 45–45 об.

² ПСЗ РИ. Т. XXXI. № 24 391. С. 415.

³ РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Ед. хр. 616. Л. 4.

составленную на основе «Журнала о проплаве» по Ангаре, где, наряду с описанием совершенного в 1835 г. плавания, давались рекомендации властям по улучшению условий судоходства, тщательно обосновывалась важность намеченных мер не только для частных торговцев, но и для казны¹. Баснин писал, что «если бы местное начальство установило безопасное водяное сообщение с Енисейском, то все вообще тяжести можно было бы отправлять туда по Ангаре чрез так называемый Маковский волок дешевыми ценами, а оттуда реками Кетью, Обью и Иртышем также на судах до Тобольска»². В неоднократных письменных обращениях он отстаивал свою точку зрения, борясь с доводами тех, кто считал его предложения пустой затеей. Среди последних, кстати, находилась и часть иркутских купцов, включая городского голову, согласно донесению которого «ни на чем основанному и никакими доказательствами не подкрепленному... будто бы по Ангаре до Енисейска проплава судов не бывает»³. Обращался Петр Тимофеевич и в органы центральной власти, возможно также, что для привлечения внимания именно он инициировал публикацию своего дневника в «Журнале мануфактур и торговли». За активность по изучению и хозяйственному освоению Восточной Сибири в 1839 г. П. Т. Баснин был удостоен золотой медали на Владимирской ленте с надписью «За полезное»⁴. В литературе встречаются сведения и о других его записках: о пути от Иркутска до Якутска (1815 г.), по Каме и Волге (1823 г.), по Ангаре и Лене (1820–1830-е гг.) [Шахеров: 20].

Некоторые дневники публиковались еще при жизни авторов, то есть они изначально были ориентированы на читателя, зачастую — не рядового человека, а обличенного властью. Соответственно, место душевным переживаниям, описанию своего настроения отводилось минимальное. Пользуясь образным выражением, предложенным А. Н. Алексеевым, мужские путевые купеческие дневники можно расценивать как «дневники факта», когда «главный упор делается на “внешних” событиях жизни, а личные переживания и размышления отсутствуют либо сведены к минимуму» [Алексеев: 52]. Особенно

---

¹ РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Ед. хр. 852. Л. 2–8.

² РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Ед. хр. 616. Л. 6 об. – 7.

³ Там же. Л. 5 об. – 6.

⁴ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Ед. хр. 592. Л. 1, 2–2 об.

ярко это проявилось в путевых записях, сделанных купеческим приказчиком иркутским мещанином Егором Сизых по заданию своих хозяев — иркутских купцов братьев Басниных. Сохранился составленный им путевой журнал о проезде в 1841 г. от Енисейска до Тобольска¹. Очевидно, что письменная фиксация наблюдений в данном случае велась исключительно по заданию Басниных, которых интересовала практическая сторона дела, а не эмоции наемного работника. Из-за этого в довольно подробном дневнике личность самого автора отсутствует: ни одна строка не позволяет нам сделать выводы о характере этого человека, его взглядах, самочувствии во время дороги. Единственное, что можно сказать с уверенностью, так это то, что Егор Сизых был человеком грамотным, аккуратным, ответственным. Сохранившийся дневник заполнялся по форме, очевидно, принятой Басниными. Текст заносился в три колонки: 1) дата, 2) описание пути: где, куда, как плыли, выгружали товары и пр., 3) погода и препятствия. В сделанном рукой П. Т. Баснина примечании к списку дневника Е. Сизова указывалось на одну из целей составления этого текста: «Упомянутое сообщение от Енисейска до Тобольска впоследствии времени может нужно будет для Правительства доставлять разные тягости»².

Практическая направленность путевых записей купцов, нацеленность автора на их последующее обсуждение заинтересованными лицами, будь то чиновники или коммерсанты, иногда подчеркиваются предлагаемыми в тексте риторическими вопросами. Например, Николай Филиппович Веселков при публикации своих впечатлений от поездки в Урянхайский край, отойдя от дневниковой формы изложения, в заключении обращался к читателям: «...дозволю сделать вопрос: отчего бы не отправлять чаев из Улясутая на Минусинск...?» [Веселков 1877: 5].

Ощущение, что дневник велся не только для себя, возникает и при знакомстве с записями енисейского купеческого сына Николая Игнатьевича Кытманова. Описывая плавание по Енисею до Гольчихи, совершенное в мае – августе 1885 г., он постоянно делает в скобках пояснения разных названий и выражений, значение большей части которых, несомненно,

---

¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 5. Ел. хр. 616. Л. 40–49.

² Там же. Л. 49.

было ему, жителю Севера, хорошо известно: «...довольно богатый человек (кулак)», «...для сбора плавнику (наносного леса)», «...камысы (шкура оленя с ног)». Как и авторы других дневников, Н. И. Кытманов подробно отмечает расстояние между населенными пунктами, время нахождения в пути, погодные условия. Однако в отличие от П. Т. Баснина, сконцентрированного на обстоятельствах плавания, Н. И. Кытманов пишет не только о дороге, но и о своих личных занятиях, кратко описывает природу и встречных. Например, отмечает, что ходил на охоту, какую дичь подстрелил, какую растительность видел. Описывает он и тех людей, с которыми ему довелось познакомиться: «...в дер. Сумароковой остановились брать дрова. Поставщиком дров пришел крестьянин Максим Герасимов с бритыми усами, с бородой и страшный паяц»¹, «...во 2-ом часу утра прибыли в Инбацкое. Здесь живет Кожевников. Дом его, деревянный, обшитый тесом и выкрашен белой краской, сильно выделяется из окружающих его бедных хижин крестьян. Когда я с капитаном вошли в этот дом, нас сильно поразила безукоризненная чистота в комнатах»². Особое внимание он уделяет сбору экспонатов для открывшегося в 1883 г. в Енисейске городского общественного музея, среди организаторов которого был и его родной брат — Александр Игнатьевич Кытманов. Во время путешествия Н. И. Кытманову удалось приобрести для музея кости мамонта, домашнюю утварь юраков (ненцев). Видно, что его интерес был несколько иного свойства, чем у того же П. Т. Баснина: не улучшение сети коммуникаций, а, скорее, научное любопытство, стремление к познанию новых мест. Возможно, дневник Н. И. Кытманова был бы опубликован, на что он сам явно рассчитывал, если бы не ранний уход автора из жизни в 24 года [Аксёнова: 210].

Понимая, что подчас выступают в роли самых настоящих первопроходцев, открывая для широких кругов русского общества отдаленные, плохо изученные или вообще неизвестные районы, купцы вели записи, стараясь запечатлеть все многообразие увиденного в пути. Это хорошо заметно на примере дневника участника Амурской экспедиции 1854 г. Петра Ивановича Кузнецова, в котором нашли отражение мельчайшие подробности путешествия, в частности, встречи с китайцами [Сысоева 2010: 60].

---

¹ АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

² Там же. Л. 3–3 об.

Вероятно, в какой-то мере первооткрывателем чувствовал себя и красноярский купец Иннокентий Петрович Кузнецов во время путешествия по США в 1877 г. Не преследуя какой бы то ни было практической цели, но предполагая, что его впечатления могут быть востребованы соотечественниками, ведя путевые записи, он с самого начала допускал их последующую огласку в печати. На это указывают сделанные им в рукописи исправления и пояснения, присутствующее в тексте прямое обращение к читателю, да и сама манера изложения, близкая к беллетристике [Американские дневники].

В пореформенное время купцы, желая не просто поделиться наблюдениями, но стремясь доставить максимальную пользу, в том числе и научному сообществу, при составлении путевых записок стали руководствоваться специальными инструкциями, разработанными профессиональными исследователями. Именно так поступил Алексей Данилович Васенев, в 1880-х гг. дважды возглавлявший торговые караваны в пределы Цинской империи. В его аккуратном дневнике, составленном исходя из рекомендаций известного ученого и общественного деятеля Г. Н. Потанина, отмечены «названия встречавшихся на пути населенных пунктов, расстояние между ними и некоторые другие краткие сведения». Материалы первой экспедиции были предоставлены Г. Н. Потанину для работы над «Очерками северо-западной Монголии», а сами записки А. Д. Васенева опубликованы в «Сибирской газете» и в «Известиях» ИРГО, поскольку приводимые в них сведения расценивались как географическая новость [Старцев: 13–15].

Как уже отмечалось выше, при публикации исходный текст путевых дневников зачастую подвергался редакторской правке. Это особенно заметно при сопоставлении рукописных и печатных вариантов «Журналов» Ф. И. Шемелина и П. Т. Баснина. Если в случае Баснина это была литературная правка, исправление разговорных форм слов и выражений, в результате чего произошло своего рода приглушение живого голоса автора [Комлева], то публиковавшийся дважды текст Шемелина испытал и существенную смысловую редактуру: сокращение, изъятие фрагментов с критикой руководителей эскадры [Матханова, Комлева].

Под выдержкой из журнала якутского купца Михаила Барамыгина, напечатанной в «Записках Сибирского отдела Императорского русского географического общества» под заглавием «Поездка в марте 1855 г.

на Анюйскую ярмарку для торговли с чукчами» вообще значилось: «Сообщено Свирбеевым, Д[ействительным] Чл[еном] Общ[ества]» [Барамыгин: 17] (скорее всего, это был Николай Дмитриевич Свирбеев, который осенью 1851 г. приехал в Иркутск на службу к генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву, а в начале декабря того же года был назначен чиновником особых поручений в Якутск [Канн]). Таким образом, вообще не понятно, была ли публикация подготовлена на основе устного рассказа или письменных записей. В пользу того, что М. Барамыгин не основывался исключительно на своей памяти, но имел обыкновение вести заметки, говорит точное указание не только дат, но и времени суток, числа рабочих людей, лошадей и прочие мелкие подробности, явно где-то зафиксированные. Например, в самом начале повествования говорится: «Караван наш состоял из сорока верховых лошадей, которые с транспортом товаров и отправлены были в предлагающий путь; к ним даны еще пять лошадей, на которых навьючены были собственно съестные припасы, потребные для каравана», для пяти собачьих упряжек «собаки выбраны самые дюжие и езжалые. Каждый ямщик взял одну нарту и к ней двенадцать собак; в нарте должно поместить два человека и съестных припасов до пятнадцати пудов» [Барамыгин: 13]. Кроме того, упоминается поездка 1851 г., когда расстояние от Нижнеколымска в 250 верст удалось преодолеть на собаках исключительно быстро — всего за один день «с раннего утра до поздней ночи» (в 1855 г. на это потребовалось три дня — с 7 по 10 марта). То есть в 1857 г. был опубликован всего лишь небольшой фрагмент из путевых дневников М. Барамыгина, который его собеседнику показался наиболее интересным для читателей, как содержащий описание посещения лагеря чукчей во время совершения теми обряда жертвоприношения.

В 1850-х гг. был опубликован и другой купеческий путевой дневник, написанный Василием Николаевичем Латкиным во время путешествия в низовья Печоры. Хотя в пояснении редакции отмечалось, что «дневник этот представляется публике почти в том виде, как он веден, с небольшими изменениями», но очевидно, что автор при подготовке исходных материалов к печати проделал большую работу по их отбору и систематизации. Он пишет: «...Еще осенью 1843 года начал я приводить в порядок дневник поездок моих на Печору; но разные обстоятельства лишили меня возможности кончить тогда

начатый труд» [Латкин: 3]. Отрывки из дневника были напечатаны в «Журнале Министерства Государственных имуществ» и «Журнале Министерства внутренних дел». При подготовке к печати полного текста дневника исходные подневные заметки во время двух поездок 1840 и 1843 гг. были сведены воедино, причем иногда записи за несколько дней объединены в один фрагмент, чтобы не нарушать ход повествования, поделены на главы, к непонятым для широкого читателя словам (например, «дымокур») сделаны пояснения. Дневник был начат по желанию самого В. Н. Латкина, который так сформулировал цель своей поездки и ее письменной фиксации: «Наконец я решил ехать на север России, исполняя давнишнее желание мое — обозреть пустынный край Печоры... Может быть, и я успею что-нибудь сделать» [Латкин: 5], «...я стремился туда с целью — исследовать и описать его и, если возможно, учредить компанию, чтоб, с помощью ея капиталов, развить там промышленность, воспользоваться природными богатствами края, до сих пор как будто бы забытыми и не приносящими никакой пользы» [Латкин: 2]. Увидеть и описать, причем не просто для себя, но и для возможной любознательной публики, предполагаемого читателя — вот цель, которую, вероятно, с самого начала путешествия имел в виду исследователь Печоры, выбирая соответствующую лексику, делая пояснения, выводя тем самым свой путевой дневник в разряд литературных произведений. Кстати, публикации В. Н. Латкина действительно пользовались популярностью — их автор даже упоминается в «Дневнике провинциала» М. Е. Салтыкова-Щедрина («господин Латкин с свежеею печорской семгой и кедровой шишкой в руках») [Бойко: 67].

Несмотря на то, что купцы-мужчины при создании путевых дневников руководствовались различными побуждающими мотивами, все же можно говорить о том, что оставленные ими материалы свидетельствуют о деятельном характере участия купечества в деле изучения и хозяйственного освоения отдаленных и труднодоступных территорий, стремлении к взаимодействию с властями, желании внести вклад в развитие инфраструктуры и торговых связей региона, принести пользу обществу и стране.

Совсем иное дело — дневники женские. Собственно, на сегодняшний день известны лишь «Путевые записки» супруги селенгинского купца Марфы Никитичны Кандинской, относящиеся к 1850-м гг. и от-

ражающие ее впечатления от поездки из Кяхты в Москву¹, да своеобразный отчет о путешествии в Италию в форме живописного альбома, составленный красноярской купеческой дочерью Евдокией Петровной Кузнецовой в 1860-х гг. [Комарова]. Совершенно иное целеполагание обусловило и иное содержание этих источников, которые стали не точным описанием дороги, а вместилищем впечатлений и личных переживаний молодых женщин. Как свойственно женской мемуаристике, акцент в дневнике М. Н. Кандинской сделан на характеристике эмоций, отношений с близкими людьми, многочисленных мелких деталей, описании развлечений. Автор упоминает Иркутск, Красноярск, Томск, Тюмень, Казань, Нижний Новгород и другие города и более мелкие населенные пункты, не останавливаясь подробно на их описании, а лишь кратко характеризуя свои впечатления. Так, в Тюмени, «кажется, кроме мужикоф никого нет, да комароф», в Казани «конфеты дряные», а в Москве «в первой раз очень любопытно быть в рядах (имеются в виду торговые ряды. – Е. К.) и видеть много интересного»². Е. П. Кузнецова приобрела несколько десятков красочных рисунков, отражающих бытовые сценки, и поместила их в альбом на память о пребывании за границей. Это собрание можно расценивать как своего рода дневник, поскольку, по мнению работавшей с ним Т. С. Комаровой, очевидно, что рисунки покупались не одновременно, а в течение всего путешествия, последовательно фиксируя пребывание в определенных местах. И записи М. Н. Кандинской, и подборка рисунков Е. П. Кузнецовой в отличие от путевых наблюдений, оставленных купцами-мужчинами, представляют собой именно «личные дневники», при создании которых определяющее значение имели даже не столько личные, сколько, по выражению Р. С. Черепановой, личностные цели, направленные на самоанализ и рефлексию [Черепанова: 49]. Запечатленные в текстуальной или визуальной форме образы, знаковые события, символы предполагали общение автора в первую очередь с самим собой, вызывая в памяти определенные эмоции и воспоминания.

Таким образом, путевые дневники, созданные в среде сибирского купечества, формируют корпус важных, до настоящего времени не в

---

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 92. Ед. хр. 35. Тетрадь первая.

² ОПИ ГИМ. Ф. 92. Ед. хр. 35. Тетрадь первая. Л. 6, 8, 9 об. – 10.

полной мере востребованных исследователями источников, позволяющих глубже раскрыть роль купечества в изучении и хозяйственном освоении отдаленных от центра и труднодоступных территорий, понять механизмы взаимодействия купцов с властями разного уровня. Они также расширяют существующие представления о повседневной жизни и мировоззрении как мужчин, так и женщин из купеческого круга. Рассмотренные путевые дневники различны по объему, языку, форме изложения, мотивации их авторов, степени присутствия на страницах личного начала. В отличие от обращенных прежде всего непосредственно к самому составителю женских тетрадей и альбомов всем без исключения мужским текстам присуща практическая направленность и изначальная ориентация на будущего читателя. В зависимости от главных целей их авторов — сбор сведений, представляющих интерес для коммерции, улучшение путей сообщения, научные исследования, фиксацию разнообразного материала об увиденном в дороге, описание чего-то необычного, неизвестного для большинства соотечественников — купеческие путевые дневники могут служить ценным источником информации по интеллектуальной и экономической истории, развитию международных отношений, этнографии. Думается, что одна из важнейших задач на сегодняшний день — выявление и публикация сохранившихся и пока еще не изданных купеческих путевых записей. Расширение круга этих источников позволит по-новому взглянуть на развитие в России традиции автобиографического дискурса.

Список литературы

Источники

Американские дневники Иннокентия Петровича Кузнецова // *Сысоева Л. А.* Во славу любезного отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010. С. 110–118.

[*Барамыгин М. Н.*] Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анюйскую крепость в 1855 году // *Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.* 1857. Кн. IV. С. 13–17.

Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // *Знаменский М. С., Белоголовый Н. А.* Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / сост. тома, примеч., послесл. Н. Н. Александровой и Н. П. Матхановой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. С. 235–308.

Веселков Н. Ф. Записки минусинского купца Н. Ф. Веселкова на пути от Дзиндилика в Иркутск // *Известия Императорского Русского географического общества.* 1873. Т. 9, № 5. С. 157–162.

[Веселков Н. Ф.] Торговля с урянхайцами // Сибирь. 1877. № 46 (13 нояб.). С. 4–5.
[Латкин В. Н.] Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 143 с.

Сибирский купец А. Д. Васенев: в 2 ч. / сост. А. В. Старцев. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1994. Ч. 1: Дневники. 192 с.

Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Памятники исторической мысли, 2007. С. 59–72.

[Шелихов Г. И.] Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака... СПб.: [б. и.], 1791. 74 с.

[Шелихов Г. И.] Российского купца Григория Шелехова продолжение странствования по Восточному океану к Американским берегам в 1788 году...» СПб.: [б. и.], 1792. 95 с.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам / под ред. Б. П. Полевого. Хабаровск: Кн. изд-во, 1971. 171 с.

[Шемелин Ф. И.] Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным: в 2 ч. СПб.: В медицинской тип., 1816. Ч. 1. 168 с.; 1818. Ч. 2. 428 с.

Исследования

Аксёнова А. В., Гонина Н. В., Дворецкая А. П., Терскова А. А. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2019. 538 с.

Алексеев А. Письмо, дневник, автобиография: Многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп. 2007. № 4. С. 46–56.

Бойко В. П. Русское купечество в литературе XIX века: художественный вымысел и реальность. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2020. 184 с.

Галашева Т. Н. «В намеренный путь свой»: записная книжка туринаского купца А. И. Коновалова (1749–1770-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 34–43.

Канн С. К. Тайный друг декабристов. Исторический очерк. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/works/dekabr.ssi#pub> (дата обращения: 23.03.2022).

Колокольцева Н. Ю. Характеристика документов личного происхождения по истории сибирского купечества второй половины XIX – начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 6 (110). С. 57–61.

Комарова Т. С. «Узри Неаполь...»: итальянский живописный альбом середины XIX в. из собрания Евдокии Петровны Кузнецовой // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 8. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-08.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).

Комлева Е. В. Записка иркутского купца П. Т. Баснина «о проплаве» от Иркутска до Енисейска (1838 г.) // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2021. С. 203–217.

Кошенова Н.Ю. Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 191 с.

Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

Матханова Н. П., Комлева Е. В. Купец Ф. И. Шемелин и его «Журнал» // Вестник Томского государственного университета. 2018. История. № 52. С. 121–131.

Поляков И. А., Смирнова М. А. К истории изучения русской мемуарной литературы XVII–XVIII вв.: Проблема систематизации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 4. С. 400–445. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445>

Середа Н. В. Документы личного происхождения тверских купцов как культурное наследие // Сфера культуры. 2021. № 2 (4). С. 65–76.

Смирнова М. А. Культура автобиографических записей и ранняя мемуарная литература в русской рукописной традиции XVII – первой половины XIX в.: предварительные результаты исследовательского проекта // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск: Витебский государственный университет 2021. С. 77–79.

Старцев А. В. «...Чтобы поблагодарила Вас и Россия...» // Сибирский купец А. Д. Васенев. Часть первая. Дневники. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1994. С. 5–38.

Судакова О. Н. Мемуары сибирского купечества как «сценарий жизни и образ эпохи» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 172–176.

Сысоева Л. А. Во славу любезного отечества. Семья Кузнецовых в истории Красноярска и России. Красноярск: Сибирский печатный двор, 2010. 120 с.

Сысоева Л. А. Дневник П. И. Кузнецова как источник изучения Северной Азии // Из истории изучения и освоения Северной Азии: сб. ст. Томск: Томск. гос. ун-т, 2008. С. 79–98.

Тополова О. С. Использование дневниковой формы как проявление авторского самосознания в путевой литературе второй половины XVIII века // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Т. 154, кн. 5. С. 223–231.

Черепанова Р. С. Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18, № 2. С. 49–54.

Шахеров В. П. Предпринимательская деятельность купцов Басниных // Связь времен: Баснины в истории Иркутска: сб. ст. Иркутск: Иркутское отд-ние Музея связи Сибири, 2008. С. 17–20.

References

Aksenova, A. V., Gonina, N. V., Dvoretzkaya, A. P., Terskova, A. A. *Mir kul'tury goroda Eniseiska vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: slovar' osnovnykh kharakteristik, poniatii i personalii (k 400-letiiu Eniseiska)* [*The World of Culture of Yeniseysk in the Second*

Half of the 19th – Early 20th Century: Dictionary of Basic Characteristics, Concepts and Personalities (To the 400th Anniversary of Yeniseysk). Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2019. 538 p. (In Russ.)

Alekseev, A. “Pis'mo, dnevnik, avtobiografiia: Mnogoobrazie form i sopriazhenie smyslov (teoretiko-metodologicheskie zametki)” [“Letter, Diary, Autobiography: Variety of Forms and Conjugation of Meanings (Theoretical and Methodological Notes)”]. *Teleskop*, no. 4, 2007, pp. 46–56. (In Russ.)

Boiko, V. P. *Russkoe kupechestvo v literature XIX veka: khudozhestvennyi vymysel i real'nost'* [Russian Merchants in the Literature of the 19th Century: Fiction and Reality]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Building Publ., 2020, 184 p. (In Russ.)

Galasheva, T. N. “V namerennyi put' svoi: zapisnaia knizhka turinskogo kuptsa A. I. Konovalova (1749–1770-e gg.)” [“In His Deliberate Way: the Notebook of the Turinsk Merchant A. I. Konovalov (1749–1770s)”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3, 2022, pp. 34–43. (In Russ.)

Kann, S. K. *Tainyi drug dekabristov. Istoricheskii ocherk* [A Secret Friend of the Decembrists. Historical Essay]. Available at: <http://www.prometeus.nsc.ru/works/dekabr.ssi#pub> (Accessed 23 March 2022). (In Russ.)

Kolokol'tseva, N. Iu. “Kharakteristika dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia po istorii sibirskogo kupechestva vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.” [“Characteristics of Documents of Personal Origin on the History of Siberian Merchants of the Second Half of the 19th – Early 20th Century”]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiiia*, no. 6 (110), 2019, pp. 57–61. (In Russ.)

Komarova, T. S. “Uzri Neapol'...: ital'ianskii zhivopisnyi al'bom serediny XIX v. iz sobraniia Evdokii Petrovny Kuznetsovoi” [“Behold Naples...: An Italian Painting Album of the Middle 19th Century from the Collection of Evdokia Petrovna Kuznetsova”]. *Istoricheskii kur'er*, no. 3 (5), 2019, article 8. Available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-08.pdf> (Accessed 23 March 2022). (In Russ.)

Komleva, E. V. “Zapiska irkutskogo kuptsa P. T. Basnina 'o proplave' ot Irkutska do Eniseiska (1838 g.)” [“The Note of the Irkutsk Merchant P. T. Basnin 'About the Passage' from Irkutsk to Yeniseysk (1838)”]. *Predstavleniia o proshlom v pamiatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Representations of the Past in the Writings of the 16th–20th Centuries: Collection of Academic Works]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 203–217. (In Russ.)

Koshenova, N. Iu. *Istochniki lichnogo proiskhozhdeniia o sibirskom kupechestve vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.* [Sources of Personal Origin about the Siberian Merchants of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: PhD Dissertation]. Barnaul, 2005. 191 p. (In Russ.)

Matkhanova, N. P. *Sibirskaiia memuaristika XIX veka* [Siberian Memoiristics of the 19th Century]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 551 p. (In Russ.)

Matkhanova, N. P., Komleva, E. V. “Kupets F. I. Shemelin i ego ‘Zhurnal’” [“Merchant F. I. Shemelin and His ‘Journal’”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia*, no. 52, 2018, pp. 121–131. (In Russ.)

Poliakov, I. A., Smirnova, M. A. “K istorii izucheniia russkoi memuarnoi literatury XVII–XVIII vv.: Problema sistematzatsii” [“On the History of the Study of Russian

Memoir Literature of the 17th–18th Centuries: The Problem of Systematization”]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 400–445. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-400-445> (In Russ.)

Sereda, N. V. “Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia tverskikh kuptsov kak kul’turnoe nasledie” [“Documents of Personal Origin of Tver’ Merchants as a Cultural Heritage”]. *Sfera kul’tury*, no. 2 (4), 2021, pp. 65–76. (In Russ.)

Smirnova, M. A. “Kul’tura avtobiograficheskikh zapisei i ranniaia memuarinaia literatura v russkoi rukopisnoi traditsii XVII – pervoi poloviny XIX v.: predvaritel’nye rezul’taty issledovatel’skogo proekta” [“The Culture of Autobiographical Records and Early Memoir Literature in the Russian Manuscript Tradition of the 17th – First Half of the 19th Century: Preliminary Results of the Research Project”]. *Aktual’nye problemy istochnikovedeniia: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual Problems of Source Studies: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference]. Vitebsk, Vitebsk State University Publ., 2021, pp. 77–79. (In Russ.)

Startsev, A. V. “...Chtoby poblagodarila vas i Rossiia...” [“...So that Russia will Thank You too...”]. *Sibirskiy Kupets A. D. Vasenev* [Siberian Merchant A. D. Vasenev], pt. 1: Dnevniky [Diaries]. Barnaul, Altay State University Publ., 1994, pp. 5–38. (In Russ.)

Sudakova, O. N. “Memuary sibirskogo kupechestva kak ‘tsenarii zhizni i obraz epokhi.’” [“Memoirs of Siberian Merchants as ‘The Scenario of Life and the Image of the Epoch.’”]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury*, vol. 210, 2015, pp. 172–176. (In Russ.)

Sysoeva, L. A. *Vo slavu liubeznogo otechestva. Sem’ia Kuznetsovykh v istorii Krasnoarska i Rossii* [For the Glory of the Kind Fatherland. The Kuznetsov Family in the History of Krasnoyarsk and Russia]. Krasnoyarsk, Sibirskii pechatnyi dvor Publ., 2010, 120 p. (In Russ.)

Sysoeva, L. A. “Dnevnik P. I. Kuznetsova kak istochnik izucheniia Severnoi Azii” [“Kuznetsov’s Diary as a Source of Studying Northern Asia”]. *Iz istorii izucheniia i osvoeniia Severnoi Azii: sbornik statei* [From the History of Studying and Mastering Northern Asia: Collection of Articles]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2008, pp. 79–98. (In Russ.)

Topolova, O. S. “Ispol’zovanie dnevnikovoi formy kak proiavlenie avtorskogo samosoznaniia v putevoi literature vtoroi poloviny XVIII veka” [“The Use of the Diary Form as a Manifestation of the Author’s Self-consciousness in Travel Literature of the Second Half of the 19th Century”]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriiia “Gumanitarnye nauki,”* vol. 154, book 5, 2012, pp. 223–231. (In Russ.)

Cherepanova, R. S. “Lichnyi dnevnik: urovni privatnogo i diskursy publichnogo (na primere neskol’kikh dnevnikov sovetskoi epokhi)” [“Personal Diary: Levels of Private and Discourses of Public (On the Example of Several Diaries of the Soviet Era)”]. *Vestnik Iuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia “Sotsial’no-gumanitarnye nauki,”* vol. 18, no. 2, 2018, pp. 49–54. (In Russ.)

Shakherov, V. P. “Predprinimatel’skaia deiatel’nost’ kuptsov Basninykh” [“Entrepreneurial Activity of the Merchants Basnins”]. *Sviiaz’ vremen: Basniny v istorii Irkutsk: sbornik statei* [Link of times: the Basnins in the History of Irkutsk: Collection of Articles]. Irkutsk, Irkutsk Branch of the Museum of Communications in Siberia Publ., 2008, pp. 17–20. (In Russ.)

© 2022. **О. Л. Фетисенко**
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

«Пессимист»: утраченный роман К. Н. Леонтьева

Аннотация: Жанр романа в разных формах и подвидах, но почти всегда с заметным присутствием автобиографического начала, привлекал К. Н. Леонтьева на протяжении всей его жизни. Несколько произведений остались незавершенными, в том числе и задуманный в конце 1870-х гг. роман из современной русской жизни, имевший три варианта заглавия — «Пессимист», «Против течения» и «Пророк в отчизне». Сохранилась (возможно, в неполном виде) лишь одна из первых глав и множество упоминаний о дорогом для автора замысле в его письмах. Этот материал позволяет довольно точно выстроить хронологическую канву работы над романом, показать причины, по которым она была прекращена, получить представление о предполагаемом содержании произведения, а также установить, кто являлся прототипами главных действующих лиц. Решению этих задач и посвящена статья.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, роман, «Пессимист», творческая история, формирование замысла, прототипы, князь А. Н. Цертелев.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 01.08.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Фетисенко О. Л. «Пессимист»: утраченный роман К. Н. Леонтьева // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 216–239. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-216-239>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. Olga L. Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

“The Pessimist” — a Lost Novel by K. N. Leontiev

Abstract: The genre of the novel in its various forms attracted K. N. Leontiev (1831–1891) throughout his life. However, several works remained unfinished, including a novel that had three versions of the title: “The Pessimist,” “Against the Current” and “The Prophet in the Fatherland.” The author wanted to use contemporary material in his novel, i. e. Russian life in the 1870s. Of all the creative manuscripts, only one chapter has been preserved, but the many references to this work in the author’s letters make it possible to build a chronological outline of the work on it, get an idea of its content and establish the prototypes of the main characters. The article is devoted to the solution of these problems.

Keywords: K. N. Leontiev, novel, “The Pessimist,” creative history, concept formation, prototypes, Prince A. N. Tsertelev.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: August 01, 2022

Approved after reviewing: September 14, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Fetisenko, O. L. “‘The Pessimist’ — a Lost Novel by K. N. Leontiev.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 216–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-216-239>

К жанру романа К. Н. Леонтьев обратился в самом начале своей литературной деятельности. Первый набросок к будущим «Подлипкам» (роман опубликован в 1861 г.) сделан им «в 52-м или 53-м году» [Леонтьев б. 1: 47]. Годом раньше, испытав первые цензурные прещеня, он бросил начатый еще раньше роман «Булавинский завод», резонно предположив, что из него разрешат лишь «описания» [Леонтьев б. 1: 745]. К сожалению, рукописи художественных произведений Леонтьева сохранились далеко не в полном виде. И это относится не только к самому раннему периоду. К примеру, ни одной строки не уцелело от романа «Война и Юг», задуманного после Крымской войны (Леонтьев принимал в ней участие как военный лекарь, младший ординатор), а из произведения, о котором пойдет речь в данной статье, известна лишь одна глава или ее часть.

Все романы Леонтьева имеют явный автобиографический подтекст¹ или связаны с историей его семьи, как утраченная эпопея «Река времен»². Открывают ряд созданных им произведений крупной формы два романа из русской жизни: «Подлипки» и «В своем краю» (1864). Всё написанное до этого Леонтьев позднее хотел считать «яко не бывшим» и не советовал переиздавать. Сложным было и отношение автора к повести «Исповедь мужа», в 1867 г. изданной в «Отечественных записках» под названием «Ай-Бурун». Дважды он принимался править ее и тоже не хотел видеть переизданной. Около 10 лет были отданы работе над эпопеей «Река времен». Несколько готовых романов сожжено автором в Каламарии под Салониками в 1871 г., не уничтоженным остался лишь черновик романа «От осени до осени», вероятно, относящийся еще к 1860-м гг. Любимым детищем Леонтьева был начатый в

---

¹ В свое время Ю. П. Иваск справедливо писал о том, что «все вообще леонтьевские супергерои» «чем-то напоминают автора» [Иваск: 315].

² См. об этом: [Фетисенко 2013].

1870 г. роман «Генерал Матвеев», произведение, которое ожидала трудная судьба — скитания по редакциям. В новой редакции и под другим названием («Две избранницы») в 1885 г. в журнале «Россия» будет опубликована только первая его часть. Вторая часть впервые издана по рукописи в академическом собрании сочинений, а третья пропала в редакции «России».

К периоду религиозного обращения Леонтьева (1871–1872) относится возникновение замысла романа-эпопеи «Одиссей Полихронидес», возвышающегося над начатым несколькими годами ранее циклом повестей и рассказов «Из жизни христиан в Турции». Роман печатался в «Русском вестнике» в 1875–1878 гг., еще один фрагмент из него был издан в 1882 г. В первые годы после русско-турецкой войны задуман «Пессимист», а чуть позже возникает замысел романа «Святогорские отшельники». Леонтьев все чаще думает о том, чтобы в художественной форме рассказать историю пережитого им кризиса и прихода к «личному Православию». С этой же задачей будет связан самый последний его роман, «Подруги» (1889). Тем временем в 1881–1882 гг. создается другой, снова с автобиографической основой, текст — оставшийся незавершенным «Египетский голубь». Сейчас это произведение воспринимается как признанный шедевр [Иванов; Котельников; Филиппов], сам же автор постоянно твердил, что тяготится им, пишет лишь для заработка в «Русском вестнике», и только изредка, захваченный воспоминаниями о годах своей дипломатической службы, трудился с увлечением.

Как видим, более-менее завершены лишь те произведения, что были приняты А. А. Краевским в «Отечественные записки» или, позднее, М. Н. Катковым в «Русский вестник». Леонтьев обычно не хранил черновики уже опубликованных произведений (беловые рукописи оставались в редакциях), неизданное же сберегал¹. Так было и с «Пессимистом». Душеприказчики (Н. М. Боборыкин и А. А. Александров) обнаружили, разбирая леонтьевский архив, шесть тетрадей с рукописью этого романа². Племянница и наследница писателя М. В. Леон-

¹ Даже во время Крымской войны, когда был прикомандирован к казачьему полку, Леонтьев во время внезапных перемещений первым делом кричал денщику, чтобы тот берег его бумаги (письмо к матери от 13 сентября 1855 г.) [Леонтьев 11. 1: 113].

² См.: РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6.

тьева в 1899 г., возможно, их получила¹, но в дальнейшем они были утрачены и к о. Иосифу Фуделю, готовившему первое издание собрания сочинений Леонтьева, уже не попали². Сохранилась (в виде копии М. В. Леонтьевой с авторской правкой на отдельных листах) лишь третья глава, содержащая, в частности, довольно большой вычеркнутый автором фрагмент). Ныне опубликованная, она занимает в книге всего 8 страниц (не считая зачеркнутого текста, прибавляющего еще полторы страницы) [Леонтьев 5: 569–576, 760–762].

Действие в этой главе происходит летом 1877 г. в Пахомове, имении главного героя, Владимира Львова³. (Год устанавливается прежде всего по упоминанию «борьбы под Плевной» [Леонтьев 5: 570].) Два бывших сослуживца за ужином ведут разговор о политике, о войне, вспоминают общих знакомых. Львов философствует о том, что значение личного разума и индивидуальной воли в истории равно нулю; показывает гостю (Маврокордато) своих «детей души» — двух крестьянских девочек и мальчика. Посетитель размышляет про себя об увиденном: «Я думал, что он тоскует и убит... а он, кажется, здесь очень счастлив.... <...> повар хорош; дом очень мил; — книги; — мысль, свобода!» [Леонтьев 5: 576]. Наконец, гость обнаруживает в листаемой им книге Шопенгауэра интимную записку от соседской барышни, влюбленной

---

¹ На описи после подписей ее составителей есть приписка О. М. Кошевской (1837–1903), двоюродной сестры А. Н. и А. А. Майковых, которая при жизни Леонтьева часто выполняла его литературные поручения: «Сорок две рукописи согласно этой описи для передачи Марии Владимировне Леонтьевой, по доверенности ее, получила 8-ого октября 1899 года от Анатолия Александровича Александра / Ольга Кошевская. / Мой адрес / Кирочная д. 23. Кв. 36» [Там же].

² Поэтому рядом с соответствующей строкой описи и поставлен карандашом вопросительный знак [Там же]. См.: Там же. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1050 (Фудель И., прот. Список рукописей К. Н. Леонтьева, имеющихся в его распоряжении. 1910).

³ Имя и фамилия героя содержат отсылку к прежним произведениям Леонтьева: Володей звали героя-рассказчика в автобиографических «Подлипках» (ср.: повествователь в «Египетском голубе» будет назван Владимиром Ладневым), а фамилию «Львовы», одной этимологии с собственной (leo, лев), автор дал семье, история которой описывалась в «Реке времен». Но там героя, за которым стоял сам Константин Николаевич, правда, звали Андреем. Имя Владимир носил один старших братьев Леонтьева.

в главного героя. Зачеркнутый фрагмент позволяет сделать некоторые предположения еще о нескольких персонажах романа.

О замысле и его развитии известно, по письмам Леонтьева, довольно много. Постараемся выстроить хронологическую канву работы над произведением и разобраться, почему роман был заброшен, раз уж нельзя в настоящее время выяснить, где находится полная рукопись.

Впечатления, которые так или иначе пригодились бы для этого романа, начали складываться еще в первые годы по возвращении Леонтьева с Афона, т. е. в 1873–1874 г. Писатель уже словно видел со стороны историю своего религиозного обращения. (Ср. с позднейшим его высказыванием о романе «Пессимист»: «...пессимист <...> перейдет в искреннее Православие» [Леонтьев 12. 2: 347].) В константинопольском посольстве, где вышедший в отставку салоникийский консул бывал до самого отъезда в Россию в мае 1874 г., велись разговоры о трансцендентальной философии [Фетисенко 2016], обсуждались сочинения Эдуарда фон Гартмана, прежде всего его «Философия бессознательного». Интерес у Леонтьева к этому кругу вопросов сохранится и в дальнейшем [Фетисенко 2018]. В это время состоялось знакомство с молодыми дипломатами, поступившими в посольство уже после последнего перед этим пребывания Леонтьева в Константинополе. Об одном из этих новых его собеседников будет сказано дальше. Затем «прирастали» впечатления русской жизни: неузнаваемая пореформенная Москва, Калуга, разоренное имение (Кудиново), суеющийся Петербург; старание жить по монашеским обетам и встречающиеся искушения — влюбленность Л. О. Раевской (барышни из соседнего имения, подруги М. В. Леонтьевой) и — в столице — тонкое светское кокетство О. С. Карцовой¹; обретение «детей души», неудачные попытки вернуться на дипломатическую службу в 1878 г. и потрясшее Леонтьева в том же году дело Веры Засулич, открывшее эпоху террора².

---

¹ Ко всей семье Карцовых, состоявшей из матери и троих взрослых детей, Леонтьев испытывал влюбленную привязанность, завершившуюся в начале 1879 г. большим разочарованием. См.: [Карцов 1911]; о взаимоотношениях с О. С. Карцовой (1856–1934) см.: [Букреева, Фетисенко].

² Из событий 1878 г. нужно вспомнить также раннюю кончину духовного друга Леонтьева, оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма), прекращение работы над романом «Одиссей Полихрониадес» и неудачную поездку в Константинополь корреспондентом «Московских

Новый роман был начат как ответ на вызов Вс. С. Соловьева, не раз замечавшего в своих обозрениях «Современная литература»¹, что только Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой могут дать серьезные произведения, откликающиеся на самые насущные вопросы русской жизни. Критик писал в 1876 г., что не все писатели могут «надлежащим образом осветить туман переходного времени, в котором мы живем» [Розанов, Леонтьев: 333]. Когда в письме к Вс. Соловьеву от 10 января 1879 г. Леонтьев сообщает, не случайно сделав подчеркивание: «Роман начал из *русской жизни* по вашему желанию...» [Леонтьев 11. 2: 293], он откликается одновременно и на эти прежние статьи адресата, и на разговоры при личных встречах с ним в Петербурге в прошедшем году.

8 апреля 1878 г. Леонтьев, живший тогда в Любани, приглашал Ю. С. Карцова (в то время — молодого чиновника Азиатского департамента МИД) приехать к нему по литературному делу², что и было исполнено. Из дальнейшей переписки ясно, что с ним обсуждался план большого романа — с более широкой панорамой «русской жизни», осенью же Леонтьев решит писать «менее обширный» [Леонтьев 11. 2: 279], сосредоточенный на личности главного героя. Это предполагало бы и «любовную линию».

3 сентября в письме к Ольге Карцовой Леонтьев шутливо восклицает: «Все мне хочется вас, О<льга> С<ергеевна>, описать, но сюжета не придумал еще; помогите!» [Леонтьев 11. 2: 242]. А уже 30 октября сообщает своему другу К. А. Губастову [Фетисенко 2021], что уже приступил к работе над романом, и перечисляет его темы: «Я начал роман из современ<ной> русской жизни; — действие будет происходить *третье-го* и *прошлого* года в Петербурге и его окрестностях. — Вы понимаете?»³

ведомостей» (из-за болезни пришлось вернуться, добравшись лишь до Киева).

¹ Часть из них вошло в издание: [Розанов и Леонтьев].

² Ср. с позднейшим признанием последнего по времени из молодых друзей Леонтьева, Ф. П. Чуфрина о том, что тот любил «проверять свои мысли <...> мнением другого», поэтому читал свои новые произведения вслух или давал рукописи «для прочтения» [Пророки Византизма: 649].

³ Губастов должен был разглядеть за этим «Вы понимаете?» историю пребывания Леонтьева в Петербурге и Любани и догадаться, что среди действующих лиц романа может найти и самого себя (в 1878 г. он жил в одних меблированных комнатах с Леонтьевым — на Большой Мор-

Будет там спиритизм, Православие, немного (вдали) нигилизм, — Гартман и Шопенгауер, Цертелев¹ и многое другое. — Я полагаю, что он будет занимателен и правдив. — А впрочем — что Бог даст!» [Леонтьев 11. 2: 256]. В письме к драматургу Н. Я. Соловьеву от 4–5 ноября тоже упоминается начатая «повесть из современной *русской жизни*» [Леонтьев 11. 2: 260]². «Охота писать большая; — признается Леонтьев в письме к Е. С. Карцовой, матери своих любимых «тиграт» — Юрия и Ольги, — но еще здесь в первые дни покоя мало» (письмо от 9 ноября 1878 г. [Леонтьев 11. 2: 263]).

Некоторые детали замысла раскрываются в письме к О. Карцовой от 12–13 ноября: «...Я начал роман, в котором вы будете играть большую роль. Все хочу описать, и арфу³, и не арфу, и все. <...> Постараюсь, будьте покойны, чтобы вы были довольны, а что будут многие вас узнавать, это не беда! Сначала будет неловко, потом привыкнете и будете довольны. Будет тут что-то вроде Цертелева, вроде Г<ейде>на⁴, вроде того тигра, который сжег лошадь, и вроде других. Только опишите мне какой-нибудь хороший туалет для бала на девушке такой, как вы. Идеального в этом романе будет очень много. Напишите мне, как вы находите “Четверть века назад”» [Леонтьев 11. 2: 270–271]. Карцова отвечала, что ее самолюбие «приятно задето» [Леонтьев 11. 2: 717]. Вопрос о нравившемся самому Леонтьеву романе Б. М. Маркевича⁵ наводит на мысль, что в собствен-

---

ской — и был безответно влюблен в О. Карцову). Следует сразу уточнить временные рамки. По письмам Леонтьева ясно, что, когда он говорил, например, осенью о «прошлой весне», предполагалась не весна прошлого года, а ближайшая по времени, но ведь уже прошедшая. Так и здесь, мысля светскими «сезонами», под прошлым и позапрошлым («третьим») годами можно разуметь сезоны 1876/1877 и 1877/1878 гг., т. е. период, начинающийся с добровольческого движения 1876 г. и охватывающий всю русско-турецкую войну.

¹ Речь идет об А. Н. Цертелеве; см. в конце статьи.

² Применительно к одному и тому же произведению Леонтьев часто употреблял разные термины: то повесть, то роман.

³ О. Карцова училась игре на арфе у профессора петербургской Консерватории А. Г. Цабеля.

⁴ Граф Александр Федорович Гейден (1859–1919) был одним из поклонников О. Карцовой. См. о нем: [Леонтьев 11. 2: 654].

⁵ См. об этом: [Котельников 2021], [Фетисенко 2012: 342–352]. Леонтьев считал, что «весь Тургенев — одной главы этого романа не стоит!» (пись-

ном произведении он, возможно, намеревался создать что-то подобное и, в частности, не бояться «узнаваемости» своих персонажей.

«...Я задумал писать роман из русской, современной жизни, такой хороший, такой живой и смелый...» — делился он с Н. Соловьевым 29 декабря 1878 г. [Леонтьев 11. 2: 285]; а в письме Вс. Соловьеву от 10 января 1879 г. задавался вопросом, «не слишком ли дерзок он <роман. — О. Ф.> будет» [Леонтьев 11. 2: 294]. «...Роман этот такого рода, что он едва ли может быть напечатан у Каткова или у кого бы то ни было. — А надо серьезно подумать заранее о заграничной печати» [Леонтьев 11. 2: 286]. Вот почему через того же Н. Соловьева Леонтьев искал адреса немецких издателей [Леонтьев 11. 2: 277, 286], пытался вспомнить — кто несколько лет тому назад переиздал в Лейпциге его повесть «Пембе» (это был основатель серии «Русская библиотека» Вольфганг Гергардт) [Леонтьев 11. 2: 32, 277].

Свою авторскую дерзость Леонтьев видел в том, что во всеохватывающем пессимизме он не оставляет читателям никакой надежды. Поэтому в письме к Вс. Соловьеву он и цитировал Данте: «Остав<ь>те всякую надежду», а далее пояснял: «Ничего кроме прозы и разрушения нет впереди; не только в Европе, но и у славян и *даже в Азии...* <...> Мусульманство *везде* гибнет под ударами не Христианства (какое это Христианство и петербургское и лондонское... Христианство — вот здесь в Оптиной да на Афоне), но под ударами все того же прогрессивного европейского мещанства, у нас *притаившегося* за Гуркой, за Скобелевым¹, за мужиком; а в Англии <...> *за Лордами*, у которых очень скоро отнимут право первородства и разжалуют в мещане и простые землевладельцы так, как разжаловали наших Вронских, Облонских и Шастуновых² — в это же самое благодетельные реформы...

Понимаете — всё один ч..... Всё Гамбетта, Вирхов, Ласкер, Тьер, Бильбасов³, болгарские прогрессисты, Шатов...⁴ Всё одно, одно... А это

мо к Губастову от 4–19 июля 1885 г.) [Леонтьев 12 1: 116–117].

¹ Упомянуты наиболее яркие полководцы – герои русско-турецкой войны: И. В. Гурко-Ромейко и М. Д. Скобелев.

² Князь Ларион Шастунов – герой упомянутого выше романа Маркевича.

³ Зять Краевского и соредатор «Голоса» В. А. Бильбасов оказался здесь в компании европейских либеральных политических деятелей и ученых.

⁴ Примечание Леонтьева к упоминанию о Шатове: «Не говорите, ради Бога, этого *Достоевскому...* Убьет!»

одно — *сухо и плохо*. — Где ж луч, где заря, где *варвары?*.. *Их нет!* А без варваров что делать?..

Трудно это изобразить ясно в романе, но хочу хоть *неясно*, да изобразить...» [Леонтьев 11. 2: 293–294].

Важное признание содержится и в письме к Т. И. Филиппову от 11 мая 1879 г.: «Я осенью начал работу из современной русской жизни (в самом пессимистическом духе и анти-либеральном вместе с тем); прав ли или нет в том пессимизме, который проповедует мой герой; но у меня нестерпимая потребность это написать...» [Леонтьев 11. 2: 331]. Какое отличие от настроения, с которым писался впоследствии «Египетский голубь»! И однако тот — почти законченная образцовая вещь, а «Пессимист» утрачен...

К началу декабря было написано 5–6 глав (письмо Т. И. Филиппову от 11 мая 1879 г.) [Леонтьев 11. 2: 331]. Леонтьев говорил, что на роман ему нужно два или даже три спокойных года. И, конечно, их не оказалось. В конце года его постигла серьезная финансовая катастрофа: Леонтьев уже давно сильно задолжал редакции «Русского вестника». Катков слал ему щедрые авансы в Константинополь, а потом долгое время не печатал ничего из предлагаемых ему новых вещей. Так образовался долг, погашаемый много лет путем вычитания четверти суммы из гонораров. Рассчитывая на пусть и урезанную таким образом выплату за последние части «Одиссея Полихрониадеса», Леонтьев нанял квартиру в Козельске, куда перевез всю свою «сборную» семью: жену, двух племянниц, «детей души» и мать одной из девочек в качестве прислуги. И вот во второй половине декабря выяснилось, что Катков на этот раз решил разом погасить большую часть долга (950 руб. из оставшихся 2000¹) и не заплатит автору вообще ничего. «...Сразил и запутал меня отказ Каткова», — писал Леонтьев Н. Соловьеву [Леонтьев 11. 2: 286]. От квартиры пришлось отказаться, в Кудиново зимой давно не жили. Племянницам пришлось поступать в гувернантки, а самого Леонтьева старец Амвросий приютил в скиту Оптиной пустыни.

В борьбе с тяжелейшим унынием он живет там несколько месяцев подряд и работает над книгой об о. Клименте. Поздней весной возвращается в Кудиново, откуда 20 июня пишет Н. Соловьеву, что роман

---

¹ См. письмо к Вс. Соловьеву, ок. 10 января 1879 г. [Леонтьев 11. 2: 291].

продолжать невозможно¹. Тем не менее в конце июня он получил назад от М. В. Леонтьевой переписанными набело то ли весь роман, то ли только те же 5–6 глав. (В мае или начале июня Леонтьев ездил навещать ее в имение Матвеевой, где она служила гувернанткой, и там, видимо, и передал свой черновик.) По письму выходит, что весь роман: «Маша, с неделю тому назад я получил мой роман твоего рукописания и *приписку* карандашом, что *это очень хорошо*» [Леонтьев 11. 2: 343]. Но скорее все же — только эти первые главы (ср. то, что сказано в письме к Н. Соловьеву о невозможности работать). Однако в любом случае ясно, что автор в это время намеревался при первом досуге продолжать работу². Из январского (1880 г.) письма Ф. Н. Берга к Губастову мы узнаем приблизительный объем уже написанного им: 7 авторских листов.

Ф. Н. Берг познакомился с Леонтьевым летом 1874 г. и сразу заявил себя его давним поклонником. Теперь он был редактором «Нивы», куда Леонтьев и предложил свой роман, понимая, что Каткову его слишком «пессимистический» взгляд на вещи не понравится³. Берг, однако, не

---

¹ «...Всё на мне, начиная с кухни и кончая статьями в “Восток”... Больные, аренда, чистота двора и сада, почта, расходы, сроки процентов, Болгарский вопрос, долги, долги, долги... <...> О том, чтобы продолжать тот большой роман из русск<ой> жизни, к<ото>рый я было решил начать зимою, и думать невозможно. — Невозможно углубиться и предаться той задумчивой и осмысленной лени, которая родит живые образы и наводит на неожиданные соображения» [Леонтьев 11. 2: 341–342]. «Восток» — начавшая выходить в Москве в 1879 г. газета (редактор-издатель Н. Н. Дурново), для которой Леонтьев написал несколько статей (цикл «Письма отшельника»).

² Ср. в письме к Т. И. Филиппову от 19 марта 1880 г.: «Ах, как бы я был рад получить цензорское место в *Москве* и в часы досуга добраться до моего большого *романа!*» [Леонтьев 11. 2: 372].

³ Напомним примечательный фрагмент из статьи «Еще о “Дикарке” гг. Соловьева и Островского» (1880): «...мимоходом позволю себе бросить только самый легкий луч на ту “темную” часть моей души, которая никогда в круг освещения “Московских Ведомостей” и “Русского Вестника” не попадала.

Я, например, имею глупость считать *разрушительным* весь смысл общевропейского эмансипационного прогресса: восхищаться *машинами* не умею; турки мне нравятся; Гладстона я считаю ограниченным человеком, который говорит всё какие-то поверхностные вещи <...>. Может ли г. Катков, человек *минуты*, человек огромного *практического*, непосред-

был заинтересован в получении большого произведения (портфель редакции популярного журнала всегда был переполнен), да и нужно ему было что-то попроще («беллетристика», а не леонтьевские философствования), он желал бы поместить только какой-нибудь короткий рассказ. Хотя 19 декабря 1879 г. еще обнадеживал: присылайте, там решим.

«Присылайте, Константин Николаевич, пожалуста, во всяком случае. Конечно, пока Вы писали, у нас уже много приобретено произведений, но это ничего не значит, и я жду давно. Присылайте целиком, если оно готово, и мы решим с двух слов. Только мне нужно знать сколько Вы получаете в Р<усском> Вестнике, чтобы выслать Вам деньги. Больше об этом и говорить нечего»¹.

Как раз в это время Леонтьев готовился к переезду в Варшаву, куда был приглашен помощником редактора «Варшавского дневника». Посредником в этом деле был упомянутый выше Губастов, тогда — дипломатический чиновник при генерал-губернаторе. К этому-то приятелю Леонтьева² Берг 11 января 1880 г. обратился с лукавым советом. «Что касается повести Л<еонтьева> (между нами), то признаюсь, 7 листов — это неудобно. <...> пока К. Н. писал для нас (вот уже год), я приобрел много довольно больших вещей, и при небольшом размере журнала всего этого девать некуда. Если бы Вы *перебили* ее у меня, даже с видом будто мы с Вами завели пререкания, борясь за удовольствие печатанья, я не прочь бы. Конечно, я уверен, что это хорошо, но поднимать толки об новой вещи с моим купцом — неудобно и неприятно, тем более что запас есть большой» (цит. по: [Леонтьев 5: 910]).

В это время Леонтьев называет свой роман иначе: «Против течения», конечно, держа в памяти известное стихотворение графа А. К. Толстого³. О желании продолжать работу говорится в письме к Т. И. Филип-

---

ственного влияния печатать у себя подобные странные мнения?.. Конечно, нет. Он прав; но и я остаюсь при своем...» [Леонтьев 9: 120–121].

¹ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 10.

² По упоминаниям в позднейшей переписке Леонтьева с Губастовым ясно, что первый читал ему в Варшаве свой роман. См. об этом, например, в письме 1889 г.: [Леонтьев 12. 2: 324].

³ Не исключено, что это заглавие предложил Губастов. Ср. в приведенной ниже цитате из письма к нему от 1 января 1883 г.: «то, что Вы называете...».

пову от 12 марта 1880 г.: «Я обдумал ясно и начал еще прошлого года¹ большой роман и очень правдивый из современной русской жизни. Но, поверьте, срочные занятия и вообще “борьба за существование” не дают мне возможности его продолжать. Называется он “Против течения”. Я уверен, что он Вам очень бы понравился, и я бы его кончил в один или полтора года, если бы мог хоть *три раза* в неделю за него садиться. Но ни жизнь моя в деревне, ни жизнь в Варшаве не дают возможности ничем кроме *срочной* работы заняться. Так все и пропадает» [Леонтьев 11. 2: 366]².

Сотрудничество с варшавской газетой прекратилось через полгода, и безденежье не оставляло возможности для искомого «досуга». В следующем году в чрезвычайно тяжелый для Леонтьева период был начат легкий, воздушный «Египетский голубь». «Пессимист» был сначала не совсем заброшен, а отложен. Остановливало, возможно, то, что пришлось бы касаться периода, когда автор не был доволен своим положением и внутренним состоянием. И все же работа продолжала манить к себе. «...Вздохнется иногда, когда подумаешь, что занимаешься Египетским Голубем, когда нужно бы продолжать то, что Вы называете “Против течения”», — писал Леонтьев Губастову (точнее — диктовал М. В. Леонтьевой) 1 января 1883 г. [Леонтьев 12. 1: 13]. Однако в это время и «Голубь» был уже отринут автором (публикация в «Русском Вестнике» прервалась буквально на полуслове, несколько глав продолжения сохранилось лишь в черновиках и было опубликовано только посмертно в том же томе, что и фрагмент «Пессимиста»). «Воздыхание» об отложенном романе было откликом на слова Губастова в письме от 19 декабря 1882 г.: «Мне лично было бы приятнее, если бы Вы могли скорее окончить “Голубя”, который, подозреваю я, невольно отвлекает Вас от продолжения начатого Вами “Против течения”,... а мне хотелось бы поскорее начать чтение этого много обещавшего романа. Впрочем, кто знает, может быть, любезный мне “Против течения” и выиграет от этого замедления?» [Леонтьев 12. 1: 447–448].

---

¹ На самом деле уже позапрошлого, но Леонтьев, как уже было сказано, исчислял время сезонами: 1878/79, 1879/80.

² Упоминание о романе «Против течения» есть и в письме к тому же лицу от 15 апреля [Леонтьев 12. 1: 375].

Около этого времени Леонтьев читает первые главы этого романа (а других, напомним, возможно, и не было) своим ученикам и нескольким избранным дамам. Это могло произойти как в его квартире, так и у графини С. А. Толстой, вдовы А. К. Толстого, которую он тогда посещал. Может быть, к 1883 г. относится правка в сохранившейся третьей главе. Чтение у П. Е. Астафьева упоминается в письме к одному из учеников, Г. И. Замараеву, от 16 октября 1884 г.: «Я *по пятницам* читаю у Астафьева новый роман и очень жалею, что Вас нет в числе публики. — Очень одобряют» [Леонтьев 12. 1: 76].

В письме к Филиппову от декабря 1885 г. (точнее датировать невозможно, поскольку начало письма не сохранилось) звучит новое название романа (уже третий вариант): «Пророк в отчизне»: «Другой роман я бы назвал: “*Пророк в отчизне*”. <...> План этого труда еще шире. <Чем изложенный выше в том же письме замысел романа «Святогорские отшельники» — о том, как современный человек обращается в Православие. — О. Ф.> Драма *личная*, трагедия сердца идет вперемежку с проповедью мысли. Человек этот задумал научно доказать, что так нельзя, прогресс уже потому не серьезная вещь, что рано или поздно гибель человечества, т. е. “светопреставление” неизбежно. Начало я читал два раза при студентах и при женщинах. Говорят, что оно необыкновенно живо и весело» [Леонтьев 12. 1: 167].

В 1890 г. Леонтьев, рассказывая о своем новом замысле А. А. Александрову (еще одному своему ученику, как и Замараев, бывшему лицеисту-катковцу), напомним о «Пессимисте», упоминая содержание первой или второй главы: «Это не то, что я Вам читал: “Дипломат Маврокордато едет через лес к помещику и философу-Пессимисту Львову и т. д.”» [Леонтьев: 12. 2: 473]. Сразу возникает вопрос: когда читал? В 1883–1884 гг. (когда и всему кружку) или же персонально — в Оптиной пустыни. Если так, то это было в 1888 г., и перед этим Леонтьев мог что-то поправлять в тексте.

Разговоры о романе возобновляются в 1889 г., когда редакция ново-созданного «Русского обозрения» — нотариус Н. М. Боборыкин (друг Леонтьева) и философ и поэт князь Д. Н. Цертелев (младший брат его тогда уже покойного друга по Константинополю) — начнет собирать портфель для первого года своего издания (журнал начнет выходить с января 1890 г.). 17 августа Леонтьев сообщает Губастову, что Боборыкин (сам он писал эту фамилию: Бобарыкин) просит у него

именно этот роман и обещает большой аванс [Леонтьев: 12. 2: 324]. Об этом же он рассказал и о. Иосифу Фуделю в письме от 6 сентября: «... Торгуюсь с Бобарыкиным об романе из русской жизни 70-х годов, где *пессимист à la* Гартман перейдет в искреннее Православие» [Леонтьев: 12. 2: 347]. Леонтьев настаивал, по благословиению старца Амвросия, на 1500 руб. аванса и дальнейшей оплате в 200 руб. серебром за лист. «*Не буду писать*, если на мои условия не согласятся. — *Так и От<ец> Амвросий* благословил» [Леонтьев: 12. 2: 347]. Этому предшествовали переговоры с Бергом, теперь редактором «Русского вестника». Еще 2 января тот писал, что будет рад «вещи беллетристической», хотя и находил название «Пессимист» «не то что мрачным, но скучным»¹. Но высокую оплату, которая была нужна Леонтьеву, он предложить не мог, почему писатель и предпочел дожидаться выхода нового журнала, а тем временем завершал свою большую статью о Л. Н. Толстом («Анализ, стиль и веяние»).

В мае 1890 г. по благословиению старца Леонтьев тянет жребий (после усиленной молитвы вынимает одну из трех бумажек, положенных за иконой) — что начать: возобновить заброшенный роман или начать какой-то из двух задуманных новых (все «в православном духе» (Филиппову, 29 марта 1891 г.) [Леонтьев 12. 3: 87]. По жребию вышло — писать роман «Подруги» (теперь «Русскому обозрению» он будет предлагать это произведение). Леонтьев был расстроен: заняться окончанием «Пессимиста» было бы ему «приятнее и легче», но «надо повиноваться жребию» (Александрову, 11 июня 1890 г.) [Леонтьев 12. 2: 473]. Новый замысел постигла, впрочем, такая же судьба, как и прежний... Последний год жизни Леонтьева был целиком отдан публицистике.

Остается сказать несколько слов о прототипах тех героев «Пессимиста», о которых мы знаем из сохранившегося текста. Владимир Львов — это сам Леонтьев (об использовании им этих же имени и фамилии уже было сказано выше), но, как выясняется, не только он. У этого героя (как у Александра Благова в «Одиссее Полихрониадесе» [Леонтьев 6. 1: 74]) есть еще по крайней мере один прототип — правнук М. И. Кутузова Михаил Александрович Хитрово (1837–1896)² (об этом — чуть ниже). Крестьянские дети имели своими прототипами

---

¹ ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 22, 23 об.

² См. о нем и его взаимоотношениях с Леонтьевым: [Фетисенко 2014].

Николая Орлова, его будущую жену Феню Кисёнкову, дочь бывшего кудиновского дворового, и Варю Сворову, впоследствии, в замужестве, Пронину (она останется с Леонтьевым до конца его жизни). Влюбленной в Львова героине автор дает инициал «З.», совпадающий с начальной буквой имени его первой любви, Зинаиды Яковлевны Кононовой, впоследствии в замужестве Остафьевой (то же имя будет носить и одна из героинь «Подруг» — Зинаида Судогдина). Но от Кононовой взято лишь имя, а прообразом «З.» и Судогдиной являлась, по всем приметам, Людмила Осиповна Раевская (1848 – не ранее 1912), старшая дочь помещиков с. Карманова (соседнего с Кудиновым), впоследствии монахиня шамординского монастыря.

Греческая фамилия Аркадия Маврокордато отсылает к молдаванину и грекофилу (в конце жизни — послу в Афинах, а в годы дипломатической службы Леонтьева — драгоману посольства в Константинополе) Михаилу Константиновичу Ону (1835–1901)¹. В одном из писем к Губастову так и говорилось: «...Маврокордато (*вроде* Ону) философствует в русской деревне» [Леонтьев 12. 2: 324]. Упоминаются в третьей главе и другие персонажи — из посольского круга и общих знакомых главных героев: Мальцов (это может быть как Губастов, так и Н. П. Игнатьев); Семенов — «бестия, Богом помеченная», считающий, что «Львов “ужасный человек”» [Леонтьев 5: 756]. Данных слишком мало, чтобы утверждать что-либо определенное, однако последняя деталь — распространение дурного мнения о главном герое — подводит к предположению, что Семенову могли быть приданы какие-то черты хорошо знакомого Леонтьеву еще с начала 1870-х гг. Н. Н. Страхова. Высказываем это как одну из возможных предварительных версий.

И есть еще один персонаж — предмет спора Львова и Маврокордато, возмущающий второго и героизируемый первым Рахманов (антипод *Рахметова*, о чем просто «вопиет» его фамилия). Помимо антитезы герою Чернышевского важна и прямая этимология фамилии этого героя. «Рахман» — это тюркское название иноходца, т. е. перед нами тот, кто движется *иным* ходом, в своем роде «против течения» (напомним, что это один из вариантов названия романа). Наконец, фамилия говорила о восточном происхождении героя, что тоже важно, поскольку нет сомнений, что прототипом Рахманова послужил князь

---

¹ См. о нем: [Леонтьев 4: 1029–1030; Карцов 1906: 13–25].

Алексей Николаевич Цертелев (1848–1883), которым Леонтьев чрезвычайно заинтересовался в Константинополе.

Его детство прошло в Швейцарии, после окончания Московского университета он поступил на службу в Азиатский департамент МИД и уже через два года получил хорошее назначение — секретарем миссии в Белграде, а затем и в Константинополе. Цертелев не был только канцелярским работником: расцвет его деятельности приходится на 1876–1878 гг. В 1876 г. вместе с американским генеральным консулом Э. Скайлером он собирал сведения об устроенной турками резне в Македонии, присутствовал на Константинопольской конференции послов, а во время русско-турецкой войны «поступил в казаки и оказал отряду Генерала Гурко <...> немаловажную услугу, произведя, переодевшись болгаринном, обследование Ханкейского ущелья, через которое Гурко <...> появился неожиданно для турок в Казанлыкской долине» (неизданные мемуары Губастова) [Леонтьев 6. 2: 461]. Ср. в «Пессимисте»: «...какими-то летучими отрядами козаков, которые перешли Балканы и врывались в города с этим известным вам *aventurier* <авантюристом, фр.> Рахмановым во главе...» [Леонтьев 5: 570]. К концу войны у него было, что большая редкость, четыре солдатских Георгия¹. Он присутствовал при подписании Сан-Стефанского предварительного мирного договора, а когда приехал после этого в Петербург, сопровождая Игнатьева, был принят, пожалуй, как главный «виновник торжества».

Леонтьев, познакомившийся с Цертелевым в конце 1872 г. после года, проведенного на Афоне, отзывался об этом человеке «хищного» типа, по известному термину Ап. А. Григорьева, как о современном печоринце («по-печорински зол и язвителен» [Леонтьев 6. 1: 388]²), подчеркивал его ум, многочисленные таланты, но также и изощренный (чуть не до «демонизма») цинизм и неприкрытое желание «немедленного успеха, силы и влияния» [Леонтьев 6. 1: 391, 392].

Если младший брат дипломата, Дмитрий Цертелев, был известен как почитатель Шопенгауэра и Гартмана и автор работ о них, то о философских предпочтениях Алексея Николаевича не сохранилось прак-

---

¹ См.: [Карцов 1906: 40].

² Ср.: «Он ведь хуже Печорина...»; «Он ведь “бездна” в своем роде» [Леонтьев 11. 2: 58, 256].

тически никаких сведений. Леонтьев отметил лишь его «серьезно-образованный ум, равно способный и к теоретической мысли, и к самым быстрым и основательно-практическим соображениям» [Леонтьев 6. 1: 390]. Князь рано умер, и уже за три года до смерти страдал душевным недугом. Кроме незавершенного (и неизданного при жизни) леонтьевского мемуарного очерка («Князь Алексей Церетелев», 1883) [Леонтьев 6. 1: 388–397], главки в ожидающей еще своего издателя книге Губастова и фрагмента у Ю. С. Карцова, о нем практически нет воспоминаний, дипломатическая его деятельность тоже почти совершенно не изучена¹. Но и по небольшой леонтьевской мемуарной зарисовке многие черты, объясняющие «быстроту и натиск» его блистательной карьеры, выявляются достаточно ярко. В пользу объективности Леонтьева говорят свидетельства современников: характеристика Цертелева в неизданных мемуарах Губастова и в книге Карцова.

Губастов отметил такие черты своего коллеги: «...он был порывист, раздражителен, способен был гнаться за личным успехом, но при этих недостатках у него были огромные качества для политического деятеля, — личное обаяние, творчество, быстрота соображения и умение пользоваться людьми и обстоятельствами» [Леонтьев 6. 1: 462]². Применение этого умения на практике Леонтьев ярко описал в своем очерке, а Карцов подчеркнул цинизм «старшего товарища»: «Как истый политик-реалист, он был чужд сентиментальности; от холодного цинизма его суждений меня в моих пылких юношеских чувствах даже корбило» [Карцов 1906: 42].

---

¹ На эту тему нам известно только две малодоступные работы: *Гвинчидзе О. Ш.* А. Н. Цертели. Генеральный консул России в Болгарии. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.); [Козьменко].

² Ср. также посвященный князю фрагмент в письме Губастова к Леонтьеву от 9 марта 1877 г.: «...маскара Цертелев. Он прославился своею деятельностью в Болгарии, своими пустозвонными (и уморительными в сущности) проектами реорганизации Болгарии, Боснии и т. п. Съездил в Ливадию, обедал там очень хорошо, получил камер-юнкерство, разъезжает теперь по Европе, украшается всевозможными орденами, беседует с журналистами и слова его передаются *in extenso* <полностью, лат.> по телеграфу во все концы мира. В промежутках же бьет баклуши, шопенгауерствует (т. е. то, что в 40-х годах называлось Печоринство), занимается спиритизмом с Графиною Соллогуб и издевается над единоверцами и единоплеменниками» (цит. по: [Фетисенко 2016: 89]).

Мемуарный очерк о Цертелеве, написанный сразу после его смерти, Леонтьев начал рассуждением о том, что этот «молодой герой и красавец» всегда казался ему настоящим героем современного романа, «прекрасного, большого и вовсе, разумеется не отрицательного» [Леонтьев 6. 2: 388, 389]. И тут мы можем вновь вспомнить письмо к О. Карцовой о том, что в его романе «будет ... Цертелев». Кстати, фотографию «мерзавца Цертелева» в октябре 1877 г. Леонтьев подарил своей московской юной поклоннице Вере Неклюдовой (в ответ на поддразнивания родителей та отвечала: «Что ж такое? — Это теперь историческое лицо!» [Леонтьев 11. 2: 128]), а про Карцову говорил, что хотел бы видеть ее женой такого именно человека, как этот молодой герой [Леонтьев 11. 2: 176].

По счастью, сохранившиеся листки «Пессимиста» содержат упоминание об очень характерном эпизоде, который Леонтьев, конечно, не мог обойти вниманием, хотя сам и не присутствовал при нем. Львов вспоминает о своей прерванной дуэли с Рахмановым: «Можно ли было поставить нас обоих в такое смешное положение. — Назначить людям десять секунд для выстрела... и после этого уйти. — Он медлил стрелять потому, что жалел меня; — он чувствовал себя неправым... Я просто и очень наивно не успел. — Я думал дать ему прежде выстрелить в надежде на случай промаха и потом, признаюсь, рассчитывал ранить его в ногу. — Я сам очень боялся убить его. — Он мне слишком нравился» [Леонтьев 5: 571].

Что же стоит за этим эпизодом? В 1876 г. Леонтьев из писем константинопольских друзей узнал о странной дуэли без выстрелов [Леонтьев 11. 2: 51], на которую было отведено не 10, как в романе, но тоже очень мало — всего 15 секунд¹, состоявшейся у М. А. Хитрово и Цертелева, до этого, несмотря на разницу в возрасте, бывших скорее приятелями. Хитрово, придравшись к самому пустому поводу², вызывает Цертелева (тогда адрианопольского консула, приехавшего всего на три дня в Стамбул) на дуэль, которая никак не могла состояться из-за сложных

---

¹ Ср. в письме Губастова к М. В. Леонтьевой от 5 июля 1876 г.: «...у них было 15 секунд для этого» (цит. по: [Леонтьев: 11. 2: 549]).

² Этот предлог годился бы скорее для каких-нибудь очень давних времен: в присутствии мужа Цертелев обратился, как бы не замечая его, к его жене (будущей «музе» Вл. С. Соловьева С. П. Хитрово). Вызов и ответ произнесены были по-французски. См.: [Леонтьев 11. 2: 548–549].

политических обстоятельств, а потом все же произошла, хотя и крайне своеобразно. Эту сцену Леонтьев и хотел ввести в свой роман, и вот почему и можно с уверенностью сказать, что Хитрово — наряду с самим автором — один из прототипов Львова. От своего друга детства Леонтьев придает таким персонажам, как Благов и Львов прежде всего именно «героические», рыцарственные черты.

Что касается «биографии» Рахманова, то в ней, судя по зачеркнутому фрагменту, тоже присутствовали детали, которые заимствованы не от Цертелева. Здесь упоминается история с «матрикулами», во время которой леонтьевский герой, не боясь угроз других — взбунтовавшихся — студентов («холопьев демагогии <...> жалких прихвостней прогресса» [Леонтьев 11. 2: 761]), идет именно «против течения», но к тому моменту Цертелеву было всего 13 лет. А вот будущий «белый генерал» М. Д. Скобелев — в 1861 г. студент Петербургского университета¹ — вполне мог быть на месте Рахманова. Любопытно, что и сам Скобелев в этом же фрагменте романа тоже упомянут: «...все прекрасное в Природе мне драгоценно.... Роза, тигр... Синее небо;... Скобелев;... Гёте;... Рахманов... все мое, — что для меня прекрасно...» [Леонтьев 11. 2: 761]².

Замысел романа, как видим, был дорогим, заветным для Леонтьева. Цепь житейских неудач помешала его завершению, а в самом конце жизни автор, готовящийся к скорому принятию тайного монашеского пострига, только и ждал, когда, наконец, сможет «не писать», по крайней мере «для печати», по благословению старца [Леонтьев 12. 3: 133, 139, 146]. Утрата романа «Пессимист» («Против течения») — это одна из больших потерь русской литературы.

¹ Упоминаемый Леонтьевым «вопрос об этих матрикулах» [Леонтьев 11. 2: 548–549] поднимался именно в Петербурге. Комментарий см.: [Леонтьев 11. 2: 929–930].

² Этот пассаж перекликается с монологом Милькеева из романа «В своем краю», где рядом с «тигром» упомянут другой герой — древний Алкивиад [Леонтьев: 2, 23].

Список литературы
Источники

Карцов Ю. С. Письма К. Н. Леонтьева к Е. С., О. С. и Ю. С. Карцовым, с вступлением // Памяти Константина Николаевича Леонтьева, † 1891: Лит. сб. СПб.: Сириус, 1911. С. 235–308.

Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке, 1879–1886: Воспоминания политические и личные. СПб.: Экономическая типолитография, 1906. 393 с.

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 724 с.

В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии / сост. Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

Филиппов Б. А. Предисловие // *Леонтьев К.* Египетский голубь. Дитя души. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 5–32.

Исследования

Букреева Е. М., Фетисенко О. Л. Ольга Карцова в «хронологии жизни» Константина Леонтьева // Край Смоленский. 2021. № 4. С. 3–9.

Иванов Вяч. Вс. Повести Константина Леонтьева о православных на юго-востоке Европы и борьба с европейским неогуманизмом // *Иванов В. В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. Статьи о русской литературе. С. 110–119.

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев: Жизнь и творчество (1831–1891) // К. Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. 1. С. 229–650, 663–675.

Козьменко И. В. Русский дипломат А. Н. Цертелев — защитник интересов болгарского народа // Балканский исторический сборник. Кишинев: Штиинца, 1973. Вып. III. С. 323–343.

Котельников В. А. «Имеет достоинство историческое» (К. Н. Леонтьев и Б. М. Маркевич) // Словесность и история. 2021. № 4. С. 157–166. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166

Котельников В. А. Парадокс о писателе // *Леонтьев К. Н.* Египетский голубь. М.: Современник, 1991. С. 3–17.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии // Русская литература. 2016. № 1. С. 80–89.

Фетисенко О. Л. Неизданные воспоминания и письма К. А. Губастова (1845–1919) — исторический источник и памятник литературы // История отечествен-

ной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб.: Российская нац. б-ка, 2021. Вып. 2. С. 57–66.

Фетисенко О. Л. «...Сколько русских лиц там было списано почти с натуры» (Утраченная романная эпопея К. Н. Леонтьева «Река времен» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Никита Петрович Гиляров-Платонов: Исследования. Материалы. Библиография. Рецензии. СПб.: Росток, 2013. С. 131–141.

Фетисенко О. Л. Философия пессимизма Эдуарда Гартмана в осмыслении Константина Леонтьева и его окружения // Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 2018. С. 273–276.

Фетисенко О. Л. Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.

References

Bukreeva, E. M., Fetisenko, O. L. “Olga Kartsova v ‘khronologii zhizni’ Konstantina Leontieva” [“Olga Kartsova in K. Leontiev’s ‘Chronicle of Life.’”]. *Krai Smolensky*, no. 4, 2021, pp. 3–9. (In Russ.)

Ivanov, Vyach. Vs. “Povesti Konstantina Leontieva o pravoslavnykh na yugovostoke Evropy i bor’ba s evropeiskim neogumanizmom” [“Konstantin Leontiev’s Tale of the Orthodox in the South-East of Europe and the Struggle Against European Neo-Humanism”]. Ivanov, Vyach. Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul’tury: v 3 t.* [Selected Works on Semiotics and Cultural History: in 3 vols.], vol. 2: Stat’i o russkoi literature [Articles on Russian Literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, pp. 110–119. (In Russ.)

Ivask, Iu. P. “Konstantin Leont’ev: Zhizn’ i tvorchestvo (1831–1891)” [“Konstantin Leontiev: Life and Work (1831–1891)”]. *K. N. Leontiev: pro et contra: Antologiya v 2 knigakh* [K. N. Leontiev: Pro et Contra: Anthology in 2 Books], book 1. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 1995, pp. 229–650, 663–675. (In Russ.)

Kozmenko, I. V. “Russky diplomat A. N. Tsertelev — zashchitnik interesov bolgarskogo naroda” [“Russian Diplomat A. N. Tsertelev — Defender of the Interests of the Bulgarian People”]. *Balkanskii istoricheskii sbornik* [Balkan Historical Collection], issue III. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1973, pp. 323–343. (In Russ.)

Kotel’nikov, V. A. “‘Imeet dostoinstvo istoricheskoe’ (K. N. Leont’ev i B. M. Markevich)” [“‘It Has the Merit of a Historical Work’ (Konstantin Leontiev and Boleslav Markevich)”]. *Slovestnost’ i istoriia*, no. 4, 2021, pp. 157–166. DOI: 10.31860/2712-7591-2021-4-157-166 (In Russ.)

Kotel’nikov, V. A. “Paradoks o pisatele” [“Paradox about the Writer”]. Leontiev, K. N. *Egyptian Dove* [Egyptian Pigeon]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, pp. 3–17. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Heptastilysty”: Konstantin Leont’ev, ego sobesedniki i ucheniki [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Disciples]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 784 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Iz bosforskogo table-talk 1874 goda (M. A. Khitrovo i ego neizdannaya epigrama na prozelita transsental’noi filosofii)” [“From the Bosphorus Table-talk in 1874 (M. A. Khitrovo and His Unpublished Epigram on the Proselyte of Transcendental Philosophy)”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2016, pp. 80–89. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Neizdannye vospominaniia i pis’ma K. A. Gubastova (1845–1919) — istoricheskii istochnik i pamiatnik literatury” [“Unpublished Memoirs and Letters of K. A. Goubastov — a Historical Source and a Literary Monument”]. *Istoriia otechestvennoi kul’tury v arkhivnykh dokumentakh* [History of National Culture in Archival Documents], issue 2. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2021, pp. 57–66. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Skol’ko russkikh lits tam bylo spisano pochti s natury” [“How Many Russian Faces there were Copied almost from Nature”]. *Nikita Petrovich Giliarov-Platonov: Issledovaniia. Materialy. Bibliografiia. Retsenzii* [N. P. Gilyarov-Platonov: Research. Materials. Bibliography. Reviews]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013, pp. 131–141. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Filosofia pessimizma Eduarda Gartmana v osmyslenii Konstantina Leont’eva i ego okruzheniia” [“The Philosophy of Pessimism of E. von Hartmann in the Understanding of K. Leontiev and His Environment”]. *Aktual’nye voprosy sovremennogo bogosloviia i tserkovnoi nauki. Sbornik dokladov* [Topical Issues of Modern Theology and Church Science. Collection of Reports]. St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publ., 2018, pp. 273–276. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Epizody iz zhizni konsula (K. N. Leontiev i M. A. Khitrovo)” [“Episodes from the Consul’s Life (K. N. Leontiev and M. A. Khitrovo)”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2013]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, pp. 97–146. (In Russ.)

Редакция журнала «Два века русской классики» сердечно поздравляет с 90-летием Михаила Давидовича Амирханяна — доктора филологических наук, известного советского и армянского ученого, профессора, Почетного профессора Российского нового университета! Благодарим Михаила Давидовича за многолетний литературоведческий труд, желаем здоровья, сил, всего самого доброго и светлого!

Глашатай российско-армянского братства

Михаил Давидович Амирханян — замечательный ученый-литературовед, очень много сделавший для укрепления российско-армянских культурных и литературных связей.

М. Д. Амирханян родился 5 ноября 1932 г. в одном из живописнейших уголков Армении — Лори. Окончив в 1960 г. факультет русского языка и литературы Ереванского государственного университета, работал старшим преподавателем. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию «Средневековая армянская поэзия в русских переводах», а в 1987 г. докторскую диссертацию — «Интернациональный характер русской литературы в аспекте русско-армянских отношений (XII — начало XX вв.)». С 1995 г. по 2000 г. заведовал кафедрой русской литературы Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова.

М. Д. Амирханян — руководитель Центра русского языка и культуры Ереванского государственного университета им. В. Я. Брюсова, председатель общества дружбы «Армения — Россия» в Армянском

обществе культурных связей. За общественно-культурные заслуги награжден памятной медалью «К 100-летию М. А. Шолохова», армянской памятной медалью «Григор Нарекаци» (2012), почетным знаком «За дружбу и сотрудничество» (2015) Россотрудничества, Медалью «За вклад в развитие Евразийского экономического союза» (2019), российской медалью Пушкина (2022). В процессе работы М. Д. Амирханян был неоднократно удостоен благодарностей послов России в Армении: В. Е. Коваленко, А. Н. Дрюкова, С. П. Копыркина.

М. Д. Амирханян — бессменный организатор международных научно-практических конференций «Русские классики: русская и национальные литературы». С 2009 г. по 2022 г. последовательными и энергичными усилиями ученого успешно проведены 19 конференций, вызвавших живой интерес многих видных исследователей Армении, России, Грузии, Словакии, Германии, Италии, Испании, Румынии, Китая, США, Японии и других стран, обращавшихся к различным аспектам жизни и творчества выдающихся русских поэтов и писателей — Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, И. А. Булгакова, А. И. Солженицына. Это в общей сложности около 8500 страниц.

В докладах ученых, выступавших на конференциях, как и в творчестве многих классиков русской литературы, неотъемлемым элементом, наряду с глубинным и разносторонним отображением различных аспектов русской действительности и культуры, стали и армянские «вкрапления», мотивы, образы и эпизоды. К началу всех конференций в виде отдельных сборников издавались научные материалы — все книги вышли под редакцией М. Д. Амирханяна.

Благодаря стараниям неутомимого труженика и искреннего поборника дружбы народов М. Д. Амирханяна Ереван стал авторитетным центром изучения русской литературы, русистики не только на Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве.

В научно-творческом наследии М. Д. Амирханяна особенно значимы книги: «Русская художественная литература об Армении» (1983), «Русская художественная публицистика об Армении» (1984), «Русская художественная литература и геноцид армян» (1988), «Классики русской литературы и Армения» (1991), «Геноцид армян и русская пу-

блицистика» (1997), «Пушкин и Армения» (1999), «Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений» (2003), «Геноцид в Западной Армении и русская поэзия» (2008), «Нация и национализм. Голос разума и милосердия. К 100-летию Геноцида армян» (2015) и др.

Особое место в ряду исследований ученого занимает книга «Армяне — Герои Советского Союза» (2005), подготовленная к изданию и вышедшая в свет к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В этой связи не лишне заметить, что во время конференции «И. А. Гончаров: русская и национальные литературы», по предложению М. Д. Амирханяна, между М. Д. Амирханяном и В. В. Кирилловым (директором института гуманитарных наук МГПУ) было заключено соглашение о создании энциклопедического словаря «Армяне — генералы Царской армии со времен Суворова и до Октябрьской революции».

В 1991–2012 гг. М. Д. Амирханян был ректором Ереванского гуманитарного института, стал организатором, составителем, редактором сборников «Брюсовские чтения». Поистине уникально издание ученым монографии-антологии «Армения в зеркале русской поэзии» (2021–2022), где собран и систематизирован огромный пласт поэтических сочинений русских авторов об Армении с ранней поры до начала XXI в., представлена краткая информация о путях и причинах появления «армянского текста» русской поэзии.

Более чем шестидесятилетняя трудовая деятельность М. Д. Амирханяна посвящена просвещению и воспитанию многих поколений русистов, пропаганде русского языка, русской литературы и культуры в Армении, о чем свидетельствуют его инициативы.

Несмотря на почтенный возраст, Михаил Давидович Амирханян проявляет завидную энергию в претворении в жизнь все новых замыслов и идей, щедро делится своим жизненным, научным и педагогическим опытом с более молодыми коллегами, которые по-прежнему тянутся к нему. М. Д. Амирханян — удивительный человек и ученый, заряжающий окружающих неиссякаемым оптимизмом, стремлением к творческим и научным достижениям.

С 90-летним юбилеем, дорогой Михаил Давидович, — маститый ученый, одухотворенный человек, гордость и цвет армянской интеллигенции!

д.ф.н., Роберт Андрикович Багдасарян

© 2022. М. А. Айвазян
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

О ходе и итогах XVII Международных Толстовских чтений

Аннотация: Автор статьи был участником и слушателем XVII Международных Толстовских чтений, организованных научным центром ИМЛИ РАН «Русская литература и христианская традиция». В статье обзревается ход конференции, состоявшейся в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук 24–25 мая 2022 г., передается основное содержание всех докладов, сообщается о наиболее интересных поворотах и решениях в рассуждениях ученых. В ходе аналитического осмысления выступлений автор научного отчета пришел к выводу о тематической и проблемной широте конференции, ее большом значении в развитии современного изучения наследия Л. Н. Толстого в России и за рубежом. Отмечается значительный интерес к конференции ученых из разных городов, научных и образовательных организаций нашей страны и мира.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Толстовские чтения, международная конференция, участники, доклады, тематическое своеобразие, научные мероприятия.

Информация об авторе: Михаил Арамисович Айвазян, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.07.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 20.09.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Айвазян М. А. О ходе и итогах XVII Международных Толстовских чтений // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 244–253.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-244-253>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 244–253. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 244–253. ISSN 2686-7494

Scientific Report

© 2022. Michael A. Ayvazyan

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

On the Progress and Results of the XVII International Tolstoy Readings

Abstract: The author of the article was a participant and a student of the XVII International Tolstoy Readings, organized by the scientific center “Russian Literature and Christian Tradition.” The article reviews the course of the conference held at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences on May 24–25, 2022 transmits the main content of all reports, reports the most interesting turns and decisions in the reasoning of scholars. In the course of analytical comprehension of the reports, the author of the scientific report came to the conclusion about the thematic and problematic breadth of the conference, its great importance in the development of modern Tolstoy studies in Russia and abroad. There is a significant interest in the conference of scholars from different cities, academic and educational organizations of our country and the world.

Keywords: L. N. Tolstoy, Tolstoy readings, international conference, participants, reports, thematic originality, scientific events.

Information about the author: Mikhail A. Ayvazyan, PhD in Philosophy, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: info@imli.ru

Received: July 16, 2022

Approved after reviewing: September 20, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Ayvazyan, M. A. “On the Progress and Results of the XVII International Tolstoy Readings.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 244–253. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-244-253>

24–25 мая 2022 г. состоялась Международная научная конференция «XVII Весенние Толстовские чтения», организованная на базе Научно-исследовательского центра ИМЛИ РАН «Русская литература и христианская традиция».

Открывая конференцию, ее ведущий, д.ф.н. Александр Вадимович Гулин напомнил, что «Весенние Толстовские чтения» были изначально посвящены и сейчас посвящаются памяти известного русского ученого, члена-корреспондента РАН Л. Д. Громовой-Опульской.

Конференция получилась очень широкой и объемной, заняла два дня. В ней приняли участие 46 специалистов из Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Московского государственного педагогического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Государственного музея Толстого, Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Российской государственной библиотеки, Дома Русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Зарубежные участники конференции представили науку Беларуси, Абхазии, Турции.

Уже ставшая регулярным событием и проводимая каждый год, в этот раз конференция «Весенние Толстовские чтения» собрала максимальное количество выступающих ученых. Темы докладов были не только разнообразными, но и результативно обоснованными.

Открыла конференцию Валерия Геннадьевна Андреева, д.ф.н., сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. В докладе «Художественное время в повести Л. Н. Толстого “Хаджи-Мурат”» В. Г. Андреева показала, каким образом фигура Хаджи-Мурата при незначительных внешних коррективах, внесенных в облик и мироощущение главного героя повести, по сравнению с прототипом, оказалась включенной в философию жизни писателя. Докладчик убедительно и доказательно продемонстрировала, что в

течение работы над повестью «Хаджи-Мурат» у Толстого складывалось особое понимание времени, связанное с развитием способности человека к воспоминанию как процессу, способствующему духовному единению. По словам В. Г. Андреевой, для уяснения глубинных смыслов повести Толстого необходимо соотнести писательский рассказ о Хаджи-Мурате и его воспоминания с тем фактом, что все произведение помимо «Пролога» и последнего предложения является результатом воспоминания самого автора, дополненным его воображением. Исследователь показала, что огромное значение в повести имеет внутреннее сопряжение точных дат, фактов и событий с поэтически художественными описаниями Л. Н. Толстого.

Глубоким и ярким стал доклад Александра Вадимовича Гулина, д.ф.н., сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН — «Люди Западной Европы в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”». Ученый проанализировал значение и роль образов иностранцев, появляющихся на страницах эпопеи Толстого: в большей степени французов и немцев, в меньшей степени — итальянцев и поляков. Исследователь отметил, что среди героев-иностранцев в художественном мире Толстого присутствуют как исторические образы, имеющие за собой реальных лиц, так и вымышленные герои, тем не менее, также значительно укорененные в исторической реальности. Мимолетное появление в романе иностранцев, по словам А. В. Гулина, создает некую постоянную и необходимую стихию: необходимую не только в плане исторической достоверности и размаха произведения, но также и в развитии его нравственной проблематики. А. В. Гулин в своем выступлении отметил, что «Война и мир» — это не только одна из самых значительных и основных русских почвенных книг, но это еще и книга об отношении русского мира к иным мирам и другим писательским полюсам, национальным историям.

Ирина Борисовна Павлова, д.ф.н., сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, рассказала о роли «английской» темы в одном из эпизодов романа Толстого «Анна Каренина». По словам И. Б. Павловой, английская тема проходит через весь роман Толстого, участвует в создании определенной ассоциативной линии. Особое внимание докладчица уделила фигуре А. А. Каренина, тем политическим, философским, богословским книгам английских исследователей, которые могли заинтересовать этого героя.

Английская тема была отчасти продолжена и следующим докладчиком, Галиной Васильевной Алексеевой, к.ф.н., сотрудником Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», которая посвятила свое выступление переводу трактата Толстого «Что такое искусство». Г. В. Алексеева показала беспрецедентный пример внимательного и творческого взаимодействия Толстого с переводчиком трактата — Эльмером Моодом, подробно остановившись на их значимой переписке, на страницах которой Моод предстал не только как переводчик, но и как редактор, заинтересованный в высоком качестве перевода.

Владимир Иванович Мельник, д.ф.н., преподаватель Перервинской духовной семинарии, посвятил свой доклад образу московского юридического Ивана Яковлевича Корейши и отношению Толстого к этому человеку. По мнению В. И. Мельника, Толстой встретился с Корейшей, уже выработав в целом в себе положительное отношение к юродству. Исследовать доказывает, что встреча писателя с юродивым состоялась в 1854 г., весной, фактически одновременно со встречей Толстого с митрополитом Филаретом. Общение с юродивым не произвело на Толстого серьезного впечатления в плане перемен и грядущих предсказаний, которые нередко совершал Корейша, но однозначно повлияло на Толстого, на его духовный путь и художественные поиски.

В докладе «Л. Н. Толстой и герои Достоевского» Евгения Васильевна Николаева, д.ф.н., сотрудница Московского педагогического государственного университета, предприняла попытку показать не различие, а общность, схожесть миров двух больших писателей-современников. Е. В. Николаева продемонстрировала одинаковую тягу писателей к проблеме преступления и наказания, к семейной теме и эпохе духовного переворота и существования человека в непростое время XIX в. Исследовательница обобщила многочисленные материалы, накопленные наукой о взаимоотношениях классиков, сделал акценты на линиях идейных и мировоззренческих сближений писателей.

Отдельное внимание Е. В. Николаева уделила воспоминаниям А. А. Толстой, открывающей сложные художественные аспекты духовного поиска Толстого и Достоевского.

Наталья Ивановна Городилова, к.ф.н., сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН посвятила свое вы-

ступление текстологическим разысканиям в рассказе Л. Н. Толстого «Свечка». Исследовательница обратилась к творческой истории произведения, подчеркнула, что, несмотря на небольшой объем, рукописный фонд рассказа составляет 37 листов, исписанных с обеих сторон. Н. И. Городилова скрупулезно проанализировала правку Толстого, показывая значимость тех на первый взгляд незначительных перемен, которые вносились писателем в текст. Коррективы Толстого, как обозначила в докладе исследователь, были вызваны не только попытками избежать повторов и двусмысленностей, но производились преимущественно для прояснения и наиболее четкого и ясного выражения морали и авторской идеи.

Как правило, большой интерес у отечественных исследователей вызывают доклады, посвященные восприятию творческого наследия писателя иностранцами. С представлением о личности Толстого, его художественных и публицистических произведений в дореспубликанской Турции выступила профессор Стамбульского университета Олджай Тюркан. Она остановилась на фигурах важнейших турецких писателей, литераторов, переводчиков, на истории их знакомства и работы с произведениями Л. Н. Толстого.

Инга Юрьевна Матвеева, к.ф.н., сотрудник Российского государственного института сценических искусств, обратилась к проблематике и поэтике повести Толстого «Фальшивый купон». По мнению докладчика, повесть в ее итоговом виде является иллюстрацией важнейшего толстовского принципа непротivления злу насилем — наиболее критикуемого со стороны русской интеллигенции. И. Ю. Матвеева считает, что в рассуждениях писателя, как философа о духовной и животной жизни, принцип непротivления является наиболее последовательным для выражения взглядов. Докладчик особое внимание уделила размышлениям о понятии разум в позднем творчестве Толстого.

В выступлении Фариды Хабибовны Исраповой, к.ф.н., преподавателя Дагестанского государственного университета, были использованы современные методы нарраталогического анализа произведения, применяемые автором к рассказу Толстого «Набег».

Наталья Николаевна Примочкина, д.ф.н., сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН рассказала об образе Л. Н. Толстого в воспоминаниях М. Горького. В основу последних, по

мнению Н. Н. Примочкиной, легли реальные и очень непростые, неоднозначные взаимоотношения двух писателей. Н. Н. Примочкина, проанализировав неотправленные письма Горького, которые содержат критику очень категоричной и однолинейной линии философии Толстого, в своем докладе обосновывает, почему Горький отказался от большого выступления к 80-летию Толстого.

Завершающим первый день конференции стало выступление Валерии Сантиллан, независимого исследователя из Аргентины, посвященное образам Анны Михайловны Друбецкой и ее сына Бориса. По наблюдению исследователя, Толстой значительно смягчает те противоречия и резкие черты в поведении указанных героев, которые были в черновых материалах. Особенно интересными показались нам наблюдения Валерии Сантиллан по поводу деталей и подробностей, причин исключения противоречий из итогового текста.

Второй день XVII Весенних Толстовских чтений оказался не менее содержательным и интересным: 25 мая вновь выступили на конференции не только отечественные, но и зарубежные исследователи — постоянные гости Толстовских чтений и других конференций научного центра ИМЛИ РАН «Русская литература и христианская традиция».

Доклад Василия Шамониевича Авидзбы, к.ф.н., сотрудника Института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, был посвящен изучению наследия Толстого в Абхазии. В. Ш. Авидзба рассказал о возможной встрече Толстой с Николаем Ладария — священником и переводчиком. Исследователь предполагает, что живя в Гаспре, Толстой мог совершать путешествия в предгорья Кавказа. Ученый, останавливаясь на переводах произведений Л. Н. Толстого на абхазский язык, особое внимание уделяет педагогическим статьям писателя и его народным рассказам, а также «Азбуке».

Владимир Константинович Зантария, д.ф.н., академик Академии наук Абхазии, продолжил разговор о восприятии Толстого на Кавказе, а также о роли и месте темы Кавказа в жизни писателя. По мнению В. К. Зантария, именно на Кавказе зародилась толстовская идея ненасилия, которая затем стала одной из основных тем для его позднего творчества. В центре внимания исследователя оказывается повесть Толстого «Казачья», а также повесть «Хаджи-Мурат». Ученый

в своем выступлении подчеркивает непростое отношение писателя к горцам, которые, с одной стороны, были фактическими врагами русских в столкновениях на Кавказе, с другой стороны, всегда вызывали у Толстого искреннюю заинтересованность и жалость в связи с их поработанным и униженным положением.

Доклад Анна Андреевны Щербининой, к.ф.н., сотрудницы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН был посвящен основным тенденциям русского эпистолярия конца XVIII – первой трети XIX вв., в письмах Н. И. Толстого из армии. Исследователь осветила основные принципы эпистолярного жанра указанного времени, глубоко и полно проанализировала тематику, проблематику и содержание писем Николая Ильича.

В связи с болезнью 24 мая не смогла выступить Нина Леонидовна Ермолаева, д.ф.н., независимый исследователь из Иваново. Поэтому доклад Н. Л. Ермолаевой 25 мая зачитала ее дочь — Мария Вадимовна Яценко, д.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Выступление М. В. Яценко стало одной из ярких доминант второго дня конференции. Рассказывая о параллелизме на пути к эпосу Л. Н. Толстого и А. Т. Твардовского, исследовательница объяснила близость миропонимания, ценностных ориентаций, формирования эпического мышления писателей на материале «предэпосных» очерковых произведений — Севастопольских рассказов и «С Карельского перешейка (Из фронтовой тетради)», в которых авторы заявляют себя в качестве летописцев совершающихся исторических событий.

Еще одним зарубежным участником конференции стал китайский исследователь Чжу Цзяньган. Китайский ученый, рассуждая о толковании Н. Н. Страховым романа-эпопеи «Война и мир», хорошо и доходчиво обобщил объемный материал, касающийся взаимоотношений писателя и критика, а вместе с тем и двух хороших и близких друзей. В своем докладе исследователь показал, что именно благодаря статьям Страхова многие читатели открыли в романе «Война и мир» первую отечественную книгу, обозначающую линию понимания основных и главных национальных ценностей.

Три доклада, завершающие Толстовские чтения, имели глубокий текстологический характер. Ирина Игоревна Сизова, к.ф.н., сотрудница Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,

обратилась к истории текста рассказа Толстого «Два старика». Она показала, что обработка текста произведения велась по заранее намеченным автором линиям, проследила важнейшие дополнения и уточнения, детали, сделанные писателем в процессе работы. По мнению И. И. Сизовой, необходимо уточнение датировки рассказа, который был создан не в 1885 г., а, видимо, на протяжении 1885–1886 гг.

Галина Николаевна Ковалева, сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, проанализирована неизвестные источники конспективных записей Толстого о Петре I, князе А. Д. Меншикове и графе П. А. Толстом. Исследовательница разыскала документальные источники, раскрывающие смысл очень кратких выписок Толстого из материалов петровского времени, позволяющих более четко и точно прояснить, о каких именно событиях, лицах, и их деяниях идет речь в работе писателя.

Выступление Марины Анатольевны Можаровой, к.ф.н., сотрудницы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН «Текстологические особенности рассказа Л. Н. Толстого “Три старца”» поразило тщательностью проработки всех деталей и тонкостей, которые присутствовали в творческой лаборатории писателя во время его работы. М. А. Можарова обратилась к многочисленным правкам В. Г. Черткова, сделанным в тексте Л.Н. Толстого, и показала самые значительные искажения, которые были сделаны по невниманию, а отчасти и из-за непонимания писателя.

Заключительный доклад «Эпистолярное творчество М. Н. Толстой как единственный источник сведений о детстве Н. Н. Толстого» прочитала Елена Викторовна Белоусова, научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого Ясная Поляна. Ее выступление логично продолжало два уже прозвучавших ранее доклада, посвященных эпистолярному наследию писателя и его родственников. Очень значимо, что к финалу конференции прозвучали слова о матушке и старшем брате Толстого — людях, оказавшие значительное влияние на становление писателя.

XVII Весенние Толстовские чтения стали ярким событием в отечественной и мировой научной жизни. Очень значимо, что конференция имела международный статус. При всей тематической, проблемной необъятности произведений Л. Н. Толстого на прошед-

ших чтениях в центре внимания исследователей оказались почти все самые известные и крупные произведения писателя. Безусловный интерес докладчиков к сообщениям друг друга подчеркивался вопросами, репликами, суждениями, а также планами на грядущие Весенние Толстовские чтения.

© 2022. В. В. Борисова

Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Россия

Государственный музей истории российской литературы
им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского»)

г. Москва, Россия

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия

Первый полный и универсальный библиографический указатель рода Аксаковых¹

Аннотация: Вниманию читателей предлагается рецензия на книгу «Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы». Это первый полный и универсальный библиографический указатель, посвященный великой русской семье и содержащий 5322 библиографические записи о прижизненных, дореволюционных, советских, постсоветских изданиях на русском, башкирском, татарском и иностранных языках, в том числе архивные документы. В Указателе систематизирован обширный материал, распределенный по четырнадцати разделам. В рецензии отмечается значительная библиографическая и историографическая ценность Указателя.

Ключевые слова: Аксаковы, библиографический указатель, историографическое значение, персоналии, аксаковедение, творческое наследие, литературные связи.

Информация об авторе: Валентина Васильевна Борисова, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, 119034 г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля, Музейный центр «Московский дом Достоевского», ул. Достоевского, д. 2, 103030 г. Москва, Россия; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, ул. Октябрьской революции, д. 3а, 450008 г. Уфа, Россия. ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>

E-mail: vvb1604@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 16.09.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 08.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Борисова В. В. Первый полный и универсальный библиографический указатель рода Аксаковых // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 254–263. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-254-263>

¹ Рецензия на книгу: Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы // сост.: П. И. Федоров, С. В. Мотин; отв. ред. А. П. Дмитриев. Уфа: Изд. А. А. Словохотов, 2022. 724 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 254–263. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 254–263. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2022. **Valentina V. Borisova**

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”

Moscow, Russia

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
Ufa, Russia

The First Complete and Universal Bibliographic Index of the Aksakov Family¹

Abstract: Readers are invited to review the book “The Aksakovs: a bibliographic index of literature on the noble family of the Aksakovs and their entourage for 1819–2022.” This is the first complete and universal bibliographic index dedicated to the great Russian family and containing 5322 bibliographic records about lifetime, pre-revolutionary, Soviet, post-Soviet publications in Russian, Bashkir, Tatar and foreign languages, including archival documents. The Index systematizes extensive material, divided into fourteen sections. The review notes the significant biobibliographic and historiographical value of the Index.

Keywords: Aksakovs, bibliographic index, historiographical significance, personalities, studies of Aksakovs, creative heritage, literary connections.

Information about the author: Valentina V. Borisova, DSc in Philology, Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka 38, 119034 Moscow, Russia; Leading Research Fellow, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Museum Center “Moscow House of Dostoevsky,” Dostoevsky st. 2, 103030 Moscow, Russia, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoy Revolutsii st. 3 a, 450008 Ufa, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>

E-mail: vvb1604@gmail.com

Received: September 16, 2022

Approved after reviewing: October 08, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Borisova, V. V. “The First Complete and Universal Bibliographic Index of the Aksakov Family.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 254–263. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-254-263>

¹ Book review: The Aksakovs: a Bibliographic Index of Literature on the Noble Family of the Aksakovs and their Entourage for 1819–2022, compiled by: P. I. Fedorov, S. V. Motin; ed. by A. P. Dmitriev. Ufa, A. A. Slovkhotov Publ., 2022. 724 p. (In Russ.)

В 2022 г. вышла в свет объемная книга «Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы» [Аксаковы]. Это блестящий результат колоссального труда составителей Петра Ильича Федорова, Сергея Витальевича Мотина и ответственного редактора Андрея Петровича Дмитриева. Все исследователи, занимающиеся изучением наследия Аксаковых, получили бесценные материалы. По сути, перед нами первый полный и универсальный библиографический указатель, посвященный известной русской семье. В нем практически исчерпывающе представлены не только книжные источники, но и другие ресурсы современного формата: всего 5322 библиографические записи. Поражает широчайший охват материалов о дворянском роде Аксаковых и его окружении, опубликованных в России и за рубежом за два столетия: это прижизненные, дореволюционные, советские и постсоветские издания на русском, башкирском, татарском и иностранных языках, а также архивные документы.

В Указателе систематизирован огромный материал, распределенный по четырнадцати разделам, включающим в себя, наряду с персоналиями, сведения о семье Аксаковых, связях их творчества с отечественной и зарубежной литературой и культурой, аксаковских местах в России и странах ближнего зарубежья, Аксаковском движении и т. д. Также большую ценность представляют авторский, именной, предметный и географический указатели.

Данная работа является наиболее полной и завершающей в серии библиографических пособий, составленных ранее П. И. Федоровым и С. В. Мотиным¹. В Указателе как в зеркале отражается историческое и современное состояние изучения жизни и творчества семьи Аксако-

---

¹ В эту серию входят 16 изданий, представленных в разделе Указателя «Библиографические пособия о дворянском роде Аксаковых» [Аксаковы: 581–589].

вых, выявляются его этапы и закономерности. В этом плане историографическая ценность Указателя несомненна. Он в высшей степени репрезентативен, свидетельствуя, например, об авторитетном уровне прижизненных и дореволюционных публикаций об Аксаковых.

Однако, как замечают авторы, после 1917 г. про Аксаковых «было забыто». Возвращение к их наследию началось в середине XX в., когда стало формироваться аксаковедение, появились его центры в Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Самаре, Ульяновске, Уфе и других городах, сложилась плеяда крупных исследователей, таких как С. И. Машинский, Е. И. Анненкова, В. В. Кожин, В. А. Кошелев, М. П. Лобанов, Ю. В. Манн, Т. Ф. Пирожкова и др.

Как отдельный этап в развитии аксаковедения П. И. Федоров и С. В. Мотин справедливо выделяют первые десятилетия XXI в., когда в науку были введены неизвестные ранее архивные источники, появилась возможность разрабатывать новые темы. «На этом поприще наибольший вклад внесли московские аксаковеды А. С. Кулешов и О. Н. Наумов» [Аксаковы: 4]. Отмечают авторы Указателя и возрождение интереса в XXI в. к русскому консерватизму, славянофильству и традиционализму, что нашло отражение в работах А. П. Дмитриева, О. Л. Фетисенко, Д. А. Бадаляна, С. В. Мотина, М. А. Сташневой,

А. А. Тесли, Е. Б. Фурсовой, Д. А. Кунильского и др. По-прежнему привлекают внимание многих исследователей особенности поэтики и стилистики произведений Аксаковых.

Перейдем к обзору разделов Указателя. Первый из них посвящен библиографическому описанию материалов о дворянском роде Аксаковых и его окружении. В этом разделе наряду с уникальным историко-генеалогическим изданием «Аксаковы: семейная энциклопедия» важное место занимают книги Ю. В. Манна, Е. И. Анненковой, В. А. Кошелева и др. [Манн; Анненкова; Кошелев].

В разделе «Персоналии Аксаковых» описана обширная литература о предках, семье и потомках автора «Семейной хроники», который, на наш взгляд, представлен все же неполно. С. Т. Аксаков показан как «писатель, мемуарист, переводчик», но он был и незаурядным литературным и театральным критиком, цензором, крупным чиновником на государственной службе, общественным деятелем. Поэтому его многогранная личность заслуживает более развернутой характеристики.

Описание биографических материалов, посвященных С. Т. Аксакову, начинается с некрологов и воспоминаний, опубликованных в 1859 г. во многих периодических изданиях того времени: в журналах «Русская беседа», «Северная пчела», «Северный цветок», «Русский вестник», «Библиотека для чтения», в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские губернские ведомости», «Оренбургские губернские ведомости» и др. В 1870–1890-е гг. появились статьи об С. Т. Аксакове в энциклопедических словарях, с 1909 г. по 1917 г. биографические свидетельства и фрагменты произведений писателя стали публиковаться в адрес-календаре Уфимской губернии. В предреволюционный период были изданы и первые школьные пособия, свидетельствующие о внедрении творчества Аксакова в образовательный процесс.

Затем, как видно из Указателя, возник перерыв в издании и изучении произведений Аксакова, продолжавшийся почти полвека. Кардинальный перелом произошел в 1955 г., когда началось издание собрания сочинений писателя в 4-х томах [Аксаков]. Принципиальной вехой в истории аксаковедения стало 100-летие со дня смерти писателя, отмеченное прежде всего работами С. И. Машинского, автора первой докторской диссертации о творческом пути С. Т. Аксакова (1960 г.) и первой монографии о нем (1961 г.). Второе издание этой книги в 1973 г. [Машинский] вызвало волну рецензий, в которых отмечался

огромный вклад ученого в становление аксаковедения¹. Позже, в 1995–1996 гг. вышел ряд биобиблиографических словарей о русских писателях со статьями Е. А. Анненковой и Ю. В. Манна, появились статьи о писателе в национальных энциклопедиях Башкортостана и Татарстана, в Литературной, Исторической и Православной энциклопедиях.

Во всей своей полноте представлена в Указателе история международных и всероссийских Аксаковских чтений и конференций, которая началась с 1983 г. Первые Аксаковские чтения состоялись в музее-заповеднике «Абрамцево». В 1991 г. прошли Аксаковские конференции, посвященные 200-летию со дня рождения писателя в Оренбурге и Уфе, с 1996 г. по настоящее время Аксаковские чтения регулярно проводятся в Уфе, их материалы публикуются в Аксаковских сборниках, с 2005 г. традиционными стали Аксаковские конференции в Ульяновске, затем в Самаре, с 2016 г. организуются Аксаковские образовательные чтения в Государственном университете по землеустройству (бывшем Межевом институте), 20–21 мая 2021 г. в Москве состоялся I Съезд Аксаковского сообщества, а 9–11 сентября 2022 г. — II Всероссийский съезд Аксаковского сообщества в Самаре.

Исчерпывающим характером отличается библиографическое описание работ, посвященных творчеству С. Т. Аксакова, начиная с 1852 г., когда в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Русская беседа», «Русский вестник» появились отклики на первые произведения писателя со стороны таких его современников как И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, П. В. Анненков, Н. П. Гиляров-Платонов, Ф. М. Дмитриев, С. С. Дудышкин, С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др. Аксаковский бум в России дополнился европейским. В 1857 г. вышла рецензия на «Семейную хронику» во Франции «Хроника русской семьи при Екатерине II» [Delaveau], в 1858 г. были опубликованы 4 рецензии на первый перевод «Семейной хроники» С. Т. Аксакова на немецком языке, выполненный С. Рачинским.

Конец XIX в. был ознаменован выходом примечательных литературно-критических работ О. Ф. Миллера и В. В. Майкова об Аксакове и Гоголе², а начало XX в. — исследований Ю. А. Айхенвальда и В. Ф. Са-

---

¹ В Указателе отмечены 6 рецензий.

² При описании работ Валериана Владимировича Майкова в Указателе допущена ошибка: автор назван Валерианом Николаевичем Майковым.

водника. Через полвека имя С. Т. Аксакова вернули в литературоведческую науку Г. А. Бялый и С. И. Машинский, этапной явилась статья А. В. Чичерина «Русское слово Сергея Аксакова» [Чичерин]. И снова аксаковский ренессанс в России эхом отозвался на Западе: появился целый ряд исследований зарубежных ученых¹.

Современный этап в развитии аксаковедения, включая 2022 г., также наглядно представлен в Указателе. Однако, наряду с достойными и заслуживающими внимание работами, в нем передан тот информационный «шум», который, видимо, неизбежен в нынешней научной индустрии. В последние годы в немалом количестве публикуются статьи в межвузовских сборниках по материалам различных конференций, в том числе и студенческих, но, на наш взгляд, их нельзя включать в библиографию из-за беспрецедентно низкого уровня.

На этом фоне добротным и интересным выглядит в Указателе раздел, посвященный родственному окружению писателя. Среди многих приоритетных работ заметно выделяются исследования авторитетных авторов: книга Т. В. Пирожковой о В. С. Аксаковой, цикл публикаций С. Х. Хакимова о Г. С. Аксакове и С. В. Мотина об И. С. Аксакове. Примечателен новый и важный аксиологический акцент в статьях 2013–2017 гг. о К. С. Аксакове, который назван не только «передовым бойцом славянофильства», но и «рыцарем православия», «пророком в своем отечестве».

Значение Указателя заключается не только в том, что в нем предьявлен «урожай», собранный на аксаковском «поле». Важно, что оно продолжает оставаться плодородным для исследователей, о чем свидетельствует, например, их специальное внимание к теме «К. С. Аксаков и Ф. М. Достоевский» [Денисова; Мотин 2006].

В Указателе представлено немало материалов, имеющих большое прикладное, практическое значение. Они даны, например, в разделах «Образы Аксаковых и их произведения в литературе и искусстве», «Видео о дворянском роде Аксаковых и их произведениях», «Изучение творческого наследия дворянского рода Аксаковых в учебных заведениях». В этом плане выделяется добротное учебное пособие Л. А. Утяшевой [Утяшева] и электронный образовательный ресурс, созданный

---

¹ В Указателе приведены сведения о восьми зарубежных работах, вышедших в 1983–1984 гг.

на кафедре русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы под руководством В. В. Борисовой [Слово Аксакова].

В разделе «Связь творчества Аксаковых с отечественной и зарубежной культурой» наряду с другими представлены факты (хотя и немногочисленные) обращения исследователей к изучению генеалогических и творческих связей семьи Аксаковых с тюркским и исламским миром. И хотя в Указателе описаны издания произведений С. Т. Аксакова на иностранных языках, в нем не хватает отдельного раздела о переводах, которых уже немало.

Большой биобиблиографический труд П. И. Федорова и С. В. Мотина дополнен несколькими отдельными указателями: авторским, именованным, предметным, географическим. В именованном указателе, например, перечислены все произведения Аксаковых и темы, связанные с их изучением. К сожалению, местами допущены пропуски: так, не указаны здесь работы В. В. Борисовой и С. С. Шаулова. Предметный указатель, на наш взгляд, выглядит несколько сумбурным, перекликаясь по своему содержанию с другими указателями, хотя, конечно, тематически структурировать библиографическое описание достаточно сложно.

Зато с исчерпывающей полнотой авторами Указателя перечислены все аксаковские места в России, акцентировано внимание на так называемом Аксаковском движении, приобретающем все более широкий размах. Знаменательно, что первый Аксаковский союз был создан в 1921 г. инициативной группой русских эмигрантов в Константинополе, и ровно через 100 лет в Москве было образовано Аксаковское сообщество под эгидой Ассоциации литературных музеев Союза музеев России. Сегодня, как справедливо отмечает С. В. Мотин [Мотин 2022, 1], аксаковедение стало мощным междисциплинарным научным направлением, что безусловно находит свое подтверждение в Указателе, составленном П. И. Федоровым и С. В. Мотиным.

И, самое главное, рецензируемое издание обозначает горизонты и перспективы развития современного аксаковедения: накопленный опыт делает возможным подготовку полных академических изданий литературного и эпистолярного наследия семьи Аксаковых [Мотин 2022, 2], продолжение и завершение работы, начатой более 10 лет назад по созданию полной летописи их жизни и творчества [Летопись; Аксаков Иван], Словаря языка С. Т. Аксакова [Словарь].

Список литературы

Источники

Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Delaveau H. Les Seigneurs d'Aksakova, chronique d'une famille russe sous Catherine II // Revue des deux Mondes. 1857. IX (15 juin). P. 878–879.

Исследования

Аксаковы: библиографический указатель литературы о дворянском роде Аксаковых и его окружении за 1819–2022 годы / сост.: П. И. Федоров, С. В. Мотин; отв. ред. А. П. Дмитриев; Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова. Уфа: Изд. А. А. Словохотов, 2022. 724 с.

Аксаковы: семейная энциклопедия / ред. С. М. Каштанов. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 536 с.

Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: в 6 вып.: в 12 ч. / под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2009–2015.

Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб.: Наука, 1998. 367 с.

Денисова А. В. Константин Аксаков и Федор Достоевский: («аксаковское» в «Дневнике писателя») // XIV Международные Аксаковские чтения. Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2013. С. 24–30.

Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, Бирский гос. пед. ин-т, 2005. 380 с.

Летопись жизни и творчества С. Т. Аксакова (1791–1859 гг.) / сост. В. В. Борисова, Е. П. Никитина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 236 с.

Манн Ю. В. Семья Аксаковых. М.: Детская литература, 1992. 399 с.

Машинский С. И. С. Т. Аксаков: жизнь и творчество. М.: Худож. лит., 1973. 575 с.

Мотин С. В. Иван Аксаков и Федор Достоевский: (к истории взаимоотношений) // Вторые Аксаковские чтения. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2006. С. 129–141.

Мотин С. В. «Я на тихой лире буду петь любовь»: аксаковедческие заметки и статьи 2020–2021 гг.: в 2 ч. Уфа: Изд. А. А. Словохотов, 2022.

Слово С. Т. Аксакова и слово о С. Т. Аксакове: электронный образовательный ресурс. Уфа, 2017. URL: <http://aksakov.tw1.ru/> (дата обращения: 25.08.2022).

Словарь языка С. Т. Аксакова. Вып. 1, 2 / отв. ред. В. В. Борисова. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013–2014.

Чичерин А. В. Русское слово Сергея Аксакова // Русская литература. 1976. № 2. С. 120–126.

Утяшева Л. А. Изучение творчества С. Т. Аксакова в школе: учебно-методическое пособие. Уфа: БГПУ, 2015. 98 с.

References

Aksakovy: bibliograficheskii ukazatel' literatury o dvorianskom rode Aksakovykh i ego okruzhenii za 1819–2022 gody [Aksakovs: Bibliographic Index of Literature on the Noble Family of Aksakovs and its Entourage for 1819–2022], comp. by P. I. Fedorov, S. V. Motin, ed. by A. P. Dmitriev. Ufa, A. A. Slovochotov Publ., 2022. 724 p. (In Russ.)

Aksakovy: semeinaia entsiklopediia [*Aksakovs: Family Encyclopedia, ed. by S. M. Kash-tanov*]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2015. 536 p. (In Russ.)

Motina, S. V., editor. *Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlia letopisi zhizni i tvorchestva: v 6 vyp.: v 12 ch.* [*Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of Life and Creativity: in 6 issues: in 12 parts*]. Ufa, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2009–2015. (In Russ.)

Annenkova, E. I. *Aksakovy* [*Aksakovs*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 367 p. (In Russ.)

Denisova, A. V. “Konstantin Aksakov i Fedor Dostoevskii: (‘aksakovskoe’ v ‘Dnevnikhe pisatel’ia)’” [“Konstantin Aksakov and Fyodor Dostoevsky: (‘Aksakov’s’ in the ‘Diary of a Writer’)”]. *XIV Mezhdunarodnye Aksakovskie chteniia* [*XIV International Aksakov Readings*]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah Publ., 2013, pp. 24–30. (In Russ.)

Koshelev, V. A. *Sto let sem’i Aksakovykh* [*One Hundred Years of the Aksakov Family*]. Birska, Birska State Pedagogical Institute Publ., 2005. 380 p. (In Russ.)

Letopis’ zhizni i tvorchestva S. T. Aksakova (1791–1859 gg.) [*Chronicle of the Life and Work of S. T. Aksakov (1791–1859)*], comp. V. V. Borisova, E. P. Nikitina. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah Publ., 2010. 236 p. (In Russ.)

Mann, Iu. V. *Sem’ia Aksakovykh* [*The Aksakov Family*]. Moscow, Detskaia literatura Publ., 1992. 399 p. (In Russ.)

Mashinskii, S. I. *S. T. Aksakov: zhizn’ i tvorchestvo* [*S. T. Aksakov: Life and Work*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 575 p. (In Russ.)

Motin, S. V. “Ivan Aksakov i Fedor Dostoevskii: (k istorii vzaimootnoshenii)” [“Ivan Aksakov and Fyodor Dostoevsky: (On the History of Relationships)”]. *Vtorye Aksakovskie chteniia* [*Second Aksakov Readings*]. Ul’ianovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2006, pp. 129–141. (In Russ.)

Motin, S. V. “*‘Ia na tikhoi lire budu pet’ liubov’*”: aksakovedcheskie zametki i stat’i 2020–2021 gg.: v 2 ch. [“*I Will Sing Love on a Quiet Lyre*”: *Notes and Articles of Aksakov Studies 2020–2021: in 2 pt.*]. Ufa, A. A. SlovoKhotov Publ., 2022. (In Russ.)

Slovo S. T. Aksakova i slovo o S. T. Aksakove [*The Word of S. T. Aksakov and the Word about S. T. Aksakov*]. Ufa, 2017. Available at: <http://aksakov.tw1.ru/> (Accessed 25 August 2022). (In Russ.)

Borisov, V. V., editor. *Slovar’ iazyka S. T. Aksakova* [*Dictionary of the Language of S. T. Aksakov, issue 1, 2*]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah Publ., 2013–2014. (In Russ.)

Chicherin, A. V. “Russkoe Slovo Sergeia Aksakova” [“The Russian Word of Sergei Aksakov”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 1976, pp. 120–126. (In Russ.)

Utiasheva, L. A. *Izuchenie tvorchestva S. T. Aksakova v shkole* [*Studying the Creativity of S. T. Aksakov at School*]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah Publ., 2015. 98 p. (In Russ.)

© 2022. Д. В. Ларкович

Сургутский государственный педагогический университет
г. Сургут, Россия

Актуализируя классику: новая коллективная монография о диалогических интенциях отечественного литературного наследия¹

Аннотация: Рецензия содержит общую характеристику коллективной научной монографии «Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия». Авторы данного издания сосредоточены на проблеме рецепции отечественной литературной классики современной читательской и творческой общественностью. В книге представлена оригинальная концепция развития русского литературного процесса XIX–XXI вв. в контексте его аксиологической и эстетической динамики, на материале персональных переводческих стратегий определены значимые факторы межкультурного диалога русской и европейской литератур, дана подробная характеристика русской биографической прозы в ее различных жанровых модификациях, обозначены варианты интертекстуального взаимодействия современных и классических авторов, осмыслена роль театральных и кинематографических постановок как действенного фактора популяризации отечественного литературного наследия. Особое внимание уделяется методическим аспектам актуализации классики в современной образовательной практике.

Ключевые слова: русская литература, классическая литература, культурный контекст, творческий диалог, диалог культур, интермедийальные контакты, методика преподавания, цифровые технологии.

Информация об авторе: Дмитрий Владимирович Ларкович, доктор филологических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2, 628417 г. Сургут, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5141-6987>

E-mail: dvl10@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.09.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Ларкович Д. В. Актуализируя классику: новая коллективная монография о диалогических интенциях отечественного литературного наследия // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 264–275. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-264-275>

---

¹ Рецензия на книгу: Доманский В. А. Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия: коллективная монография / В. А. Доманский, О. Б. Кафанова, Н. А. Миронова, Н. А. Попова; отв. ред. В. А. Доманский. М.: ФЛИНТА, 2022. 480 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 264–275. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 264–275. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2022. Dmitry V. Larkovich
Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia

Actualizing the Classics: A New Collective Monograph on the Dialogic Intentions of the Russian Literary Heritage¹

Abstract: The review contains a general description of the collective scientific monograph “Russian Classics in Dialogue with Modernity: Models of Interaction” (2022). The authors of this publication focus on the problem of the reception of Russian literary classics by the modern readership and creative community. The book presents an original concept of the development of the Russian literary process in the 19th–21st centuries in the context of its axiological and aesthetic dynamics. The article identifies the significant factors of the intercultural dialogue of Russian and European literature on the basis of personal translation strategies, gives a detailed description of Russian biographical prose in its various genre modifications, indicates variants of intertextual interaction between modern and classical authors, shows the role of theatrical and cinematographic productions as an effective factor in the popularization of the domestic literary heritage. The author pays particular attention to the methodological aspects of updating the classics in modern educational practice.

Keywords: Russian literature, classic literature, cultural context, creative dialogue, dialogue of cultures, intermedia contacts, teaching methods, digital technologies.

Information about the author: Dmitry V. Larkovich, DSc in Philology, Professor, Surgut State Pedagogical University, 50 let VLKSM st. 10/2, 628417 Surgut, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5141-6987>

E-mail: dvl10@yandex.ru

Received: September 20, 2022

Approved after reviewing: October 23, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Larkovich, D. V. “Actualizing the Classics: A New Collective Monograph on the Dialogic Intentions of the Russian Literary Heritage.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 264–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-264-275>

¹ Book Review: Domansky, V. A., editor. *Russian Classics in Dialogue with Modernity: Models of Interaction: A Collective Monograph*. Moscow, FLINTA Publ., 2022. 480 p. (In Russ.)

Как известно, со второй половины XX столетия и по настоящий момент проблема диалога является одной из наиболее актуальных и продуктивных в мировой гуманитарной науке. Концептуальные труды отечественных (М. М. Бахтина, В. С. Библера, Л. С. Выготского, Ю. М. Лотмана) и зарубежных (М. Бубера, Ф. Розенцвейга, О. Розеншток-Хюсси, Э. Гуссерля) ученых заложили фундаментальную основу научных разработок в области философии, истории, культурологии, социологии, психологии, педагогики, этнологии, филологии, благодаря чему такие понятия, как «диалог культур», «диалог сознаний», «диалог традиций», «диалог цивилизаций» и др., прочно вошли в современный научный тезаурус. Особую роль идея диалога приобрела в новейшем литературоведении и во многом предопределила базовые методологические установки его основных научных школ (компаративистика, семиотика, герменевтика, рецептивная эстетика, постструктурализм и др.).

В контексте этой магистральной тенденции составлена коллективная монография «Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия», выпущенная издательством «Флинта» в 2022 г. Уже на первых ее страницах авторы констатируют: «Каждое художественное произведение раскрывает свой смысл на грани культур как общение, диалог сознаний, личностей, исторических типов культур и их модификаций» [Русская классика: 13]. Этот тезис красной нитью проходит через все разделы монографии и воспринимается в качестве ключевой концептуальной установки авторского коллектива, который склонен рассматривать проблему диалога в ракурсе межпоколенческой преемственности, а пути ее решения прокладывает по двум взаимопересекающимся траекториям: историко-литературной и методической.

Так, размышляя о личнообразующем потенциале литературной классики, автор первого раздела В. А. Доманский оперирует

понятиями «малого» (сегодня) и «большого» (всегда) времени как рубежными метками на шкале рецептивной дистанции, разделяющей автора и читателя. По мнению ученого, классика и есть тот пласт письменной культуры, который, выдержав проверку большим временем, играет роль канала трансляции литературных кодов и ценностных констант; и чем более продолжительной оказывается эта временная дистанция, тем большим объемом смыслов прирастает каждое конкретное художественное явление, данный пласт составляющее. Но здесь перед нами неизбежно возникает ряд принципиальных и острых вопросов: а готов ли современный читатель к подлинному диалогу с классическим наследием? Обладает ли он достаточным уровнем читательской культуры, позволяющим в полной мере ощутить ту смысловую глубину, которой обладает классическая литература? Способен ли он адекватно откликнуться на диалогический призыв к сотворчеству, который посылает ему писатель с дистанции «большого времени»? Казалось бы, ответ на эти вопросы очевиден: воспитывать полноценного участника культурного диалога необходимо с момента его личностного становления и не прекращать этот процесс на всех последующих этапах его ин-

теллектуального и духовного развития. Однако анализ современных образовательных реалий убедительно свидетельствует о том, что решение этой важной проблемы на практике сопряжено с существенными трудностями.

В частности, В. А. Доманский указывает на то, что диалог классики с современностью может приобрести искаженный характер в тех случаях, когда используются непрофессиональные подходы в самой процедуре «организации» этого диалога. В качестве примера «испорченной» историко-литературной оптики ученый приводит раздел «Великие российские писатели», размещенный на официальном портале «Культура. РФ», где дан перечень «классиков» отечественной литературы, произвольный состав которого местами выглядит весьма курьезно. Комментируя этот перечень, В. А. Доманский в числе прочих казусов отмечает: «Большое удивление в списке “великих русских писателей” вызывают имена Натальи Варлей, Валентина Гафта, Георгия Жжёнова, Александра Ширвиндта, известных, выдающихся актеров театра и кино. Мотивация выбора этих имен у редакции сайта не просто субъективная, а достаточно странная» [Русская классика: 22]¹. И это, разумеется, не единичный факт вопиющей профанации и размывания самого понятия «литературная классика», которые в совокупности неминуемо приводят к ценностной дезориентации потенциального читателя (в особенности юного!) и препятствуют правильному развитию его эстетического вкуса.

Противопоставить этой деструктивной тенденции, по мнению авторов монографии, необходимо целенаправленную работу по формированию «виденья панорамной картины движения литературного процесса от XIX в. до современности» [Русская классика: 33], которая обеспечит подлинно диалогические отношения между классикой и современностью. Все последующие разделы монографии содержат конкретный историко-литературный и методический материал, по-

---

¹ Следует уточнить, что к моменту подготовки данной рецензии имя актрисы Натальи Варлей редакцией портала из перечня «великих российских писателей» было всё же изъято, в то время как имена других упомянутых В. А. Доманским деятелей культуры в этом перечне до сих пор фигурируют. См.: <https://www.culture.ru/literature/persons/writer?rubricPath=writer&page=3&limit=24&sort=-views> (дата обращения: 15.09.2022).

зволяющий организовать такую работу на системной основе в образовательном и социокультурном пространстве.

Так, в первом разделе монографии В. А. Доманским предложена оригинальная периодизация русской литературы XX–XXI вв., обусловленная фактором смены трех основных этапов общественного сознания: индустриального, постиндустриального и информационного (цифровое общество). По словам ученого, «литература первого периода отразила кризис сознания человека, разочаровавшегося в гуманистической картине мира, и поиск новой модели бытия, другой образ мира. В литературе второго периода идею человека-Бога, творца,демиурга сменил философский скептицизм, концепция человека бездомного, затерянного в мире. Цифровое общество сформировало релятивиста, человека массового потребления, человека играющего (Homo ludens), предпочитающего миру реальности виртуальное бытие мира фэнтези» [Русская классика: 36]. Исходя из этого утверждения, автор наблюдает и комментирует историко-культурную динамику от Серебряного века к постмодернизму, фокусируя внимание читателя на наиболее значимых, этапных ее моментах и феноменах. По сути, этот фрагмент монографии представляет собой основательно прописанный и сопровождаемый яркими текстовыми иллюстрациями конспект лекции по истории русской литературы XX – начала XXI вв., в котором методологический и методический аспекты рассматриваемого вопроса выверены и сбалансированы.

Говоря о путях актуализации русской литературной классики в сознании юного читателя и опираясь на существующий педагогический опыт, В. А. Доманский рассматривает различные варианты возможностей, которые могут быть использованы в современной образовательной практике, а кроме того обосновывает систему наиболее продуктивных способов и приемов изучения классического наследия в школе. К их числу он относит:

- 1) вдумчивое (медленное) чтение;
- 2) интерпретацию художественных концептов и литературных кодов;
- 3) учебный диалог и моделирование учебных диалогических ситуаций;
- 4) создание виртуального музея классических произведений.

По мнению ученого, именно комплексное использование активных форм работы с литературным материалом послужит условием развития подлинно диалогической позиции молодого читателя по отношению к национальному культурному наследию, его способности лично воспринимать художественные смыслы классических произведений.

Во втором и третьем разделах монографии тему методических походов к изучению русской литературной классики развивает и конкретизирует Н. А. Миронова. Проследив историю изучения классической литературы в разные периоды развития методической науки и охарактеризовав основные методы изучения классики в истории отечественной школы, исследователь приходит к выводу о том, что наибольшим эффектом обладают те методические модели, которые ориентированы на взаимодействие классического произведения с современностью. По наблюдению автора данных разделов, в эпоху тотальной цифровизации, когда на смену печатному изданию пришел гаджет, а процесс вдумчивого чтения сменился потреблением компактного информационного контента, именно цифровые образовательные технологии могут стать эффективным средством приобщения молодежи к сокровищнице русской классической литературы. Н. А. Миронова не без основания полагает, что перед учителем-словесником XXI в. стоит задача «создать условия, при которых цифровые технологии, цифровой контент будут выполнять мотивационную и организаторскую роли, а также способствовать формированию и развитию интереса к чтению художественных произведений, их обсуждению и интерпретации, в том числе и в цифровой среде» [Русская классика: 127].

Основываясь на экспериментальных данных отечественных и зарубежных методистов-практиков, автор выделяет две группы продуктивных цифровых технологий обучения классической литературе: цифровые технологии информационного типа (мультимедийная презентация, инфографика, интерактивный плакат, виртуальная экскурсия) и цифровые технологии интерпретационного типа (видеолекция, мобильное приложение, блоги, буктрейлер, скрайбинг, геймификация). Но их эффективность возможна только в том случае, когда сам учитель-предметник обладает достаточным уровнем цифровой грамотности, поэтому полноценный диалог учителя и ученика

на уроках литературы — это результат встречного движения, предполагающий сознательное стремление учителя быть равноправным участником этого диалога и вести его на паритетных основаниях.

Четвертый раздел монографии посвящен проблеме актуализации русской классики в зарубежном читательском сознании. Характеризуя художественный перевод как один из вариантов межкультурного диалога, автор раздела О. Б. Кафанова отмечает: «Переводная литература всегда играет в культурной жизни любого народа центральную роль, не уступая в значении литературе оригинальной» [Русская классика: 202]. В этой ситуации особую значимость приобретает личность переводчика, от уровня творческих возможностей и профессиональной состоятельности которого во многом зависит судьба переводного произведения в иноязычной среде. По мнению исследователя, русской литературной культуре в этом отношении повезло двояко. Во-первых, шедевры мировой литературной классики русский читатель знает в основном в переводах крупнейших отечественных поэтов и писателей (Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. А. Бунина, Б. Л. Пастернака и др.), в совершенстве владевших основными европейскими (и не только) языками и обладавших богатым опытом художественной практики. Во-вторых, переводы самой русской классики на иностранные языки в большинстве осуществляются не только высокопрофессиональные зарубежные переводчики (П. Урбан, В. Бишицки, С. Лафит, К. Пигетти, А. Бриль и др.), в совершенстве владеющие языком оригинала и органично ощущающие «национально-культурную и временную обусловленность» первоисточника, но сами отечественные литераторы, стремившиеся сделать высшие достижения национального словесного искусства частью мирового культурного наследия.

Наиболее показательной в этом смысле О. Б. Кафановой представляется фигура «русского европейца» И. С. Тургенева, переводческая деятельность которого стала важной вехой в развитии диалогических контактов между Россией и Западной Европой. Петербургский ученый подробно характеризует творческие инициативы, предпринятые Тургеневым по переводу на русский язык зарубежных авторов (Д. Г. Байрона и И. В. Гёте), а также проводит детальный разбор тургеневских переводов на французский язык сочинений русских писателей (Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина) и приводит важные свиде-

ния об истории их публикации за рубежом. Акцентируя внимание на переводческой стратегии писателя, О. Б. Кафанова приходит к выводу, что плоды его культурной и просветительской активности заслуживают самой высокой оценки, ибо весь свой писательский талант Тургенев направил на то, чтобы «самые выдающиеся русские писатели вышли за национальные рамки и обрели статус классиков европейского, а впоследствии — мирового значения» [Русская классика: 253].

О биографической прозе как одной из форм актуализации классики размышляет московский исследователь Н. А. Попова. Начиная с обзора работ представителей отечественной биографической школы (П. В. Анненкова, П. А. Висковатова, Я. К. Грота, К. К. Зейдлица и др.), она переходит к характеристике основных жанров биографической прозы, в составе которых предстают историко-биографический роман (Д. С. Мережковский, Ю. Н. Тынянов, Н. Я. Эйдельман), беллетризованная биография (И. Л. Андронников, В. Б. Шкловский, Ю. М. Лошиц), литературно-биографическая проза (В. Я. Лакшин, И. П. Золотусский, Ю. В. Манн, С. Б. Рассадин, Ю. М. Лотман и др.). Определяя классификационные признаки литературных сочинений данного вида, Н. А. Попова справедливо замечает: «Отличительной чертой биографической прозы является то, что объектом художественного исследования в ней является жизнь творца, и биограф, рассказывая о судьбе своего героя, параллельно воспроизводит и свою биографию, ищет ответы на собственные вопросы, наделяет героя своими мыслями и, описывая поступки персонажа, опирается на собственный опыт. Благодаря этому мы получаем книгу сразу с двумя героями» [Русская классика: 285]. Именно такая — диалогически ориентированная — позиция автора литературной биографии, по мнению исследователя, может стать важным фактором в процессе актуализации классики в современной образовательной практике, чему и посвящен специальный параграф монографии.

Помимо этого Н. А. Попова обращается к еще одной форме диалога «классиков» и «современников», где речь идет о сознательном обращении современных писателей к произведениям великих предшественников. Исследователь выделяет четыре модели подобного взаимодействия:

– включение в структуру произведения современного автора сюжетов, мотивов, образов и прецедентных текстов классики (Е. Г. Водолазкин);

– постмодернистская «мозаика» из фрагментов узнаваемых классических произведений как ключевой текстообразующий принцип (М. П. Шишкин, В. Г. Сорокин);

– стилизация художественного дискурса «под классику» (М. Л. Степнова);

– создание произведения, родственного с классикой на «генетическом уровне» (А. Г. Волос, Г. Ш. Яхина).

Несмотря на различие рецептивных установок по отношению к классическому наследию, писатели рубежа XX–XXI вв. рассматривают его как некий эстетический эталон, через призму которого следует осмыслять и творчески отображать современные жизненные реалии.

Завершает монографию обширный раздел, написанный в соавторстве В. А. Доманским и О. Б. Кафановой, о театральных и кинематографических прочтениях русской литературной классики. Рассматривая в качестве основного оценочного критерия адекватность сценической или съемочной интерпретации логике авторского замысла, исследователи наглядно и убедительно демонстрируют, как при переводе литературного произведения на языки драматического театра, оперы или кино под руководством талантливого и тонко чувствующего художественное слово режиссера (Ю. Бутусова, А. Виднянского, А. Ледуховского, Е. Арье, Ю. Темирканова, А. Сокурова и др.) происходит приращение и расширение смыслового поля, потенциально присущего классическому первоисточнику. По мнению исследователей, сама природа синтетических искусств, органично сочетающих действенные ресурсы визуальной и акустической впечатлительности, содержит дополнительные возможности актуализации классики в сознании современного читателя.

С чувством искреннего сожаления авторы данного раздела отмечают и прямо противоположную тенденцию, когда литературный первоисточник оказывается своеобразным полигоном отработки смелых режиссерских экспериментов и эпатажных инноваций. В этом случае вечные смыслы и незыблемые ценностные ориентиры, которые заключены в классических произведениях, искажаются

до неузнаваемости или подменяются сомнительными императивами «на злобу дня». Особенно уязвимым в этом отношении оказывается юный зритель, еще не имеющий достаточного опыта критического восприятия театральных постановок и кинопостановок. И здесь кратно возрастает образовательная роль учителя-словесника, способного привить своим ученикам не только читательскую, но и искусствоведческую, общеэстетическую культуру.

Резюмируя краткий обзор коллективной монографии «Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия», можно с уверенностью констатировать, что в распоряжении научной и педагогической общественности появилось очень нужное и своевременное издание, где глубоко осмыслены и отчетливо обозначены пути решения одной из наиболее важных проблем нашего культурного самоопределения — проблемы актуализации классики в современном общественном сознании. Об исключительной важности этой проблемы красноречиво свидетельствует сам факт множественной вариативности путей ее решения, предложенных в монографии, и в этом видится знак нашей общей ностальгии по «большой культуре», знак острой потребности человека третьего тысячелетия, заблудившегося в лабиринтах цифровой, виртуальной реальности, в личном приобщении к подлинным духовным ценностям, фундаментальным основаниям осмысленного бытия. В этом нельзя не согласиться с авторским коллективом издания.

Список литературы

Источники

Доманский В. А. Русская классика в диалоге с современностью: модели взаимодействия: коллективная монография / В. А. Доманский, О. Б. Кафанова, Н. А. Миронова, Н. А. Попова; отв. ред. В. А. Доманский. М.: Флинта, 2022. 480 с.

References

Domanskii, V. A., editor. *Russkaia klassika v dialoge s sovremennost'iu: modeli vzaimodeistvii: kollektivnaia monografiia* [Russian Classics in Dialogue with Modernity: Models of Interaction: A Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 480 p. (In Russ.)

© 2022. Татьяна Гершкович
Университет Карнеги — Меллона
г. Питтсбург, США

Книга Донны Орвин о трех великих «психологических реалистах» русской классики в новом издании¹

Аннотация: В предлагаемой читателям рецензии рассматривается книга Донны Орвин о Тургеневе, Достоевском и Толстом, вышедшая в этом году на русском языке в издательстве «Библиороссика» (Academic Studies Press). Автор рецензии считает выход этой книги на русском не только значимым научным свершением, но и важным явлением общественной жизни, напоминающим о длительных культурных взаимоотношениях России, Европы и Северной Америки. Книга «Следствия самоосознания...» Донны Орвин, по мнению рецензента, представляет своим читателям исчерпывающий отчет о культурно-философских обстоятельствах, породивших русский психологический реализм, предлагает новаторские прочтения ключевых художественных текстов, которые демонстрируют диалог между тремя знаменитыми романистами.

Ключевые слова: Донна Орвин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, психологический реализм, концепции субъективности, личность, самосознание.

Информация об авторе: Татьяна Гершкович, доктор филологических наук, Университет Карнеги — Меллона, 5000 Форбс-авеню, 15213 г. Питтсбург, США.

E-mail: tgershko@andrew.cmu.edu

Дата поступления статьи в редакцию: 11.09.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 03.10.2022

Дата публикации статьи: 25.12.2022

Для цитирования: Гершкович Т. Книга Донны Орвин о трех великих «психологических реалистах» русской классики в новом издании // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 4. С. 276–287. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-276-287>

---

¹ Рецензия на книгу: Орвин Д. Следствия самоосознания. Тургенев. Достоевский. Толстой / пер. с англ. А. Г. Продецкой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 351 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 276–287. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 4, 2022, pp. 276–287. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2022. **Tatyana Gershkovich**
Carnegie Mellon University
Pittsburgh, USA

A New Edition of Donna Orwin's Study of the Three Great "Psychological Realists" of Russian Prose¹

Abstract: Discusses the Russian-language edition of Donna Orwin's book about Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy, which came out this year with Academic Studies Press / Bibliorossika. The reviewer considers this book's publication in Russian a significant scholarly contribution as well as an important reminder of the cultural entanglements among Russia, Europe, and North America. Orwin's *Consequences of Consciousness* provides its readers with a comprehensive account of the cultural and philosophical circumstances that gave rise to Russian psychological realism, and offers innovative readings of key literary texts that demonstrate the dynamic dialogue among the three authors who established the genre.

Keywords: Donna Orwin, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, psychological realism, concepts of subjectivity, personality, self-consciousness.

Information about the author: Tatyana Gershkovich, PhD in Philology, Associate Professor of Russian Studies, Carnegie Mellon University 5000 Forbes Avenue, 15213 Pittsburgh, PA, USA.

E-mail: tgershko@andrew.cmu.edu

Received: September 11, 2022

Approved after reviewing: October 03, 2022

Published: December 25, 2022

For citation: Gershkovich, T. "A New Edition of Donna Orwin's Study of the Three Great 'Psychological Realists' of Russian Prose." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 4, 2022, pp. 276–287. (In English) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-4-276-287>

---

¹ Book review: Orwin, D. T. *Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy*, translated from English. A. G. Grodet'skaya. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2022. 351 p. (In Russ.)

Donna Orwin's «Следствия самоосознания: Тургенев, Достоевский, Толстой» [Orwin 2022] is a strikingly timely book. It might seem odd to say so about a Russian-language translation of a monograph that first appeared fifteen years ago as «Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy» [Orwin 2007]. Yet Orwin's meticulously researched and persuasive account of the works of these three “psychological realists” reminds us — at a time when we're inclined to forget it — of the mutually formative cultural relationship among Russia, Europe, and North America. Orwin begins her account of the leading figures of psychological realism somewhat obliquely. She invokes Oliver Sacks, renowned British-American neurologist and writer, who acknowledged his intellectual debt to Soviet neuropsychologist Alexander Luria. Luria, in turn, noted the influence of William James, who himself confessed to learning much from Leo Tolstoy. Tolstoy's ideas about psychic life, as Orwin demonstrates throughout her study, developed in close dialogue with his contemporaries Turgenev and Dostoevsky. And all three, of course, reckoned not only with their Russian predecessors but also with the European philosophical and literary tradition from Plato to Descartes, Goethe, and Rousseau. «Следствия самоосознания...» demonstrates that the works of Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy represent one moment (but a crucial one) in an ongoing dialogue between Russia and the West. As Orwin shows, Russian and Western ideas about the self and its relationship to reason, faith, language, community, and so on, are products of a transnational discourse.

While underscoring these cross-cultural entanglements, Orwin remains attentive to national specificity. Her first chapter traces how the Russian literary tradition became specially invested in rendering self-consciousness. After briefly mentioning the role of Petrine reforms in transforming Russian society, Orwin turns to Karamzin, Pushkin, and Lermontov to describe the genesis of Russian psychological prose, which she defines, in part, by its interest in subjectivity. Subjectivity for Orwin is the inner life of an

individual: «Под субъективностью я понимаю явления, которые мистер Грэдграйнд (пока не получил заслуженное наказание в романе Диккенса) не воспринял бы как реальные: внутреннюю жизнь и внутренний опыт каждого индивидуума» [Орвин 2022: 14]. Some readers might wish for a more precise definition, but Orwin offers this initial, rather capacious one in order to discuss in later chapters the narrower and more specific definitions of each of her authors. Their distinct conceptions of subjectivity put in relief what they all held in common: namely, that the self cannot exist without others: «У трех писателей <...> разный взгляд на человеческую природу, но все они согласны в том, что индивидуальная душа не способна существовать сама по себе» [Орвин 2022: 319]. The individual is not self-sufficient and must seek to understand herself through her relations. Russian psychological prose illuminates how the individual experiences this human condition.

«Следствия самоосознания...» turns first to the authors' early works. In chapters two, three, and four, Orwin looks at texts such as *A Sportsman's*

Sketches, Poor Folk, and *The Raid* in order to tease out their distinct strategies for rendering psychic life on the page. Later chapters offer close analysis of more major works — e.g., *Fathers and Children*, *Demons*, *Notes from the House of the Dead*, *Anna Karenina*, *The Kreutzer Sonata* — to demonstrate the evolution of the authors' strategies as well as their mature conceptions of subjectivity. Chapters five, six, and seven focus on Turgenev and Dostoevsky, chapters eight and nine on Dostoevsky and Tolstoy. But Turgenev lingers in the last two chapters as a stoic foil to Tolstoy's and Dostoevsky's more impassioned responses to the tragedy of the human condition.

In fact, it is Turgenev in many ways who takes center stage in Orwin's account. He established the standards of representation with which his younger peers were forced to contend: «Современники признавали первенство Тургенева среди троих, по крайней мере до публикации “Войны и мира”, поэтому именно он устанавливал в прозе те стандарты, которым Достоевский и Толстой открыто бросали вызов, а тайно в большей или меньшей степени следовали» [Орвин 2022: 74]. Of these three, Turgenev had the most robust philosophical education; he often mediated the encounters of Tolstoy and Dostoevsky with Western literature and thought. Orwin repeatedly stresses Turgenev's significance in the development of psychological realism.

In chapter two Orwin argues that Turgenev joined with Dostoevsky and Tolstoy in a “romantic rebellion” against the Enlightenment's apotheosis of reason: «Так же как Достоевский и Толстой, Тургенев участвовал в романтическом бунте против рационалистических схем, к которым была так благосклонна эпоха Просвещения» [Орвин 2022: 81]. She highlights Turgenev's commitment to defending the individual and specific against types and generalizations. Focusing her analysis on *A Sportsman's Sketches*, Orwin shows how the narrator's expectations about people and places — expectations shaped by stereotypes — are constantly subverted. But while Turgenev elevates the individual subject, he demurs from rendering the subject's inner world: «О том, что действительно чувствуют и думают его герои, можно только строить предположения, но точно знать это невозможно — хотя то, что они глубоко чувствуют и мыслят, не вызывает сомнений» [Орвин 2022: 82]. Turgenev privileges detailed description of outward behavior over psychological analysis: «Для Тургенева <...> факт является фундаментальным исходным условием его поэтики» [Орвин 2022: 68]. There are conceptual and formal reasons for this restraint. For

Turgenev, an author's psychological probing does not illuminate subjectivity but only distorts it, and the most effective and elegant way to draw a character's inner life is through external description.

For Dostoevsky and Tolstoy psychological analysis both by the author and by the characters themselves is indispensable for portraying subjectivity. Orwin's third chapter contests the often-repeated idea that Dostoevsky is an author who absents himself from his texts. Psychological realism, she explains, demands that authors are simultaneously absent and present. They must be absent to the extent that they seek to render the inner world of others. Yet in creating this inner world they inevitably draw on the only psychic landscape to which they have immediate access — that is, their own. How does Dostoevsky meet this challenge of his representation? Orwin examines Dostoevsky's strategies for obfuscating his authorial presence through a reading of *Poor Folk*. Dostoevsky allows his characters to speak for themselves, offering their own self-analysis, which is always partly true and partly false: «Точка зрения каждого “атома” частично верна, поскольку “исходит из сердца”, и частично ложна, поскольку в большей степени выражает особенное, чем общее» [Орвин 2022: 90]. He thereby creates what Bakhtin famously described as a polyphonic text, which contains a multiplicity of voices each speaking his or her own truth. Yet as Orwin observes, an authoring consciousness is required to hold all these voices and (often contradictory) truths together: «Автор у Достоевского хотя и может быть скрыт, все же необходим для читателей в роли посредника между разными голосами» [Орвин 2022: 92]. In Dostoevsky, the reader is invited to join the author in a process of reflection that surpasses the capacities of any individual character. The author's consciousness is nowhere apparent, but it suffuses the text as a whole: «Сама проблема субъективной предвзятости любого индивидуума требует, чтобы автор был вездесущим, не как “рожа сочинителя”, но как его сердце, а потом и ум. В конечном счете именно его авторское сознание связывает воедино весь текст и делает его, выражаясь языком того времени, “органическим”» [Орвин 2022: 105]. It is hard to argue with Orwin that Dostoevsky lurks somewhere in his texts, however obscurely. She offers a much-needed corrective to readings that take the freedom of his characters too literally. But one is left wondering to what extent Dostoevsky's simultaneous absence and presence in the text is a conscious artistic strategy. Is this ambiguity a deliberate choice? Or is it rather that Dostoevsky's ambition to withdraw

from the text runs up against a stricture of the novel, perhaps of writing itself? In other words, can one imagine a piece of writing from which the author's consciousness is truly absent?

In chapter four, Orwin turns to Tolstoy and his conflicting authorial impulses. On the one hand, Tolstoy wished to capture the idiosyncrasies, contradictions, and irrationalities of human psychology. On the other, he had an irrepressible desire to generalize from his findings and arrive at rational conclusions that might inform his ethics. Orwin focuses on the way Plato and Turgenev help Tolstoy negotiate these contradictory drives. From Plato, he learns to build his fictional worlds from the ground up and proceed from detail to generalization: «В начале творческого пути Толстой с целью достижения художественной правды учился у Платона тому, как использовать драматическое действие и жизненные “реалии” в качестве необходимого дополнения к авторской мысли» [Орвин 2022: 128]. From Turgenev he learns to resist his own moralizing tendency: «Тургенев помог ему освободиться от тирании единой точки зрения, какой бы морально убедительной она ни была» [Орвин 2022: 129]. Orwin suggests that in mature works like *Anna Karenina* Tolstoy finds a balance between his poetic and moral objectives. He creates enough room for his characters to express their subjective perspectives while retaining his aim of bringing the reader around to his own point of view. By ending her chapter with Tolstoy's success in maintaining this delicate balance, Orwin gives the impression that Tolstoy, under the tutelage of Plato and Turgenev, resolved his contradictory impulses. But of course, as she would no doubt agree, Tolstoy continued throughout his life to be pulled in opposite directions. And this struggle in many ways defined his artistic practice.

The three chapters that follow (five, six, and seven) delve deeper into Turgenev's and Dostoevsky's views on the nature of subjectivity, pointing out what they had in common and where they diverged. The roots of Turgenev's art and thought, Orwin explains, are in romanticism. Central to Turgenev's poetics, from his early poetry to his great prose works, is the tragic longing of the finite self to unite with the infinite universe: «Тургенев никогда полностью не отступал от этой романтической веры. Он всегда считал “святую тоску” (Sehnsucht), стремление к слиянию со Всем одним из благороднейших человеческих качеств. Такое стремление возникает как следствие трагической ограниченности любого индивидуально-го существования» [Орвин 2022: 142]. Turgenev shared Romanticism's

wariness of reason, regarding it as an obstacle to the individual's longing for communion with nature and other people. In *Andrey Kolosov*, Orwin argues, Turgenev resolves the formal challenge of depicting this human striving for wholeness through the effective use of a frame narrative. Turgenev's hero, Andrey, embodies the romantic ideal of a spontaneous self that is unspoiled by reason and the self-reflective gaze. As such, Andrey cannot tell his own story while remaining within it. Turgenev therefore employs a frame narrator who steps out of the flow of his own life in order to reflect on it: «Рассказчик в большей степени излагает свою историю, чем живет внутри нее» [Орвин 2022: 165]. Schiller's categories of the "naïve" and "sentimental" might be applied respectively to Turgenev's hero Andrey and to his narrator, Orwin suggests. As readers, we share the "sentimental" position of the narrator, partaking of his desire for a wholeness that is out of reach for the modern person engaged in self-reflection. This elegiac quality of Turgenev's art had greater appeal in the 19th century than in the 20th, a fact that helps explain the waning interest of later readers. But «Следствия самоосознания...» makes a powerful case that it would be a mistake to neglect Turgenev in the development of psychological realism.

Orwin next turns her attention to the dialogue between Dostoevsky and Turgenev. She identifies their points of disagreement and analyzes Dostoevsky's complex response to his contemporary. In *Demons*, Dostoevsky satirizes Turgenev in the character of Semyon Yegorovich Karmazinov. Orwin cautions that this caricature should not be read as an indictment of Turgenev or a rejection of his thought: «Умный, но лишенный поэзии Кармазинов становится карикатурой на Тургенева, а не объективным портретом писателя, которого Достоевский уважал на протяжении всей жизни» [Орвин 2022: 191]. Dostoevsky parodies Turgenev's politics and his personal traits, but at the same time respects and even relies on his artistic innovations: «Достоевский извлекает пользу из лучших литературных произведений Тургенева, даже когда в "Бесах" его окарикатуривает и оскорбляет как личность» [Орвин 2022: 194]. (Dostoevsky, we might mention, receives his comeuppance in the form of similar treatment by Vladimir Nabokov.) Reading the various ways Turgenev is present in *Demons*, Orwin illuminates the ideological and artistic disagreements that lurked well beneath the surface-level caricature. For all his attention to the limits of reason, Turgenev continued to regard it as the bedrock of our freedom and our humanity. For Dostoevsky, in contrast, our freedom

and our humanity depend not on reason but on the will. Consequently, the two brought fundamentally different assumptions and anxieties to the task of rendering subjectivity. Turgenev, as Orwin explains, scrutinized the strictures of dogma, whereas Dostoevsky worried about what binds our will.

After giving her reader a clearer sense of Dostoevsky's philosophical presumptions and concerns, Orwin returns to the question of form. She analyzes *Notes from the House of the Dead* to describe how self-reflection (of the author and of his characters) functions in psychological realism. She underscores the inescapability of the autobiographical and the need for authorial self-reflection: «Стремящийся к подлинному пониманию и изображению человека, не мог его достигнуть только посредством эмпирического наблюдения. Писателю необходима способность к рефлексии, с помощью которой он может как лично пережить все возможное для человека, так и осмыслить пережитое» [Орвин 2022: 209]. Orwin shows us how Dostoevsky grapples with this demand in *Notes from the House of the Dead*. There he has a dual aim: to depict with nuance and sympathy the prisoners he met in Siberia, and to describe a journey of individual spiritual transformation. In painting his narrator's encounters with other prisoners, Dostoevsky points up the limits of our ability to think and feel ourselves into the inner lives of other people. In rendering his characters' confessions, Dostoevsky underscores the distortions of our reflections on ourselves. *Notes from the House of the Dead* thus queries our capacity to faithfully render either other people or ourselves. Orwin reminds us that while Dostoevsky went farther than Turgenev in his efforts to depict from within the psychic lives of others, he did not believe they could ever come fully into view: «Как и Тургенев — и вопреки мнению о нем Тургенева, — Достоевский не утверждает, что способен полностью осветить внутреннюю жизнь других <...> Несмотря на его способность проникновения в чужие души, чужая субъективность в конечном счете остается в его прозе тайной» [Орвин 2022: 235]. Orwin thereby points out something perpetually overlooked in studies of psychological realism — namely, its ultimate reverence for the mystery that is another person's inner life.

One mysterious corner of psychic life that has a tremendous significance for all three authors is the experience of childhood. All three agreed with Jean-Jacque Rousseau that children are inherently virtuous: «Как следует из предыдущих глав, Руссо оказал значительное влияние на всех трех авторов, главных героев этой книги. Все трое верили в природ-

ную добродетельность детей» [Орвин 2022: 248]. In Dostoevsky and Tolstoy, the transition from childhood to adulthood becomes a dominant theme. Orwin teases out the subtle but important distinctions in how these two authors drew children. Tolstoy is well known for his idealized portraits of children, starting with his debut novel, *Childhood*. Children in Tolstoy possess a happiness and authenticity that is lost in the process of maturation, especially during the discovery of sexuality. Dostoevsky, in contrast, offers few portraits of happy children — children untouched by the depraved adult world. But it is Dostoevsky, Orwin argues, who holds childhood in higher esteem. Tolstoy's portraits of childhood do not exclude egoism. It is simply that children do not differentiate themselves from those around them, so their self-love extends to others. Dostoevsky, on the other hand, perceives the child's love as selfless. In childhood we experience a spiritual state that excludes egoism, and this experience can later nourish the adult self and become a source of goodness: «Вопреки, казалось бы, нашим ожиданиям, Достоевский больше, чем Толстой, верит в укорененность во взрослой жизни невинной, бескорыстной, детской любви. Причина в том, как я бы предположила, что для Достоевского доброта детства выше, чище, чем любое человеческое качество, которое представлялось Толстому» [Орвин 2022: 277]. Tolstoy and Dostoevsky each offer characters who even in their adult life can approximate the spiritual heights of childhood. But this capacity is elusive, and for most people the vestiges of childhood's exalted spiritual state are not enough to resist the (often pernicious) passions of adulthood.

The final chapter of «*Следствия самоосознания...*» considers the depiction of evil. Orwin traces the hidden dialogue between Dostoevsky and Tolstoy on the nature of evil, and contends that each distinguished between two kinds: evil as an unintended consequence of egoism, and intentional, premeditated evil. The first kind is a byproduct of the force of “human vitality,” which can overwhelm reason and conscience: «Тургенев, Достоевский и Толстой поразили и ужаснули викторианских читателей изображением силы человеческой витальности, способной овладеть разумом и совестью даже хорошего человека, как мужчины, так и женщины» [Орвин 2022: 314]. Tolstoy's *The Kreutzer Sonata* demonstrates how one can become possessed by evil passions to such an extent that one can be aware of one's crimes and yet powerless to stop them; self-reflexivity can be a counterweight to dangerous passions but not enough to prevent immoral

action. Dostoevsky's works take a further step by asking what happens when self-reflexivity does not serve even this function, and instead becomes an accomplice to criminal passions: «Но что, если самосознающее “я” развращено и стало соучастником побуждений, которым должно противоборствовать?» [Орвин 2022: 304]. Orwin argues that, in the end, Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy converge on the idea that evil is a consequence of our tragic human condition: of our awareness of our own finitude. Since they located the source of evil in our shared predicament, all three — to the consternation of readers past and present — expressed sympathy for even the most immoral characters and sought to find in them traces of conscience.

Orwin's *«Следствия самоосознания...»* presents its readers with a comprehensive account of the cultural-philosophical circumstances that gave rise to Russian psychological realism. It offers innovative readings of key fictional texts that demonstrate the dialogue among their authors. It clarifies subtle but important differences in how Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy approached similar themes. Finally, in her conclusion, Orwin turns her attention to a question that confronts every generation of readers: Why do we continue to read these works? The great contribution of Russian psychological realism, she contends, is that it strengthens the authority of individual experience while underscoring that the individual is not self-sufficient: «Влияние русской психологической прозы на мировую литературу выразилось в первую очередь в укреплении авторитета индивидуального голоса субъекта <...> Все трое <авторов> согласны в понимании ее <индивидуальной души> радикальной неполноты, нецелостности и вытекающих из этого ее потребностей и стремлений» [Орвин 2022: 318–319]. We sense our incompleteness, long for wholeness, and strive for communion with others. Orwin suggest that these authors offer us something deeply desirable: a search for moral principles that might help us transcend individualism yet still maintain respect for the individual. One might wish (even at the end of a long and exacting tome) that Orwin had dwelled for a moment longer on this thought, and more generally on the implications of looking for moral guidance in 19th-century fiction. Nonetheless, we are well prepared to accept her assessment, and to agree that readers forgive the didactic excesses of the great realists because their moral conclusions are finally always provisional; all three evince a deep appreciation for the limits of our capacity to think and feel our way into the inner lives of others.

Список литературы

Исследования

Орвин Д. Следствия самоосознания. Тургенев. Достоевский. Толстой / пер. с англ. А. Г. Гродецкой. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 351 с.

Orwin, D. T. *Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2007. 238 p.

References

Orvin, D. *Sledstviia samoosoznaniia. Turgenev. Dostoevskii. Tolstoi* [Consequences of Self-awareness. Turgenev. Dostoevsky. Tolstoy], trans. from English by A. G. Grodetzkaya. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2022. 351 p. (In Russ.)

Orwin, D. T. *Consequences of Consciousness: Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy*. Stanford, California, Stanford University Press, 2007. 238 p. (In English)

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Научный журнал
Два века русской классики / Two centuries of the Russian classics

2022 — Т. 4 — № 4

Учредитель и издатель
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

Главный редактор

Щербакова Марина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая научно-исследовательским центром
«Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН

Дизайн обложки и макет журнала   **Компьютерная верстка**
Д. К. Бернштейн   А. З. Бернштейн

Корректор

В. Г. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № Эл 77-76366 от 02.08.2019 г.

Адрес учредителя, редакции и издателя:

121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Тел.: (495)690-50-30

E-mail: journal_ork@mail.ru

Сайт журнала: www.rusklassika.ru

Дата размещения сетевого издания в сети Интернет
на официальном сайте <http://rusklassika.ru> 25.12.2022 г.

При перепечатке ссылка обязательна

16+

Участником
мировой интер-
националь-
ной

А.М. Тарского
РАН
Москва